№ 4 (44) 2023
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 4 (44)

МОСКВА
2023

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (Государственный университет просвещения, г. Москва)

Технический редактор:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(НИУ ВШЭ, г. Москва)

Технический секретать:
А.Д. Пахалова (Государственный университет просвещения, г. Москва)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2023 – 246 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 20.12.23. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

Редакционная коллегия

Богданова Л.И.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Добросклонская Т.Г.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Зененко Н.В.
д.филол.н., профессор (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)
Калинин О.И.
д.филол.н., доцент (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)
Карасик В.И.
д.филол.н., профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва)
Курбакова С.Н.
д.филол.н., доцент (МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва)
Иванова О.Ю.
к. культ., доцент (Союз переводчиков России, г. Москва)
Карпова О.М.
д.филол.н., профессор (ИвГУ, г. Иваново)
Киосе М.И.
д.филол.н., доцент (Институт языкознания РАН)
Ксензенко О.А.
к.филол.н., доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Липгарт А.А.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Максименко О.И.
д.филол.н., профессор (ГУП, г. Москва)
Моисеенко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГЛУ, г. Москва)
Полубиченко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чеснокова О.С.
д.филол.н., профессор (РУДН, г. Москва)
Robert Ilson
(University College London)
Zhong Weihe
(Guangdong University of Foreign Languages)
Ян Кэ
профессор (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

СОДЕРЖАНИЕ

АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Буланкина Н.Е.
Концептосфера языка педагога: ценностные доминанты 9

Евграфова Ю.А.
Прагматические коды гетерогенного экранного текста: герменевтический и проайретический код (на примере сериала “Black Mirror”, эпизод “White Christmas”) 32

Мазирка И.О., Донскова И.И., Горбунова Е.В., Мигдаль И.Ю.
Лингвистический аспект представления понятия «личность» и ее характеристик 51

Осиновская Л.М.
Лингвистические средства выражения концепта «учение» в русском и англоязычном педагогическом дискурсе 66

Осипова О.С.
Комическое в американском политическом медиадискурсе: лингвокультурологический аспект 82

Семенова Ю.В.
Лексический повтор как средство когнитивного развертывания поэтического текста (на примере стихотворения на латышском языке) 96

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Красоцкая М.Д.
Мем как особый вид идиоматического выражения 119

Михеева Е.В., Алиханова И.А.
Лингвистические основы формирования навыков чтения на занятиях по английскому языку в вузе 128

Попова Е.А.
Семантические компоненты частотных глаголов плача в испанском языке 141

156

Федуленкова Т.Н.
Фразеологизация как средство развития деловой терминологии

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Чжан Тяньюань
Перевод интертекстуальных элементов с русского на китайский в романе «Пищеблок» Алексея Иванова 173

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Дубинина М.Н.
Проблемы перевода культурных реалий как элемента туристического ландшафта (в паре русский – китайский) 186
Мигдаль И.Ю.
Русизмы как носители восприятия культуры в англоязычном художественном тексте 200
Павловская А.В., Петрова О.С.
«Чтение – вот лучшее учение». Место и роль книги в русской жизни XIX века 211
Филиппова Д.О.
Способы выражения национального «культурного кода» через варианты английского языка на материале британских и австралийских сказок 226
Список авторов 238

CONTENTS

DISCOURSE ANALYSIS

Nadezhda Bulankina
Concepts of a Pedagogue Language: Dominant Values 9

Yulia Yevgrafova
Pragmatic Codes of Heterogeneous Screen Text: Hermeneutic and Proiretic Code (Case Study of the TV Series "Black Mirror", Episode "White Christmas") 32

Irina Mazirka, Irina Donskova, Elena Gorbunova, Irina Migdal
Linguistic Aspect of Representing the Concept of "Personality" and Its Characteristics 51

Ludmila Osinovskaya
Linguistic Means of Expressing Concept "Learning" in the Russian and English-Speaking Pedagogical Discourse 66

Olga Osipova
The Comic in the American Political Media Discourse: Linguocultural Perspective 82

Yulia Semyonova
Lexical Repetition as a Means of Poetic Text Cognitive Development (On the Example of Latvian Poem) 96

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Milana Krasotskaya
Meme as a Special Type of Idiomatic Expression 119

Elena Mikheeva, Inna Alikhanova
Linguistic Foundations of the Formation of Reading Skills in University Classes of English 128

Evgeniya Popova
Semantic Components of Frequent “Crying” Verbs in Spanish 141

Tatiana Fedulenkova
Phraseologisation as a Means of Development of Business Terminology 156

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Zhang Tianyuan
Translation of Intertextual Elements from Russian into Chinese in the Novel “Food Block” by Alexei Ivanov 173

LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION

Maria Dubinina
Problems of Translating Cultural Realities as an Element of the Tourist Landscape (Russian - Chinese) 186
Irina Migdal
Russianisms as Culture Perception Carriers in an English-language Fiction Text 200
Anna Pavlovskaya, Olga Petrova
“Reading is the Best Teaching”. The Place and Role of Books in the Russian Life of the 19th Century 211
Daria Filippova
Ways of Expressing the National "Cultural Code" through World Englishes Based on British and Australian Fairy Tales 226
List of authors 238

АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 37.01

Буланкина Надежда Ефимовна
Nadezhda Bulankina

Концептосфера языка педагога: ценностные доминанты

Concepts of a Pedagogue Language: Dominant Values

Аннотация. *Актуальность. Необходимость актуализации вопросов становления концептосферы языка личности в рамках специальной программы подготовки педагогов-наставников связана с учетом специфики их новой миссии и профессионализации. Искомая программа рассматривается как важная часть архитектоники подготовки, предполагая культивирование спецкурса, ориентированного на создание регионального безопасного коммуникативного пространства взаимодействия участников образования. Цель. Определение и осмысление ценностно-смысловых приоритетов в подготовке педагога-лингвиста относительно имеющегося культурного контекста и разработка архитектоники исследования концептосферы языка в процессе обобщения инновационных педагогических практик. Методология и материалы исследования включают дескриптивный метод, а также критический анализ литературных источников по искомой проблематике. Обращение к культурно-языковым и семиотическим параметрам рече/творческих текстов учителей-практиков потребовало использования герменевтического метода в ходе наблюдения и анализа устных и письменных оригинальных речевых высказываний. Научная новизна / теоретическая и/или практическая значимость. Научная новизна исследования заключается в обращении к оригинальным текстам педагогов-практиков, которые могут быть использованы в процессе общегуманитарной подготовки педагога-исследователя. Практическое применение нашли результаты подготовки педагогов-наставников по искомой программе во внедрении научно-методических рекомендаций и учебных пособий в педагогической инновационной деятельности учителя-практика. Реализован проект «Создаем безопасную гуманитарную среду» на региональном и всероссийском уровнях. Результаты. Определены базовые ценностно-смысловые приоритеты языковой подготовки педагогов-наставников, способных культивировать языковые, речевые и коммуникативные модели в рамках концептосферы языка, а также осуществлять медиаторскую функцию в процессе создания совместного коммуникативного пространства с учетом особенностей обобщения инновационного опыта учителей как языковых личностей. Выводы. Становление концептосферы языка педагога как непрерывный процесс языковой самореализации /самовыражения в пространстве аутентичной культурной коммуникации, устной и письменной, может иметь место при условии целенаправленной организации научно-методической интеллекту-ализции архитектоники речевой и коммуникативной практики разного уровня, содержания и характера взаимодействия, ориентированного на лидерство, автономность языка, интеграция и кооперация.*

Abstract. *Aim. The specifics of new mission and professionalization for mentoring stimulate upgrading the concept sphere of personality language. The project under discussion presents the architectonics of training teachers within the frameworks of a special course aimed at creating a regional safe communicative space. Definition and comprehension of value-*

semantic priorities as the basis for the training programme focus on the regional culture context, and the conceptual sphere of language in the process of generalization of innovative pedagogical activities. Materials and Methods based on descriptive method, hermeneutic method, and as well as on a critical analysis of scientific papers on the problem appeal to the cultural-linguistic and semiotic parameters of the original speech/creative texts of the practitioners. The scientific novelty of this research is in the appeal to the original texts of teachers that can be of use in terms of humanistic training of a researcher. Results of the training sessions for mentoring have found practical application in the introduction of scientific and methodological recommendations and teaching aids in the pedagogical innovation activity of the teachers. The project "Creating a safe humanitarian environment" has been implemented at the regional and All-Russian levels. Conclusions. The value-semantic priorities of the language training of mentors focused on leadership, language autonomy, integration and cooperation are able to cultivate language, speech and communicative models as the basis of the conceptual sphere, as well as to perform a mediator function in the communicative space, taking into account the peculiarities of innovative experience of teachers as linguistic personalities.

Ключевые слова: *ценности, концептосфера, язык, текст, аутентичность, коммуникация.*

Keywords: *values, concepts, language, text, authenticity, communication*

Постановка проблемы

Концептосфера языка современного педагога в аспекте профессионально ориентированного мышления и рече/творчества понимается как целенаправленно культивируемый результирующий эпифеномен языковой личности, способной к культурному самоопределению, языковой самореализации и языковому самовыражению в условиях новых вызовов и требований к воспитанию и развитию человека развивающегося и понимающего с учетом особенностей регионального культурного контекста.

Современная культурологическая парадигма предлагает организацию образования как процесса взаимодействия равноценных субъектов в целях личностного развития каждого участника, заинтересованного в части духовно-нравственного обогащения, раскрытия интеллектуального и творческого потенциала в гуманитарном пространстве социальной активности [Асмолов, 2007; Бондаревская, 2011; Выготский, 2022; Кларин, 1998; Кон, 1984; Лихачев, 1999; Лурия, 1989;Ахренова, 2021; Сорокина, 2023; Галявиева, Хусаинова, Солнышкина, 2023].

Значимость методологической готовности преподавателя-лингвиста, включая аксиологическую составляющую, велика в аспекте лингвистической осведомленности педагогов к решению вопросов

концептостроения языковой личности обучающихся в безопасной образовательной среде. Существенная роль в активизации межкультурного взаимодействия отводится предмету «Иностранный язык», который обладает значительным интеллектуальным потенциалом с точки зрения аксиологии обучения и образования в целом. В частности, в ракурсе создания условий формирования осознанной, зрелой позиции рационального принятия поливариативности языковых идентичностей [Ахренова, 2021; Полубченко, 2022; Umbrashko, Nelyubov, Bulankina, 2021; Галявиева, Хусаинова, Солнышкина, 2023].

В свете взаимодействия образования и культуры значима роль традиционных и инновационных подходов к передаче и трансляции ценностей в образовательном процессе. В настоящее время все чаще ценностно-смысловые приоритеты становятся центром влияния государственного образования через целевые установки, содержание и технологии создания безопасной информационно-образовательной среды.

Научная экспозиция

Аксиологический интерес в рамках данной статьи для авторского поиска решения проблемы становления языковой личности в ракурсе концептосферы ее индивидуального языка представляет концептуальное положение, согласно которому «с таким же правом, с каким мы говорим о произвольном внимании, мы можем говорить о произвольной памяти; равным образом с тем правом, с каким мы говорим о логической памяти, мы можем говорить о логическом внимании. Это проистекает из того, что интеллектуализация функций и овладение ими представляют собой два момента одного и того же процесса – перехода к высшим психологическим функциям. Мы овладеваем какой-либо из функций в меру того, в меру чего она интеллектуализируется» [Выготский, 2022: 335].

В обозначенном ценностном контексте социума и культурном образовательной деятельности в целом особую значимость приобретают те исследования, в которых методологи и философы образования, пространства языка и речи, психологи и педагоги, лингвисты и учителя-практики фокусируют внимание на вопросах культуры самоопределения личности и

обогащения концептосферы языка педагога-практика. В частности, проблематизируются следующие аспекты:

- Обеспечение безопасной коммуникативной среды взаимодействия непосредственных участников как ценностной характеристики образования с позиций: как системы условий для «речевого поведения/мышления как деятельности» [Выготский, 2022: 30]; культивирования нравственных аспектов образования [Бондаревская, 2011: 26] в архитектонике «социокультурного контекста» региональной среды [Выготский, 2022; Bulankina, Galskova, Koryakovtsrva, Nikitenko, 2022; Галявиева, Хусаинова, Солнышкина, 2023].

- Нейтрализация профессиональных дефицитов педагогических кадров по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование: Иностранные языки» в свете «метафор и ценностей педагогического сознания» [Кларин, 1998: 34-39], а также «интеллектуализации функций», о которой заявлено выше [Выготский, 2022: 335].

- Повышение требований к организации содержания полилингвального пространства культурного самоопределения гуманистически ориентированного образования в системе индивидуализированной системы непрерывной профессиональной подготовки педагога; к развитию профессиональных навыков и умений педагогов в экосистеме безопасного образовательного процесса [Akopova, 2023; Bulankina, Galskova, Koryakovtsrva, Nikitenko, 2022; Галявиева, Хусаинова, Солнышкина, 2023] как важного принципа аксиологического подхода.

- Обновление требований к формированию коммуникативных компетенций обучающихся в ситуациях разнонаправленного звучания языков различных пространств, сред, событий в целях нахождения точек соприкосновения с помощью различных коммуникативных стратегий [Bulankina, Galskova, Koryakovtseva, Nikitenko, 2022; Полубиченко, 2023] в пространстве диалоговой/полилоговой технологии.

- Становление языковой личности обучающихся как ценности рассматривается в нескольких плоскостях: «речь как проводник информации» [Жинкин, 1982; Костомаров, 1994]; мышление и речь в аспекте «генетического анализа отношений

между мыслью и словом» [Выготский, 1934; Лурия, 1998]; роль «слова педагога в учебном процессе» [Выготский, 1934; Лурия, 1998]; значение «понимания в познании и общении» личности [Знаков, 1994]; «Человек развивающийся» [Зинченко, Моргунов, 1994], а также личность «в поисках себя» [Кон, 1984].

Таким образом, имеющийся теоретико-методологический корпус фундаментальных исследований, в которых нашли отражение ценностные доминанты формирования концептосферы языка личности, позволяет сфокусировать внимание на целевых задачах данной работы в рамках программы подготовки педагогов-наставников с учетом специфики их новой миссии и профессионализации, ориентированной на создание психологического равновесия региональной информационно-образовательной среды.

Концептосфера языка педагога-лингвиста как условие создания безопасной информационно-образовательной среды

Цель искомого проекта в рамках обозначенных аспектов видится в обосновании и позиционировании аксиологического подхода к исследованию лингвистической подготовки педагога-наставника с учетом особенностей имеющегося культурного контекста.

При этом целевые задачи включают:

а) разработку и реализацию трехчастной модели исследования концептосферы языка как лингвистической осведомленности личности в системе непрерывного становления педагога-лингвиста в роли наставника с учетом региональных особенностей,

б) концептуализацию информационного материала в формате корпуса оригинальных текстов учителей,

в) атрибутирование в качестве организационной платформы научно-методического сопровождения педагогов-практиков.

Методология и материалы исследования

Методология искомого исследования опирается на ведущие положения аксиологического подхода, в основе которого принципы системности, интегративности, герменевтики и культуросообразности, приоритет языковой

личности как ценности, интеллекта и аффекта в становлении концептосферы языка личности в поисках себя [Асмолов, 2002; Выготский, 2022; Лурия,1998; Кон,1984; Костомаров,1994; Лихачев,1984].

В базе искомого микроисследования зафиксированы фундаментальные концепты выдающегося ученого-психолога, Льва Семеновича Выготского, из триады «мышление-речь-язык/ки».И прежде всего в аспекте теоретико-методологического преломления ценностно ориентированной концепции развивающего и воспитывающего обучения в пространстве интеллектуализации языковой составляющей и остальных психических функций личности, непосредственных участников образования, ориентированного на культуру и определяемого социумом [Выготский, 2022; Лурия, 1989].

Таким образом, ценностный контекст актуализируется вокруг следующих концептов-приоритетов, формирующих научную проблематику искомого исследования:

- перехода развития функций языковой личности педагога от низших ее этапов развития (т.е. речь как проводник информации) к ее индивидуальности (т.е. в поисках себя, своего слова, голоса и места),
- развитие личности осуществляется в аспекте интеллектуализации функций (как человек развивающийся) в полифоничной концептосфере языка педагога-сотворца через аутентичное общение (как речевое поведение с обучающимися (человек развивающийся как личность),
- поликультурность и полилингвальность как важные характеристики полифоничной информационно образовательной среды «работают» на расширение ценностно-смысловой сферы личности, ее миропонимания, языка концептосферы через автономность - индивидуальный тезаурус, интеллект и статус, находящий отражение в концептуализации оригинальных педагогических текстов по обобщению инновационных практик.

В свою очередь, разработка ценностной модели архитектоники опыта изучения лингвистических и экстралингвистических аспектов современного образования включает концептуализацию результатов искомого исследования, корпуса оригинальных педагогических языковых и

рече/творческих произведений, нацеливает на решение практических задач исследовательского поиска с позиций культивирования и сохранения концептосферы языка личности, ее индивидуальности:

а) специфики формирования концептосферы языковой личности как ценностной составляющей архитектоники поликультурной и полилингвальной образовательной среды,

б) особенностей концептостроения полиязычий образования регионального поликультурного пространства взаимодействия участников /аттракторов,

в) условий концептостроения личностного полиязыкового пространства как результирующего эффекта решения организационно-педагогических решений.

Организация исследования и ход работы

БИЗНЕС-КЕЙС №1. Искомый проект реализуется в формате спецкурса «Вызовы современного иноязычного образования: требования к формированию профессиональных компетенций» в рамках дополнительной профессиональной программы подготовки педагога-наставника и проходит следующие этапы:

- Обучающие семинары в формате стратегических и проектировочных сессий по искомой проблематике «Проектирование региональной безопасной среды: учебное и внеучебное занятие как событие».

- Концептуализация материальных продуктов инновационной педагогической деятельности в формате оригинальных текстов учителей «Инновационные практики».

- Тиражирование результатов исследовательского опыта учителей иностранных языков «Создаем безопасное коммуникативное пространство» в формате учебных пособий и сборников педагогических гуманитарных практик.

Программа исследования во временном диапазоне 2019-2023 гг. включает следующие регламентирующие элементы в целях формирования лингводидактической готовности учителя в аспекте освоения и развития аутентичной культурной коммуникации через организацию дискуссионного пространства педагогического сообщества.

В ходе стратегических и проектировочных сессий дискуссионного характера в системе непрерывного педагогического образования (переподготовка и повышение квалификации) привлекаются руководители муниципальных методических ассоциаций, активно участвующих профессионалов в рефлектирующей деятельности.

Стратегическая сессия. Для обсуждения предлагались коммуникативные стратегии эффективного обсуждения в ракурсе следующих концептов: а) роль понимания в познании и общении человека развивающегося; б) роль слова и речи педагога в учебном процессе; г) значение поликультурного образования (Таблица 1).

Таблица 1. Интеллектуальная архитектоника опыта организации исследования ценностного контекста становления концептосферы языков/полилингвальной образовательной среды

Концепты/бизнес-кейсы	**Решение**
1.Социолингвистический анализ источников различного характера: официальные документы относительно государственной языковой политики, научные работы по искомой проблематике, корпус педагогических языковых/ рече/творческих произведений разного типа.	Выявление методологических и лингвистических лакун в лингводидактической готовности учителей к решению задач в обновленной социокультурной среде в аспекте культивирования процессов сохранения концептосферы языка личности.
2.Моделирование архитектоники исследования лингвистических и экстралингвистических аспектов современного образования.	Определение и актуализация а) специфики формирования языковой личности; б) особенностей концептостроения поликультурного языкового пространства взаимодействия аттракторов образования; в) концептостроения личностного полиязыкового пространства как результирующего эффекта решения организационно-педагогических решений в аспекте культивирования процессов сохранения концептосферы языка личности обучающихся.

3.Тиражирование инновационных практик.	Положительного педагогического опыта формирования концептосферы языка личности на примере концептов, нашедших отражение в речевых произведениях педагога-наставника.

Тактическая / проектировочная сессия. Для методологического переосмысления региональной сложившейся культурно-исторической ситуации тактической доминантой становятся моделирование и педагогизация коммуникативных событий и ситуаций в рамках проекта по созданию суверенной безопасной гуманитарной образовательной среды гуманистической направленности (Таблица 2).

Таблица 2. Интеллектуальная архитектоника опыта формирования ценностного контекста становления концептосферы языков полилингвальной образовательной среды

Концепты	**Решение**
Как соединить и интегрировать в концептосфере языка учителя-практика концепты этих дисциплин для последовательного совершенствования речевого мышления и одновременно помочь это делать системно.	Формирование методологической готовности к осмыслению на высших уровнях речетворчества и мыследеятельности многочисленных вопросов, связанных с речевым развитием прежде всего самого учителя!
Как обеспечить сохранность и системное развитие языкового и речевого потенциала личности в концептосфере.	Учет на всех уровнях специфики, особенностей усвоения и освоения культурных пластов, методологии и специфического материала в учебной дисциплине!
Как организовать оценивание результатов концептостроения языка педагога.	Тезаурус должен быть определен количественно, системно должен усваиваться через осмысление и употребление в рамках целостных концептов, текстов, а не только на уровне лексем!

БИЗНЕС-КЕЙС № 2. В ракурсе позиционирования культуросозидающей миссии лингвистического образования с учетом результатов критического анализа практики становления современного региональной образовательной среды делается акцент на культуротворческой роли преподавателя-лингвиста,

которые наряду с руководителями ММО принимают активное участие в проектировании актуальных региональных событий

Определение, апробация и внедрение опыта исследования ценностно-смысловых приоритетов языковой подготовки педагогов-наставников, способных культивировать языковые, речевые и коммуникативные модели в качестве основы концептосферы языка осуществляется через медиаторскую/посредническую функцию при организации коммуникативного пространства с учетом особенностей обобщения инновационного опыта учителей как языковых личностей.

В качестве программных поэтапных задач исследовательского проекта «Интеллектуальная архитектоника опыта формирования концептосферы языка личности» выделим следующие направления поиска:

а) факторов, оказывающих влияние на создание безопасной образовательной среды взаимодействия ее участников,

б) способов и условий становления языковой личности,

в) сохранения ее уникальности – лингвистической и экстралингвистической автономности и индивидуальности, критериев аутентичности культурной коммуникации (Таблица 3).

Таблица 3. Интеллектуальная архитектоника ценностного контекста становления концептосферы языка педагога

Концепты	**Решение**
Как соединить и интегрировать в концептосфере языка учителя-практика концепты этих дисциплин для последовательного совершенствования речевого мышления и одновременно помочь это делать системно.	Формирование методологической готовности к осмыслению на высших уровнях речетворчества и мыследеятельности многочисленных вопросов, связанных с речевым развитием прежде всего самого учителя!
Как обеспечить сохранность и системное развитие языкового и речевого потенциала личности в концептосфере.	Учет на всех уровнях специфики, особенностей усвоения и освоения культурных пластов, методологии и специфического материала в учебной дисциплине!

Как организовать оценивание результатов концептостроения языка педагога.	Тезаурус должен быть определен количественно, системно должен усваиваться через осмысление и употребление в рамках целостных концептов, текстов, а не только на уровне лексем!

БИЗНЕС-КЕЙС № 3. Результаты исследовательского поиска интеллектуальной архитектоники подготовлены в формате нескольких содержательных блоков для осмысления и последующего обсуждения во время дискуссий. Содержательно блоки включают результаты анализа источников различного характера в контексте региональной среды и по специальности «Иностранные языки». Как итог, концептуализация результатов предъявляется учителям иностранного языка общеобразовательных учреждений для обсуждения в рамках модуля ««Гуманизация полиязыкового образовательного пространства: методология и технология» по искомой дополнительной программе подготовки педагога-лингвиста.

Понятие полиязыковое образовательное пространство (ПЯОП, 2003) в течение ряда лет корректируется и уточняется, позволяя расширить границы его использования в современном профессиональном дискурсе педагога-лингвиста в целях формирующего воз/действия искомой системы профессионального непрерывного образования (life learning education) на осмысление понятий - концептосфера образования - на локальном уровне и концептосфера языка личности - учителя и ученика.

С 2019 года было создано и опубликовано семь бизнес-кейсов в электронном журнале ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. ПРОСВЕЩЕНИЕ, подготовленные сотрудниками кафедры иноязычного образования института в сотрудничестве с педагогами, учителями и школьниками стажировочных площадок. Всего 100 опусов.

Практические занятия в рамках программы для руководителей педагогических ассоциаций (методических объединений учителей иностранных языков) проводятся с использованием бизнес-кейсов, сформированных в аспекте формирования методологической готовности к развитию

лингвистической осведомленности учителя ИЯ с помощью разнообразных заданий к письменным и устным текстам.

Участники сессий в рамках дополнительных образовательных программ читают/или слушают тексты бизнес-кейсов, составляют словарь к тексту, выбирают и интерпретируют отдельные блоки текста, задают вопросы автору текста, составляют вопросный план, а также разрабатывают собственные задания развивающего характера, подбирают литературные источники, самостоятельно делят текст на блоки и т.д. Как результат – овладение навыками критического (в ценностно-смысловом аспекте) и лингвистического анализа оригинальных текстов (в аспекте исследования языка педагога).

Работая в проблемных фокус-группах, общаясь на новом рефлективном уровне, педагоги совершенствуют уникальный профессиональный дискурс. Как результат реализации программы, педагоги включаются в подготовку совместного проекта «Создаем безопасную коммуникативную среду», поддержанный издательством ПРОСВЕЩЕНИЕ в 2021 году. Подготовлено шесть бизнес-кейсов, отражающих результаты командного речетворчества учителей на всероссийском уровне. Тексты оригинальны, отражают современные реалии концептосферы языка 200 учителей иностранного языка Новосибирской области.

Результаты исследования и их обсуждение

- Впервые в рамках широкомасштабного исследовательского поиска автором была предпринята попытка констатировать реалии относительно концептосферы языка педагога. За годы проведения исследования было проанализировано 1000 оригинальных педагогических текстов. Проблема была поставлена ранее, но по этическим соображениям и объективным причинам информация не озвучивалась.
- Впервые расширены границы решения вопросов целенаправленного формирования новой профессиональной компетенции педагога-лингвиста в искомом аспекте - лингвистический анализ оригинальных педагогических текстов как база лингвистической осведомленности и готовности к культивированию педагогом собственной

индивидуальной концептосферы в аспекте комфортной образовательной среды взаимодействия учителя и ученика.

- Обращение к оригинальным текстов педагогов (выборка – 100 текстов) показало немало проблемных лакун в общегуманитарной, лингводидактической и лингводидактической готовности участников, учителей-практиков. В частности, в навыках создания безопасного коммуникативного пространства на урочном и внеурочном занятиях с помощью средств культуры – языков образования и языка личности как важнейшей составляющей образовательного процесса.
- Бедность словарного запаса по общегуманитарным и психолого-педагогическим дисциплинам (80% учителей от общего количества респондентов).
- Отсутствие живого восприятия архитектоники пространства урока – формальное отображение ситуаций коммуникативного характера, отсутствие в сценариях и проектах живого яркого языка (50% учителей от общего количества респондентов).
- Системное использование лексем некомфортного общения в текстах, посвященных проектной деятельности и проектированию занятий - необходимо, должен, должны и т.п., отражающих инструктивный императивный характер описания системы работы на уроке (почти 100 % респондентов).
- Непонимание разницы жанров устного и письменного общения, между двумя типами текстов – инструкция и передача опыта (80% респондентов).
- Отсутствие у большинства (90%) респондентов мотивации к обобщению инновационного опыта и к участию в проекте по развитию искомых навыков.
- Практическое воплощение находят результаты подготовки педагогов-наставников по искомой программе во внедрении научно-методических рекомендаций и учебных пособий в педагогической инновационной деятельности учителя-практика, в профессиональный дискурс на уроках и при реализации коллективного проекта «Создаем безопасную

гуманитарную среду» на региональном и всероссийском уровнях. Ниже предлагаем для обсуждения следующие концепты.

Концепт (установочный, 237 слов)

«Основное понятие экстраполируется в понятие полиязыковая концептосфера обучающихся. Проблема культуры самоопределения личности в полифонии языков образовательного процесса вводится в педагогический дискурс в аспекте дальнейшей проблематизации вопросов гуманизации и гуманитаризации, особенно актуальных и социально значимых для общественного института, каким является школьное образование, ориентированное на достижение обновленных образовательных ценностей и результатов. В современных условиях радикально меняющейся ценностно-смысловой парадигмы гуманитарное образование отражает разворот культуры в эпоху тотальной цифровой информационной среды (сетевые сообщества, группы по интересам) и требует особого внимания к проблемам гуманитарной организации и самоорганизации, создания целостного гуманитарного пространства. При этом целью и механизмом становится реализация личности через разнообразные языки образования - вербальные и невербальные, искусственные и естественные, языки учебных предметов, языковые личности. Человек как система отношений со средой жизнедеятельности – неотъемлемая компонента процесса освоения культурных ценностей и этических норм для формирования нравственно-профессионального поведения в гармоничном гражданском обществе. Как результат, личность через культуру, как совокупность достижений, формирующих ценностные ориентации и служащих развитию человека, формирует свою культуру как совокупность способов деятельности для формирования культурной традиции общества. Не познав культуры своего народа, своего Отечества, невозможно понять культуру другого народа, тем более в неё интегрироваться. Более того, развивающаяся национальная культура даёт тот импульс национальной гордости, без которой нет патриотизма, нет национального единства государства, а значит, невозможно развить национальную школу, производство, тем более

интегрироваться в полифонию полиязыковое образовательное пространство».[1]

Концепт (проектировочный, 550 слов)

«Немецкому языку – да!»

«В наше время очевиден факт вытеснения немецкого языка английским. Во многих школах нашего района ранее изучался немецкий язык, теперь переходят на преподавание только английского языка. Знание английского языка становится с каждым годом все более важным, так как данный язык считается международным языком. Однако это не говорит о том, что немецкий язык не нужен. Актуальностью обращения к заявленной теме будет являться то, что Новосибирская область тесно сотрудничает с множеством немецких предприятий, в ВУЗах работают программы международного сотрудничества с университетами Германии.

Объектом исследования стала соответствующая тематическая литература, школьный словарь иностранных слов, немецкоязычная лексика, информация из интернета о сотрудничестве Новосибирской области и Германии, а также опросные данные. Выдвинули следующую **гипотезу**: изучение немецкого языка в школе остается востребованным с точки зрения применения его во многих сферах жизни. **Цель**: показать и доказать необходимость изучения немецкого языка и его значимость для общества. Чтобы достигнуть цели поставили перед собой следующие **задачи**:

1) вспомнить историю немецко-русских отношений;

2) систематизировать заимствованные слова из немецкого языка;

3) актуализировать информацию страноведческого характера;

4) изучить информацию о международном сотрудничестве между Новосибирской областью с Германией;

5) проанализировать информацию о продукции немецких фирм на потребительском рынке в Маслянино;

---

[1] Текст оригинальный участника проекта, составленный на основе материалов авторской монографии [Соколков Е. А., Кондратенко А. П., Буланкина Н. Е. Проблемы интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания в современном образовании: монография. Москва, Университетская книга, 2008,191, стр. 15].

6) обработать анкетные данные по вопросу «Где в жизни встречаетесь с продукцией из Германии и немецким языком?» и сделать выводы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вызовут определенный интерес к истории взаимодействия России и Германии, заинтересуют учеников в изучении немецкого языка, так как знание данного языка – залог будущей успешности.

Чтобы решить поставленные задачи, используем следующие **методы и приемы исследования:**

- Описательный и сравнительный (изучение и анализ материалов об истории немецко-русских отношений и немецких заимствований, о сотрудничестве).
- Социологическое исследование в виде опроса респондентов.
- Интервью с работниками магазинов, аптек, представителями производств.
- Обобщение.

Разговаривая по-немецки, вы сможете существенно облегчить установление и поддержание деловых связей с немецкими партнерами. Тот, кто изучает и понимает немецкий, повышает свои шансы на рынке труда. Германия является одним из крупнейших деловых партнеров Новосибирской области, на территории которой находятся более 75 немецких предприятий, развита сеть официальных организаций. С экономической и научной точки зрения владение немецким языком является более значимым в нашем регионе, так как студенты и выпускники вузов имеют реальную возможность применить свои знания на практике и построить карьеру в сотрудничестве с Германией. В заключении необходимо отметить, что, выполнив, поставленные задачи исследования, я пришла к выводу, что выдвинутая мною гипотеза подтвердилась частично. Степень востребованности немецким языком у учащихся старших классов меньше, чем у учеников 5 - 7 классов. Из анализа анкет видно, что большее количество респондентов хотели бы учить английский язык. В результате моей исследовательской работы я пришла к выводу, что масштабное изучение английского языка в нашем районе базируется на ряде мифов:

1. Изучать английский язык более перспективно, чем какой-либо другой.
2. Английский язык- язык интернета.
3. Английский язык изучать легче.
4. Английский язык гарантирует успешную карьеру и высокий уровень жизни в любой стране мира.

Реальность

1. Новосибирская область тесно сотрудничает с множеством немецких предприятий, поэтому с практической точки зрения преимущество следует отдать немецкому языку.
2. Да, интернет «говорит» по-английски, но немецкий стоит на втором месте в Европе, а она нам ближе.
3. Фонетическая сторона английского языка и чтение сложнее немецкого.
4. Знание немецкого языка – залог успешности в Европе.

В этом новизна исследования. **Практическая значимость**: с работой можно выступить на общешкольном родительском собрании, материал работы интересен для бесед в ходе недели немецкого языка[1].

Концепт (демонстрационный, 423 слов)

«Стало доброй традицией проведение на базе МБОУ гимназия №1 Районных интеллектуальных игр по иностранным языкам, в которых ребята нашей школы принимают активное участие. На региональном уровне ежегодно проходят Областные интеллектуальные игры «Калейдоскоп культур», организованные Профессиональным научно-методическим сообществом «Сибирская ассоциация учителей и преподавателей иностранных языков». Тематика интеллектуальных игр носит страноведческий характер и связана с изучением культуры и литературы стран изучаемого языка: историей литературы, биографией известных писателей и поэтов Великобритании и США, их произведений.

Использование интеллектуальных игр на английском языке во внеурочной деятельности повышает готовность учащихся к общению, дает им возможность выразить свою точку

[1] Текст оригинальный, участник проекта, Маслянинский район, Новосибирская область [Электронный ресурс]. URL: https://iyazyki.prosv.ru/2023/07/ (дата обращения: 05.08.2023)

зрения. Кроме того, использование интеллектуальных игр в процессе обучения английскому языку развивает умение анализировать, сравнивать, обобщать изучаемые ими явления, а также развивает умение работать в команде.

Работа над индивидуальными проектами, предусмотренными ФГОС ООО и СОО в нашей школе проводится в 8 и 10 классах соответственно. Индивидуальный проект представляет собой учебный проект, выполняемый учащимся самостоятельно под руководством педагога в рамках одного или нескольких учебных предметов с целью продемонстрировать свои достижения в самостоятельном освоении содержания и методов избранных областей знаний и видов деятельности, способность проектировать и осуществлять целесообразную и результативную деятельность.

Учащиеся 8 классов в основном выбирают проекты в рамках одного учебного предмета: виртуальная экскурсия «Mysterious Stonehege», квест-игра «Шекспир и театр «Глобус», буклет «Английская система мер», словарь «Ложные друзья переводчика» или «Короткие сообщения в английском языке».

Учащиеся 10-х классов выбрали темы межпредметных проектов в области биологии, технологии, мировой художественной культуры и английского языка. Это был долгий путь и кропотливая работа! Но они старались, и Колесник Мария создала макет Тауэрского моста из картона с подсветкой из светодиодной ленты, Иванченко Виктория «Календарь британских праздников», Пилипенко Ирина фильм об образцовом фольклорном ансамбле «Слободка», а Бухмиллер Данил памятку с комплексом упражнений для восстановления после пневмонии.

Работая над проектами, ребята тесно сотрудничают с Карасукским краеведческим музеем, Центральной детской библиотекой, с Молодёжным драматическим театром "НА ОКРАИНЕ", Детской школой искусств №1 им. В.И. Устинова. Результаты своей работы они представляют на Районной конференции исследовательских работ и творческих проектов учащихся Карасукского района «Горизонты открытий» и на региональном уровне в Областной научно-практической конференции по иностранным языкам среди обучающихся

средних общеобразовательных учреждений г. Новосибирска и НСО, организованной Профессиональным научно-методическим сообществом «Сибирская ассоциация учителей и преподавателей иностранных языков» в трёх возрастных группах: 4-6, 7-8, 9-11 классы.

Развитие цифрового образования дает возможность учащимся принимать участие во Всероссийских и международных конкурсах, фестивалях, олимпиадах по иностранному языку и занимать призовые места. Ежегодно проводится Всероссийская онлайн-олимпиада на сайте Учи.ру по английскому языку для учащихся 1-9 классов. В этом году двое ребят приняли участие в V Международном конкурсе «Расскажи миру о своей Родине» в двух номинациях: текстовая страница и видеоролик»[1].

Выводы

Резюмируя изложенное выше, признаем, что результаты пролонгированного авторского поиска в искомом направлении свидетельствуют о том, что только системное исследование проблемы в рамках философии языка и образования, психологии и психолингвистики может задать вектор развития этого поиска непосредственно с конкретной аудиторией в ходе анализа концептов оригинальных текстов педагогов-наставников, отражающих концептосферу языка личности.

При этом в условиях целенаправленной организации научно-методической интеллектуальной архитектоники опыта речевой и коммуникативной практики разного уровня, содержания и характера взаимодействия, в базе которого ценностно-смысловые приоритеты – лидерство, автономность, интеграция и кооперация, возможно оценить степень влияния педагога на психологическое равновесие в ходе аутентичной коммуникации с обучающимися.

Определение базовых ценностно-смысловых приоритетов языковой подготовки педагогов-наставников, способных культивировать языковые, речевые и коммуникативные модели в рамках концептосферы языка,

[1] Текст оригинальный, опубликован впервые, участник проекта, Карасукский район, октябрь, 2023.

позволяет осуществлять медиаторскую функцию в процессе создания совместного коммуникативного пространства с учетом особенностей обобщения инновационного опыта учителей как языковых личностей и сформулировать архиважные условия реализации следующих направлений деятельности:

- Отбор языкового и речевого материала для формирования концептосферы языка личности (профессиональный дискурс) на нескольких уровнях: Предметном, Коммуникативном, Документально-правовом, Количественном (л.ед.), Качественно-интерпретационном, так как каждый из этих уровней имеет свои особенности.

Это и языки предметного цикла, в нашем случае, родной и иностранные языки, языки психолого-педагогического цикла и общественно-социальные дисциплины. Каждый язык включает разнообразный тезаурус, качественный и количественный.

- Формирование концептосферы языка педагога включает системное освоение тезауруса через осмысление и употребление в устной и письменной речи, иными словами, задача ставится в плоскости концептостроения перечисленных выше наук, и прежде всего языков психолого-педагогического и лингвистического/языкового циклов в рамках непрерывного педагогического образования**.**

- Вопросы концептостроения языков образования, образовательного пространства в целом и языка участников образования становятся первостепенными не только для филологов и лингвистов, но и для преподавателей всех учебных дисциплин, которые по своей сути принимают участие в конструировании архитектоники гуманитарной среды, т.е. языков информационно-образовательного коммуникативного пространства, в котором формируется языковая личность.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. — М.: Смысл, 2007.415с.
2. Ахренова Н.А. Особенности презентации концепта COVID-19: концептуальная метафора / Н. А. Ахренова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 2(34). – С. 47-54. – EDN QIMBVA.

3. Бондаревская Е.В. Поиск путей возрождения российской духовности и нравственности в контексте интеграционного похода // Сибирский учитель. №3 (76). 2011. С.26-32.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Москва. Изд-во АСТ, 2022. 567с.
5. Галявиева Л. Ш. Сложность учебных текстов как функция терминологической плотности / Л. Ш. Галявиева, А. Т. Хусаинова, М. И. Солнышкина // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2023. – № 2(42). – С. 33-51. – EDN EJMNSY.
6. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: Институт психологии РАН, 2005. 447с.
7. Кац Л.В. Азбука лингвистического исследования. М.: Онега, 1994. Ч.1. 128с.
8. Кларин М.В. Метафоры и ценностные ориентации педагогического сознания // Педагогика, ВЫП.1.1998. №3. С.34-39.
9. Кон И.С.В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335с.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-Пресс. 1994.200с.
11. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПБ.1999. 191с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под ред. Е.Д.Хомской. Ростов н/Д.: изд-во ФЕНИКС, 1998. – 416с.
13. Полубиченко Л. В. Английский язык для научно-публикационных целей в условиях плюрицентричности языка / Л. В. Полубиченко // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 1(37). – С. 116-126. – EDN KSRWRQ.
14. Akopova A. S. English for Specific Purposes: Tailoring English language instruction for history majors / A. S. Akopova // Training, Language and Culture. – 2023. – Vol. 7, No. 3. – P. 31-40. – DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40. – EDN XJPXGV.
15. Bulankina N., Galskova N., Koryakovtsrva N., Nikitenko Z. (2022) The Content of language training engineer of the future in the context of an ecological and social approach. Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 168-175, 2022. – Springer – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_18 https://ouci.dntb.gov.ua/en/works/4MnvrqNl/ (дата обращения 17.10.2023)

16. Sorokina, Yu. S. Texts of online movie reviews: emotional and evaluative aspects / Yu. S. Sorokina // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2023. – No. 1(41). – P. 140-150.
17. Umbrashko K. B. Regional Aspects of the Tutorials for Functioning Civic & Patriotic Education of the Youth: History of Novosibirsk Destination - from Gubernja to the Capital of the Siberian Region / K. B. Umbrashko, S. A. Nelyubov, N. E. Bulankina // Сибирский учитель. – 2021. – No. 3(136). – P. 30-40. – EDN PXIQMW.

References

1. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskoye ponimaniye razvitiya cheloveka [Psychology of Personality. Cultural and historical understanding of human development]. — M.: Smysl, 2007.415c.
2. Akhrenova N.A. Osobennosti prezentatsii kontsepta COVID-19: kontseptual'naya metafora [Features of the presentation of the concept of COVID-19: conceptual metaphor] / N. A. Akhrenova // Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. – 2021. – № 2(34). – S. 47-54. – EDN QIMBVA.
3. Bondarevskaya Ye.V. Poisk putey vozrozhdeniya rossiyskoy dukhovnosti i nravstvennosti v kontekste integratsionnogo pokhoda [Search for ways to revive Russian spirituality and morality in the context of the integration campaign] // Sibirskiy uchitel'. №3 (76). 2011. S.26-32.
4. Vygotskiy L.S. Myshleniye i rech' [Thinking and speech]. Moskva. Izd-vo AST, 2022. 567s.
5. Galyaviyeva L. SH. Slozhnost' uchebnykh tekstov kak funktsiya terminologicheskoy plotnosti [Complexity of educational texts as a function of terminological density]/ L. SH. Galyaviyeva, A. T. Khusainova, M. I. Solnyshkina // Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. – 2023. – № 2(42). – S. 33-51. – EDN EJMNSY.
6. Znakov V.V. Ponimaniye v poznanii i obshchenii [Understanding in cognition and communication]. M.: Institut psikhologii RAN, 2005. 447s.
7. Kats L.V. Azbuka lingvisticheskogo issledovaniya [ABC of linguistic research]. M.: Onega, 1994. CH.1. 128s.
8. Klarin M.V. Metafory i tsennostnyye oriyentatsii pedagogicheskogo soznaniya [Metaphors and value orientations of pedagogical consciousness]// Pedagogika, VYP.1.1998. №3. S.34-39.
9. Kon I.S.V poiskakh sebya: Lichnost' i yeye samosoznaniye [In search of oneself: Personality and its self-awareness]. M., 1984. 335s.

10. Kostomarov V.G. YAzykovoy vkus epokhi [Linguistic taste of the era]. M.: Pedagogika-Press. 1994.200s.
11. Likhachev D.S. Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva [Essays on the philosophy of artistic creativity]. SPB.1999. 191s.
12. Luriya A.R. YAzyk i soznaniye [Language and consciousness]. Pod red. Ye.D. Khomskoy. Rostov n/D.: izd-vo FENIKS, 1998. – 416s.
13. Polubichenko L. V. Angliyskiy yazyk dlya nauchno-publikatsionnykh tseley v usloviyakh plyuritsentrichnosti yazyka [English for scientific and publication purposes in conditions of pluricentricity of the language]/ L. V. Polubichenko // Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. – 2022. – № 1(37). – S. 116-126. – EDN KSRWRQ.
14. Akopova A. S. English for Specific Purposes: Tailoring English language instruction for history majors / A. S. Akopova // Training, Language and Culture. – 2023. – Vol. 7, No. 3. – P. 31-40. – DOI 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40. – EDN XJPXGV.
15. Bulankina N., Galskova N., Koryakovtsrva N., Nikitenko Z. (2022) The Content of language training engineer of the future in the context of an ecological and social approach. Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”, 168-175, 2022. – Springer – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_18 https://ouci.dntb.gov.ua/en/works/4MnvrqNl/ (дата обращения 17.10.2023)
16. Sorokina, Yu. S. Texts of online movie reviews: emotional and evaluative aspects / Yu. S. Sorokina // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2023. – No. 1(41). – P. 140-150.
17. Umbrashko K. B. Regional Aspects of the Tutorials for Functioning Civic & Patriotic Education of the Youth: History of Novosibirsk Destination - from Gubernja to the Capital of the Siberian Region / K. B. Umbrashko, S. A. Nelyubov, N. E. Bulankina // Сибирский учитель. – 2021. – No. 3(136). – P. 30-40. – EDN PXIQMW.

Статья поступила в редакцию 09.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 06.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 81’37

Евграфова Юлия Александровна
Yulia Yevgrafova

Прагматические коды гетерогенного экранного текста: герменевтический и проайретический код (на примере сериала “Black Mirror”, эпизод “White Christmas”)

Pragmatic Codes of Heterogeneous Screen Text: Hermeneutic and Proiretic Code (Case Study of the TV Series "Black Mirror", Episode "White Christmas")

Аннотация. *Данная работа посвящена изучению герменевтического и проайретического кода в гетерогенных экранных текстах. Актуальность научного анализа избранной темы обосновывается необходимостью разработки инструментария исследования гетерогенного экранного текста с целью вычленения его содержательно-концептуальной информации. Объектом настоящего исследования составляют герменевтический и проайретический коды. Предметом исследования являются особенности их артикуляции в гетерогенном экранном тексте. Цель данной работы – выявить и описать особенности артикуляции герменевтического и проайретического кодов в гетерогенном экранном тексте. Методы, используемые в работе – функционально-прагматический, контекстуальный, структурно-семиотический и дискретный структурный анализ. Автор приходит к выводу, что герменевтический и проайретический коды управляют нарративной картой гетерогенного экранного текста: герменевтическим кругом, сюжетосложением, актантной схемой, темпоральной организацией и фокализацией. Кроме того, автор приходит к выводу, что они направляют семиозис в гетерогенном экранном тексте и способствуют образованию «демократии» знака. Это помогает осуществлять манипулятивное воздействие зрителем.*

Annotation. *This article studies hermeneutic and proairetic code in heterogeneous screen texts. The relevance of the scientific analysis of the chosen topic is justified by the necessity to develop a toolkit for the study of heterogeneous screen text in order to isolate its content-conceptual information. The object of this study is hermeneutic and proiretic codes. The subject of the study is the features of their articulation in a heterogeneous screen text. The aim of this paper is to identify and describe the features of articulation of hermeneutic and proiretic codes in heterogeneous screen text. The methods used in the work are functional-pragmatic, contextual, structural-semiotic and discrete structural analysis. The author concludes that hermeneutic and proairetic codes govern the narrative map of heterogeneous screen text: hermeneutic circle, plot-composition, actant schema, temporal organisation and focalisation. In addition, the author concludes that they guide semiosis in the heterogeneous screen text and contribute to the formation of the “democracy” of the sign. This helps to exercise manipulative influence by the viewer.*

Ключевые слова: *нарратив, гетерогенный текст, экранный текст, герменевтический код, проайретический код*

Keywords: *narrative, heterogeneous text, screen text, hermeneutic code, proairetic code*

Введение

При моделировании реальности на экране автором используются разнообразные коды для организации единиц текста, в том числе такие коды как герменевтический и проайретический для создания экранного нарратива, в котором формируется основной смысл и закладывается главная идея текста. В этой связи анализ использования этих кодов в гетерогенных экранных текстах, выявление и описание единиц их артикуляции с целью вскрытия содержательно-концептуальной информации текста является **актуальной** научной задачей.

Степень разработанности темы. Герменевтический и проайретический коды рассматриваются современными учёными в различных аспектах: интерпретации и лингвостилистического анализа текста: [Волкова, 2020; Кадачиева, Агамирзаева, 2022; Конурбаев, Конурбаев, 2015; Короткова, 2019; Сараева, 2015]; лингвистики текста и лингвофилософии постмодернизма: [Корниенко, Герейханова, 2017; Полякова, 2013; Потамская, 2019; Хлебникова, 2016, 2016$_1$]; исследований дискурса [Бредихина, 2017; Иванова, 2011; 16. Kazakova, Kosichenko, Kurilov, 2023] и семиотики искусства: [Овсянникова, 2019; Уразымбетов, 2015].

Подробное описание репрезентации герменевтического и проайретического кодов как прагматических кодов адресата в гетерогенном экранном тексте еще не рассматривались учёными-лингвистами и филологами, что составляет **новизну** исследования.

Теоретическая значимость состоит в том, что проводимое исследование обогащает теорию нарратологии материалом гетерогенных экранных текстов. **Практическая значимость** проводимого исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать для разработки методологического инструментария исследования гетерогенных текстов с целью выявления признаков сознательной манипуляции их зрителем в нем.

Цель данного исследования выявить и описать особенности артикуляции таких прагматических кодов, как герменевтический и проайретический коды, в гетерогенном

экранном тексте. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: определить объём понятия «экранный текст»; привести классификацию прагматических кодов экранного текста; рассмотреть особенности нарративных отношений внутри текста, его строение, сюжетосложение, нарративные действия персонажей и темпоральную организацию на конкретном примере.

Объект исследования составляют герменевтический и проайретический коды. **Предметом** исследования являются особенности их артикуляции в гетерогенном экранном тексте. В качестве **материала** исследования был выбран специальный рождественский эпизод “White Christmas” (Белое Рождество) сериала “Black Mirror” (Чёрное зеркало) [1], лауреата премий Broadcast Awards (2016) и RTS Television Awards (2016) в номинации «Лучшая драма-сингл» (Белое Рождество (Черное зеркало) – White Christmas (Black Mirror), Электронный ресурс).

Основные **методы** исследования составляют: функционально-прагматический, контекстуальный, структурно-семиотический и дискретный структурный анализ с декомпозицией и дальнейшим изучением структуры, распределения и значимости выделенных элементов.

Прагматические коды экранного текста

Экранный текст – это сложное лингвосемиотическое единство аудиальных и визуальных единиц (изображения, цвета, звука, мимики, жестов, движения и пр.), созданное для воспроизведения на экране. Одними из разновидностей экранного текста, является гетерогенный текст – предельно семиотически осложнённый, как, например, фильмы, телесериалы, новости, реклама и пр. [Евграфова, 2021].

Гетерогенный экранный текст, являясь многослойной структурой, предполагает семиотизацию своего пространственно-временного континуума с вовлечением большого количества кодов, в том числе и прагматических. Подробно о классификации кодов экранного текста см. [Евграфова, 2021: 104–105]. Согласно ей, в прагматические коды

[1] Белое Рождество (Черное зеркало) - White Christmas (Black Mirror). Электронный ресурс. URL: https://wiki5.ru/wiki/White_Christmas_(Black_Mirror) (дата обращения: 17.02.2023)

включаются: 1) код адресата – интерпретационный, управляющий истолкованием текста; 2) коды адресанта – герменевтический, регулирующий нарративные отношения внутри текста, и проайретический, управляющий строением текста; 3) гномический (референциальный / культурный) код, который отсылает ко всей совокупности знания, из которого «вырастает» текст. Каждый из эти кодов имеет разные виды артикуляции и уровни вычленения значимых единиц.

Герменевтический и проайретический коды выделяются в данной работе как коды адресата, поскольку именно адресат закладывает их в текст, выбирая нарративные структуры и техники для его создания.

Артикуляция герменевтического и проайретического кодов в гетерогенном экранном тексте “White Christmas”

“White Christmas” («Белое Рождество») рождественский спецвыпуск телесериала “Black mirror” («Чёрное зеркало»). История разворачивается в технологически развитом мире, в который интегрирована дополненная реальность «Зет-глаз» и в котором возможно копирование сознания. Место действия где-то в отдаленной заснеженной пустыне, время – 25 декабря, Рождество, главные герои – Джо и Мэтт. Более пяти лет они работают вместе, но так и не знают ничего друг о друге. Джо пытается завести разговор и начинает рассказывать историю своей жизни. Мэтт постепенно открывается Джо и тоже делится с ним своим прошлым. Общее повествование состоит из 5 частей. Проанализируем нарративные отношения внутри текста, строение текста, его сюжетосложение, нарративные последовательности и действия.

Нарративные отношения внутри текста: герменевтический код

В экранном тексте содержатся нарративные структуры фабулы: агент, совершающий действие или над которым совершается действие; ситуация, в которой совершается действие (место и время); само действием, а также последовательность событий диететической реальности, изменивших начальную ситуацию [Евграфова, 2021]. Они образовывают герменевтический круг экранного текста.

Представим ***герменевтический круг*** “White Christmas” в

виде таблицы (см. Табл. 1)

Таблица 1. Герменевтический круг “White Christmas”

Часть 1					
Время (когда?)	**Место (где?)**	**Агент (кто?)**	**Исходное состояние (что было?)**	**Действие (что случилось?)**	**Событие (что стало?)**
Рождество	маленькая станция посреди снежной пустыни	Джо Поттер Мэтт Трент	Джо и Мэтт работают на станции 5 лет, друг о друге так ничего и не знают	Мэтт пытается разузнать у Джо подробности его жизни до того, как он попал на станцию	Джо не хочет делиться подробностями, но просит Мэтта рассказать свою историю
Часть 2					
Время (когда?)	**Место (где?)**	**Агент (кто?)**	**Исходное состояние (что было?)**	**Действие (что случилось?)**	**Событие (что стало?)**
Рождество, несколько лет назад	рождественский корпоратив	Мэтт Трент Гарри Дженнифер	у Мэтта подпольный пик-ап клуб, при помощи дополненной реальности «Зет-глаз» он помогает одиноким мужчинам найти себе партнершу	Гарри, клиента Мэтта, убивает Дженифер, девушка, которую он пытался соблазнить; о тайном пик-ап клубе узнаёт жена Мэтта	Мэтта бросает жена, блокируя при помощи «Зет-глаза» от семьи – теперь он не может их видеть, слышать и общаться с ними
Часть 3					
Время (когда?)	**Место (где?)**	**Агент (кто?)**	**Исходное состояние (что было?)**	**Действие (что случилось?)**	**Событие (что стало?)**
-	Больница,	Грета	богатая и	Грете проводят	цифровая

	где делают операции по извлечению копии сознания дом Греты		капризная Грета хочет скопировать свое сознание для управления умным домом	операцию; скопированное сознание отказывается повиноваться, Мэтт истязает копию, ускоряя её восприятие времени и заставляя прожить 6 месяцев за несколько минут	копия Греты сломлена и соглашается выполнять то, что ей приказывают
Часть 4					
Время (когда?)	**Место (где?)**	**Агент (кто?)**	**Исходное состояние (что было?)**	**Действие (что случилось?)**	**Событие (что стало?)**
-	-	Джо Бет отец Бет	Джо и Бет встречаются; её отец недолюбливает Джо	Бет беременеет и хочет избавиться от ребенка, Джо хочет оставить ребенка; они ссорятся и Бет блокирует его; Бет рожает ребенка, но через какое-то время трагически погибает; Джо, пользуясь тем, что блокировка снята, приезжает к отцу Бет, чтобы увидеться с ребенком; увидя, что девочка азиатской внешности, он понимает, что Бет ему изменяла;	Джо ссорится с отцом Бет и случайно убивает его

Часть 5					
Время (когда?)	**Место (где?)**	**Агент (кто?)**	**Исходное состояние (что было?)**	**Действие (что случилось?)**	**Событие (что стало?)**
Рождество	маленькая станция посреди снежной пустыни	Джо Поттер Мэтт Трент дочка Бет отец Бет	Мэтт пытается разузнать у Джо, что случилось с дочкой Бет	Джо рассказывает, что дочка Бет пошла искать своего деда и замерзла насмерть; выясняется, что Джо – это копия, из которой пытаются выбить признание в убийстве	копию Джо наказывают ускорением времени – он проживает 1000 лет за 1 минуту реального времени

Как видно из таблицы 1, у каждой из пяти частей повествования есть свой герменевтический круг, который имеет чёткую структуру, состоящую из пяти конститутивных элемента нарративности: времени и места действия, агента, действия и события (изменения наличной ситуации). Исключение составляют части 3 и 4, для которых место и время не важны. Такое деление повествования на части позволяет чётко выстроить последовательность произошедшего в диегетической реальности, раскрывая персонажей Джо и Мэтта и демонстрируя возможный мир с интегрированной дополненной реальностью. Четкая структура герменевтического круга каждой из частей помогает зрителю понять нарративные отношения внутри гетерогенного экранного текста и даёт возможность сконструировать своё отношение к демонстрируемому на экране.

Так, герменевтический круг выстраивает нарративные отношения, а его конститутивные элементы нарративности являются единицами артикуляции герменевтического кода.

Строение текста: проайретический код

Рассмотрим строение гетерогенного экранного текста “White Christmas”. Представим ***сюжет*** “White Christmas” в виде

таблицы (см. Табл. 2).

Таблица 2. Сюжет “White Christmas”

Фабула		
	Событие	**Описание аудиовизуальных фрагментов**
1	Джо не хочет делиться подробностями, но просит Мэтта рассказать свою историю	Рождественское утро на заснеженной станции. Главный герой Джо просыпается, подходит к зеркалу, гладит фотографию девушки и выходит в общую кухню. По радио играет ***песня “I Wish It Could Be Christmas Everyday”***. На кухне Мэтт готовит рождественский завтрак. Джо замечает, что на стене висят часы, которые он никогда не видел. За завтраком он пытается выяснить, как Джо попал на станцию, парируя тем, что за 5 лет совместной работы не знает о нём ничего и произносит такие фразы: ***My ears need water; Come on, chit-chat; Conversate!*** Джо отказывается и предлагает Мэтту рассказать о своей истории.
2	Мэтта бросает жена, блокируя при помощи «Зет-Глаза» от семьи – теперь он не может их видеть, слышать и общаться с ними	Мэтт начинает свою историю: ***I talked to people and made money from that…*** Первое, что видит зритель на экране – устройство дополненной реальности «Зет-глаз», при помощи которого люди связываются друг с другом. С Мэттом связывается его клиент Гарри. Он приехал на рождественский корпоратив в одну из компаний с целью найти себе партнершу на ночь. Через конференц-связь «Зет-глаз» с ним держит связь Мэтт и еще шестеро мужчин. Мэтт помогает Гарри завязать разговор с Дженнифер. Выясняется, что она была ранее наркоманкой, а ещё слышит голоса и это её нервирует. Мэтт убеждает Гарри принять предложение Дженифер поехать к ней в гости. Там она убивает его и себя. История с Мэттом вышла наружу. Его жена Клэр не хочет иметь с ним ничего общего и блокирует с помощью «Зет-глаза». Они не могут видеть и слышать друг друга. Вместо человека заблокированному видна лишь серая тень силуэта того, кто произвел блокировку. Мэтт закончил рассказывать свою историю словами: ***Do you feel better? Communicating to me! Finally!*** Джо слышит какой-то посторонний шум в соседней комнате, хотя кроме них на станции никого больше нет. Мэтт говорит, что не слышит ничего. Через некоторое время Мэтт говорит Джо: ***You’re a locked box!*** Мэтт начинает рассказывать про свою настоящую работу.

3	Цифровая копия Греты сломлена и соглашается выполнять то, что ей приказывают	Мэтт описывает один день из своих рабочих будней. Грета – богатая и капризная женщина лежит в дорогой палете и ждет операцию. Ей копируют сознание и помещают его в специальное устройство, похожее на яйцо. Далее зритель видит Мэтта, разговаривающего с копией Греты в «яйце». Она напугана и отказывается выполнять то, что от неё хотят, а именно управлять умным домом Греты. Мэтт ускоряет восприятие времени копии, она проживает три недели за 14 секунд. Копия Греты не сломлена, но травмирована. Мэтт повторяет пытку, но на этот раз она проживает шесть месяцев за несколько минут. Копия сдаётся и начинает выполнять то, что от неё требуют. Джо возмущён работой Мэтта, называёт её варварской. Мэтт говорит на это: ***You're not who are expected***. ***You're empathetic, you care about people. You're a good man.*** Джо начинает свою историю.
4	Джо ссорится с отцом Бет и случайно убивает его	Джо и его девушка Бэт уходят на вечеринку. Джо говорит Бэт, что её отец его не любит. Однажды выясняется, что Бет ждёт ребенка. Джо счастлив, Бэт хочет сделать аборт, что сильно расстраивает его. Они ссорятся и Бет блокирует Джо через «Зет-глаз». Несколько месяц спустя, будучи еще заблокированным, Джо видит силуэт Бет, по которому понимает, что та всё ещё ждёт ребёнка. Он настаивает на снятии блокировки, его арестовывают и блокируют официально. Каждое Рождество в течение 4 лет он приезжает к дому отца Бэт, надеясь на прощение. Джо случайно узнаёт, что Бет погибла, блокировка больше не действует. Он едет к отцу Бет увидеться с ребёнком. В доме играет песня ***«I Wish It Could Be Christmas Everyday».*** Джо, видя девочку азиатской внешности, понимает, что Бет ему изменяла и именно по этой причине заблокировала. В бешенстве Джо ругается с отцом Бет и случайно убивает. Он сбегает, через несколько месяцев его арестовывают.

5	Копию Джо наказывают	В момент, когда Джо признаётся убийстве отца Бэт, пространство вокруг начинает вибрировать и меняет оттенок. Джо недоумевает, где он и что это за место. Мэтт продолжает расспросы. Джо подходит к окну и рассказывает, что дочка Бэт вышла на улицу и там замерзла, в этот момент он видит труп девочки под деревом во дворе. Мэтт спрашивает: ***You confess? Just say it! Let it out!*** И пододвигает к нему снежный шар. Джо, рыдая, сознаётся: ***I confess!*** Мэтт начинает вести себя странно, радуясь признанию Джо. Извиняясь перед ним, Джо исчезает. Далее зритель видит, как Мэтт достаёт голову из аппарата. Его использовала полиция, чтобы выбить из Джо признательные показания. Джо, с которым разговаривал Мэтт, был его копией. На виске у Джо такой же пластырь, что и у Греты, которой делали операцию по экстрагированию сознания. Мэтта отпускают из полиции, он заблокирован ото всех, его силуэт – красного цвета. Копия Джо находится в виртуальной реальности. В качестве наказания ему меняют восприятие времени и включают песню ***"I Wish It Could Be Christmas Everyday".*** Он проживает 1000 лет за несколько минут. Полицейские покидают комнату, выключают свет. Зритель видит, как проносится искусственно ускоренное время Джо а планшете «Зет-глаза», а «яйцо», в котором находится копия, становится в темноте чёрным и зловеще мигает. В это время в нём Джо пытается уничтожить радио, но оно появляется снова и снова, играя сильнее и сильнее. В фокусе последних кадров игрушка снежный шар, стоящая рядом с Джо. Неожиданно изображение начинает «тянуть» назад, и зритель как бы «проходит» через отверстие, которое оказывается щелью в окне дома, находящегося в снежном шаре. Движение постепенно ускоряется, пока не размывается совсем.

Как видно из таблицы 2, события из каждой части общего повествования выстраиваются в логическую структуру (табл. 2), в которой можно выделить экспозицию (1), завязку (2), развитие действия (3), кульминацию (4) и развязку (5). В экспозиции (1) зрителя знакомят с главными героями – Джо и Мэттом, объясняется, что они коллеги, работают вместе на станции около 5 лет и каждое Рождество у них проходит одинаково – в унылом молчании. Разговор завязывается, и Мэтт рассказывает свою историю. Начинается завязка (2). Мэтт вёл нелегальную деятельность, помогал мужчинам найти партнёрш на одну ночь.

Трагическая смерть одного из клиентов привела к тому, что жена Мэтта узнала обо всём и бросила его. В этой части зрителя также знакомят с миром, в котором происходит действие – миром, в котором дополненная реальность «Зет-глаз» включена в жизнь каждого человека, в том числе в совершение правосудия. Далее идёт развитие сюжета (3): через историю Греты зрителю рассказывают об особенностях цифровых копий и поднимают этический вопрос о работе с ними. Это побуждает Джо рассказать свою историю, что является кульминацией (4). В развязке (5) Мэтта отпускают на свободу, и показывают наказание Джо.

“White Christmas” отличается от типичного нарратива тем, что внутри него содержатся три отдельные истории, имеющие свою композиционную структуру. Они отделяются друг от друга по смыслу при помощи реплик главных героев. События, которые происходят в каждой из частей являются частью общей композиционной структуры (см. Табл. 1, 2).

На динамику развития сюжета влияет заложенная в повествование актантная схема. В гетерогенном экранном тексте “White Christmas” актантная схема состоит из следующих актантов и акторов (см. Табл. 3).

Таблица 3. Актантная схема “White Christmas”

Адресант Мэтт	Объект признательные показания Джо	Адресат Джо
Помощник истории, которые рассказывает Мэтт	Субъект Мэтт	Противник Джо

В рассматриваемом экранном тексте (см. Табл. 3) Субъектом является Мэтт, цель которого разговорить Джо формирует всё повествование. Объектом является то, что хочет получить Субъект – признательные показания Джо. Адресатом является Джо, поскольку у него находится то, что хочет заполучить Субъект. Джо является причиной начала сюжета. Истории, которыми Мэтт делится с Джо, помогают ему получить Объект. Джо сопротивляется и поэтому выступает Противником. Такая актантная схема является простой. В ней заполнены все актанты, акторы проявлены и их функции чётко распределены и

«читаемы». Это необходимо для понимания сюжета, который, в отличие от актантной схемы, многослоен и сложен.

Репрезентации событий – ***фокализация*** и ***темпоральная организация*** в экранном тексте “White Christmas” происходит двумя путями. В сценах, где главные герои, Джо и Мэтт, ведут диалог информация подаётся объективно, представление о событиях выстраивается на основе действий и их слов. Когда Мэтт или Джо рассказывают свои истории, события преподносятся с их перспективы. Таким образом, на фоне субъективности «внутренних» историй создаётся объективность основного повествования, зритель верит в её «реальность» и «непоколебимость». Диегетическое время в экранном тексте “White Christmas” репрезентирует события в настоящем времени, которое разрывается ретроспекцией в прошлое персонажей. Приём нарушения течения времени выступает «спусковым крючком» развязки сюжета – Джо расскажет свою историю Мэтту и даст признательные показания. Подобная темпоральная организация также подчеркивает «объективность» и «истинность» основного повествования, держит зрителя в напряжении. Основной «секрет» – Джо копия преступника, от которого пытаются добиться признательного показания раскрывается только в самом конце.

Проведенный выше анализ гетерогенного экранного текста “White Christmas” демонстрирует то, как проайретический код совместно с герменевтическим кодом управляют нарративной картой экранного текста.

«Демократия» знака

Нарративная карта гетерогенного экранного текста “White Christmas” отличается сознательной авторской манипуляцией – основная задумка открывается зрителю в самом конце, что ведёт к переосмыслению не только всего фильма как единого смыслового целого, но и к переоценке и пересмотру уже присвоенных некоторым единицам текста значений.

Например, слова Мэтта в прологе *My ears need water; Come on, chit-chat; Conversate!* или в середине повествования, когда он провоцирует Джо: *What, do you think, I am? Maybe, if you spoke to me more, you'd know* приобретают иное значение. Мэтт не хочет знать как Джо оказался на станции, которой в реальности

не существует даже, так он пытается всё это время вытянуть из него признательные показания. Другое значение приобретают и слова самого Джо, которые он произносит в ответ на рассказ Мэтта о том, как он помогал Гарри соблазнить Дженифер: *It's not much of a Christmas story*. В конце фильма эти слова адресуются не только Мэтту, но и самому Джо, так как убийство, совершенное им, было на Рождество, и то, что он сделал – ужасно.

Когда Джо рассказывает историю убийства отца Бет, во время самой кульминации описания, Мэтт начинает точить ножи, и это демонстрируется зрителю и выделяется как значимое. Оно соотносится не только с темой жестокости и убийства, с напряжённостью момента кульминации, которую Мэтт так ждал, но и с тем, что сам Мэтт тоже замышляет недоброе, против Джо, что выясняется в конце повествования. В самом начале повествования кажется, что Мэтт ведёт с Джо непринуждённую беседу, говоря ему: *You're locked box, but that's good. Some people are too easy to read*. Однако развязка придаёт этой фразе не переносное, а прямое, значение. Для Мэтта – Джо буквально закрытая коробка, которую необходимо «открыть» и вытащить содержимое. И для Мэтта этот совсем не хорошо, это вызывает лишь трудности.

Иное, символичное значение, приобретают и песни. Так, в караоке Джо исполняет “*I want my baby back*”, а Бет сразу после него – “*You can't blame me, you can't shame me*”. В конце повествования это становится диалогом между героями. Джо говорит, что хочет вернуть Бет, а она просит не обвинять её, понять, принять ей выбор и отпустить. Песня “*I Wish It Could Be Christmas Everyday*” является сквозной, она связывает все части текста в единое целое. Развязка меняет её смысловое наполнение. Она становится не символом Рождества, а тысячелетнего наказания копии Джо за убийство. Звучащая в начале повествования, она придаёт всему происходящему зловещий оттенок. Игрушка снежный шар, которой Джо убивает отца Бет, становится символом его заточения, когда в самом конце стоп-кадр фиксируется на ней и пространство начинает в неё «затягивать».

Как видно из приведённых примеров, герменевтический и проайретический коды, использованные автором для создания

«непредсказуемой» нарративной карты, взаимодействуют с визуальными, лингвистическим и паралингвистическими кодами, меняя или дополняя их значения. Разнообразие используемых кодов и их сочетаний предлагают зрителю спектр значений, из которых он может выбрать одно, несколько или сразу все для интерпретации, что можно назвать «демократией» знака.

Результаты и выводы

Герменевтический и проайретический коды управляют нарративной картой гетерогенного экранного текста. Герменевтический код регулирует организацию нарративных структур в герменевтический круг, а проайретический код регулирует сюжет, актантную схему, темпоральную организацию и фокализацию.

При линейном развертывании текста герменевтический и проайретический коды контаминируются с другими кодами – визуальными, лингвистическими и паралингвистическими, в результате чего происходит взаимодействие нарратива с экранной «речью» текста, при котором её единицы либо меняют уже присвоенные им значения, либо дополняют их, что даёт возможность осуществлять манипулятивное воздействие зрителем.

Герменевтический и проайретический коды направляют семиозис в экранном тексте и ведут к тому, что его гетерогенное означающее может быть связано с любым мысленным представлением / фрагментом реальности, либо с тем, которое задумал автор текста. Это создаёт в экранном тексте «демократию» знака – когда в одном знаке заложены разнообразные, иногда противоположные, значения, которые становится возможным прочесть не сразу, а постепенно при линейном развертывании текста. «Демократия» знака – это проявление поликодовости. При ознакомлении с гетерогенным текстом зрителю «предлагается» либо выбрать одно из заложенных в его экранную «речь» значений, либо принять к интерпретации некоторые из них или же сразу все.

Заключение

Герменевтический и проайретический коды используются автором текста для создания его нарративной карты, сознательные манипуляции с которой ведут к

манипуляции с использованными при его порождении знаками. Поскольку знаки вычленяют и «управляют» определенным содержанием мысли и/или реальности, восприятия – референтом и означаемым, это ведёт к манипуляции самим зрителем.

Контаминация герменевтического и проайретического кодов с визуальными, лингвистическим и паралингвистическими кодами способствует созданию «проработанности» и «достоверности» повествования, а также является инструментом достижения доверия-раппорта. Благодаря визуальным и паралингвистическим кодам экранное повествование становится более ярким и запоминающимся и быстро воспринимается зрителем, дополняющий их лингвистический, герменевтический и проайретический коды способствует тому, что демонстрируемое на экране «проникает» глубже в сознание. Создаваемая при этом «демократия» знака ненавязчиво раскрывает для зрителя спектр значений, среди которых он подсознательно выбирает те, которые соотносятся с его каждодневными проблемами и заботами, что помогает вызвать эмоциональный отклик к демонстрируемому на экране и отнестись к нему как к «близкому другу».

Литература

1. Бредихина Ю.И. Коды институционального дискурса в герменевтическом освещении // Научный альманах. 2017. № 4-2 (30). С. 231-234.
2. Волкова А.Г. Текст и коннотация: опыт семиотического анализа толкований святителя Феофана Затворника // Труды по русской патрологии. 2020. № 2 (6). С. 67-73.
3. Евграфова Ю. А. Лингвосемиотика экрана: моделирование реальности в экранных текстах на материале текстов кино, телевидения и сети Интернет: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Евграфова Юлия Александровна. – Мытищи, 2021. – 503 с. – EDN ODFTLJ.
4. Иванова С.В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 31-37.
5. Кадачиева Х.М., Агамирзаева А.Р. Нарративные коды как способ декодирования текста (на примере рассказа В. Борхерта

«Кегельбан») // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 3. С. 94-100.
6. Конурбаев М.Э., Конурбаев С.М. Историко-герменевтический очерк философии фальсафа на примере «Княжьих зерцал» (наставления правителям) Абу-Хамида Мухаммада Аль-Газали Ал-Туси: проайретический код // Сервис plus. 2015. Т. 9. № 2. С. 81-90.
7. Корниенко С.А., Герейханова К.Ф. Виды и формы интертекста как взаимодействия текстов // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4А. С. 190-197.
8. Короткова М.О. Герменевтический код как способ характеристики персонажа художественного произведения (на материале романа анны гавальда “Je l'aimais”) // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы научно-практической конференции. ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». 2019. С. 35-40.
9. Овсянникова А.А. Семиотические коды и мифологемы в советском кинематографе (на материале фильмов Сергея Параджанова «Тени забытых предков» и «Цвет граната») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (818). С. 173-181.
10. Полякова Т.А. Произведение и текст в концепции Р. Барта // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 161-170.
11. Потамская В.П. Философия Р. Барта: текст и знак // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 3 (18). С. 30-37.
12. Сараева К.И. Эмоциональный и акциональный коды анонса художественного произведения (на материале английского, французского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 3 (164). С. 65-70.
13. Уразымбетов Д.Д. Семиотические коды сценических пространств // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (24). С. 56-60.
14. Хлебникова О.В. Проайретический код в философском тексте // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 4-2. С. 167-170.
15. Хлебникова О.В. Символический код в философском тексте // Научный альманах. 2016. № 2-4 (16). С. 51-55.
16. Kazakova I., Kosichenko, E., Kurilov, S. Genre-forming potential of institutional discourse (an analysis of English theme jokes) // Ученые

записки национального общества прикладной лингвистики. – 2023. – No. 1(41). – P. 98-109. – EDN YSUPMO.

References

1. Bredihina Ju.I. Kody institucional'nogo diskursa v germenevticheskom osveshhenii [Codes of institutional discourse within hermeneutic framework] // Nauchnyj al'manah [SCIENTIFIC ALMANAC]. 2017. № 4-2 (30). Pp. 231-234. (in Russian).
2. Volkova A.G. Tekst i konnotacija: opyt semioticheskogo analiza tolkovanij svjatitelja Feofana Zatvornika [Text and connotation: the experience of semiotic analysis of exegetical works by St. Theophan the recluse] // Trudy po russkoj patrologii [WORKS ON RUSSIAN PATROLOGY]. 2020. № 2 (6). Pp. 67-73. (in Russian).
3. Evgrafova Ju. A. Lingvosemiotika jekrana: modelirovanie real'nosti v jekrannyh tekstah na materiale tekstov kino, televidenija i seti Internet [Linguosemiotics of the screen: modelling reality in screen texts on the material of film, television and internet texts]: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih nauk. – Mytishhi, 2021. – 503 p. – EDN ODFTLJ. (in Russian).
4. Ivanova S.V. Politicheskij diskurs i kul'turnoe kodirovanie: detonirovanie kul'turnyh kodov (na materiale politicheskogo diskursa SShA) [Political discourse and cultural coding: detonation of cultural codes (on the basis of us political discourse)] // Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. 2011. № 2 (36). Pp. 31-37. (in Russian).
5. Kadachieva H.M., Agamirzaeva A.R. Narrativnye kody kak sposob dekodirovanija teksta (na primere rasskaza V. Borherta «Kegel'ban») [Narrative codes as a way of decoding text (on the example of v. Borchert’s story "Bowling Alley")] // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Dagestan state university. Series 2: Humanities]. 2022. T. 37. № 3. Pp. 94-100. (in Russian).
6. Konurbaev M.Je., Konurbaev S.M. Istoriko-germenevticheskij ocherk filosofii fal'safa na primere «Knjazh'ih zercal» (nastavlenija praviteljam) Abu-Hamida Muhammada Al'-Gazali Al-Tusi: proajreticheskij kod [An essay on the history and hermeneutics of Nashat Al-Muluk by Ghazali, Abu Hamid Muhammad Ibn Muhammad Al-Tusi] // Servis plus [Servis plus]. 2015. T. 9. № 2. Pp. 81-90. (in Russian).
7. Kornienko S.A., Gerejhanova K.F. Vidy i formy interteksta kak vzaimodejstvija tekstov [The kinds and the forms of intertext as an interaction of texts] // Kul'tura i civilizacija [Culture and civilization]. 2017. T. 7. № 4A. Pp. 190-197. (in Russian).

8. Korotkova M.O. Germenevticheskij kod kak sposob harakteristiki personazha hudozhestvennogo proizvedenija (na materiale romana anny gaval'da “Je l'aimais”) [Hermeneutic code as a way to characterise a character in a work of fiction (based on Anne Gavalda's novel "Je L'aimais")] // Gumanitarnye chtenija «Sevastopol'skaja gavan'» [HUMANITARIAN READINGS "SEBASTOPOL HARBOUR"]: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. FGAOU VO «Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet». 2019. Pp. 35-40. (in Russian).
9. Ovsjannikova A.A. Semioticheskie kody i mifologemy v sovetskom kinematografe (na materiale fil'mov Sergeja Paradzhanova «Teni zabytyh predkov» i «Cvet granata») [Semiotic codes, and mythologems in soviet film (based on the films of Sergei Parajanov "Shadows of forgotten ancestors" and "The color of pomegranate")] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY]. 2019. № 2 (818). Pp. 173-181. (in Russian).
10. Poljakova T.A. Proizvedenie i tekst v koncepcii R. Barta [Work and text in the concept of R. Barthes] // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and social sciences]. 2013. № 6. Pp. 161-170. (in Russian).
11. Potamskaja V.P. Filosofija R. Barta: tekst i znak [R. Barth’s philosophy: text and sign] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. Serija: Nauki ob obshhestve i gumanitarnye nauki [Bulletin of Tver State Technical University. Series: Sciences of Society and Humanities.]. 2019. № 3 (18). Pp. 30-37. (in Russian).
12. Saraeva K.I. Jemocional'nyj i akcional'nyj kody anonsa hudozhestvennogo proizvedenija (na materiale anglijskogo, francuzskogo i russkogo jazykov) [Emotional and action codes of the announcement of a work of art (from materials of English, French and Russian languages)] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie [Bulletin of Adygeya State University. Series 2: Philology and Art History]. 2015. № 3 (164). Pp. 65-70. (in Russian).
13. Urazymbetov D.D. Semioticheskie kody scenicheskih prostranstv [Semiotic codes of scenic spaces] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts]. 2015. № 3 (24). Pp. 56-60. (in Russian).
14. Hlebnikova O.V. Proajreticheskij kod v filosofskom tekste [Proairetic code in a philosophical text] // Novaja nauka: Problemy i perspektivy

[The New Science: Problems and Prospects]. 2016. № 4-2. S. 167-170. (in Russian).
15. Hlebnikova O.V. Simvolicheskij kod v filosofskom tekste [Symbolic code in philosophical text] // Nauchnyj al'manah [SCIENTIFIC ALMANAC]. 2016. № 2-4 (16). Pp. 51-55. (in Russian).
16. Kazakova I. Kosichenko, E., Kurilov, S. Genre-forming potential of institutional discourse (an analysis of English theme jokes) // Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics]. – 2023. – № 1(41). – Pp. 98-109. – EDN YSUPMO. (in English)

Статья поступила в редакцию 04.10.2023
Статья одобрена после рецензирования 28.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 81'22

Мазирка Ирина Олеговна
Irina Mazirka
Донскова Ирина Ивановна
Irina Donskova
Горбунова Елена Владимировна
Elena Gorbunova
Мигдаль Ирина Юрьевна
Irina Migdal

Лингвистический аспект представления понятия «личность» и ее характеристик

Linguistic Aspect of Representing the Concept of "Personality" and its Characteristics

Аннотация. *Личностно-ориентированная парадигма современного научного знания привлекает внимание исследователей к сущности и ключевым характеристикам понятия «личность». В рамках данного подхода особую актуальность приобретают работы по обобщению и систематизации полученного теоретико-практического материала. Сравнительно-сопоставительный анализ междисциплинарных исследований отечественных и зарубежных авторов позволяет отследить эволюцию изучения феномена «личность» в рамках разнообразных течений научной мысли, акцентировать точки соприкосновения и подчеркнуть ключевые различия выдвинутых принципов классификации. На основе проведенного сопоставления авторам статьи удалось выделить значимость лингвистических аспектов представления феномена «личность» и его основных характеристик, что составляет научную новизну представленной работы. Так, изучая основные дефиниции понятия «личность», «языковая личность», «коммуникативная личность» в рамках отечественной и зарубежной антропоцентрической лингвистики, авторы сопоставляют существующие подходы к определению понятия «личность», привлекая внимание к лингвистической прагматике функционирования данного явления. Целью работы становится изучение типа соотношений категории личностных дескрипторов индивида с характером представления их в языке. Авторами обосновывается возможность и целесообразность поиска более точных определений понятию «личность» посредством его детального рассмотрения сквозь призму лексического описания характеристик. Описанные авторами семантические критерии репрезентации личностных характеристик демонстрируют их соотнесенность с критерием социальной значимости, что позволяет выделить некий набор предикаций, характерных для всех индивидуумов. Результаты исследования дают возможность представить объективные характеристики понятия «личность» на основе доступных лексических материалов, которые могут служить яркой иллюстрацией выдвинутых теоретических положений.*

Abstract. *The personality-oriented paradigm of modern scientific knowledge attracts researchers' attention to the essence and key characteristics of the concept of "personality". Within the framework of this approach, the works on generalization and systematization of the obtained theoretical and practical material acquire special relevance. Comparative analysis of*

interdisciplinary studies of domestic and foreign authors allows us to trace the evolution of the study of the phenomenon of "personality" within the framework of various scientific trends, to emphasize the points of convergence and emphasize the key differences of the proposed classification principles. On the basis of the comparison, the authors of the article managed to single out the importance of linguistic aspects of representing the phenomenon of "personality" and its main characteristics, which constitutes the scientific novelty of the presented work. Thus, studying the main definitions of the concepts of "personality", "linguistic personality", "communicative personality" in domestic and foreign anthropocentric linguistics, the authors compare the existing approaches to the definition of the concept of "personality", drawing attention to the linguistic pragmatics of this phenomenon functioning. The aim of the work is to study the type of correlations between the category of personality descriptors of an individual and the nature of their representation in language. The authors substantiate the possibility and expediency of searching for more precise definitions of the concept of "personality" through its detailed consideration within the prism of lexical descriptors of key characteristics. The semantic criteria for representing personality characteristics described by the authors demonstrate their correlation with the criterion of social significance, which makes it possible to identify a certain set of predications characteristic of all individuals. The results of the study make it possible to present objective characteristics of the concept "personality" on the basis of available lexical materials, which can serve as a vivid illustration of the put forward theoretical provisions.

Ключевые слова: *личность, характеристики личности, личностные дескрипторы, лингвистические аспекты личности, семантические аспекты личности*

Keywords: *personality, personality characteristics, personality descriptors, linguistic aspects of personality, semantic aspects of personality*

Введение

Понятие «личность» в современной зарубежной и отечественной науке рассматривается давно и с разных точек зрения. Исследование этого феномена и его характеристик активно проводилось сначала больше в ракурсе философии, психологии и психиатрии (например, культура и бессознательное в психоаналитической антропологии З. Фрейда, К. Г. Юнга, когнитивная антропология Ф. К. Бока, М. Коула и др., где авторы работ постулировали мысль об отсутствии заметного влияния личности на развитие познавательных процессов), в социологии (Р. Бенедикт, Дж. Горер А. Инкельс, А. Кардинер, Р. Линтон, Ф. Л. К. Хсю, Дж. и Б. Уайтинги и др.). В каждой из упомянутых областей знания исследователи предлагали свои подходы и методы решения проблем личности и определения ее основных черт, выделяли ее типы, характеристики и подвергали их классификации [Мазирка, 2004; 2021]. Например, в отечественной психологии сегодня четко сформировались несколько заметно представленных и обсуждаемых подходов: психодинамический, поведенческий, деятельностный, когнитивный, гуманистический (экзистенциальный и

трансперсональный). В социальных науках, согласно В.А. Ядову, можно также выделить несколько основных подходов к трактовке феномена личность, в частности, в ее соотношении с понятием культура (например, согласно материализму К. Маркса, Ф. Энгельса, позитивизму М. Вебера, К. Мертона и интеракционистской позиции Дж. Г. Мида, личность формируется в зависимости от ее статуса в социуме и согласно своей культуре в этом статусе) [Ядов, 1995].

Во второй половине XX в. стало очевидно, что феномен личности следует изучать как явление междисциплинарное. И такой переход к «вынужденной междисциплинарности» состоялся, в том числе, и благодаря повороту вектора интересов исследователей-лингвистов к изучению функционирования языка, а позже – к речевой деятельности индивида, к изучению стереотипов его вербального поведения, т.е. произошел заметный сдвиг проведения научных работ из области структурной лингвистики в сторону лингвистики функциональной, а далее — переход к прагмалингвистике и к культурологической лингвистике. Данные направления активно развиваются на фоне общего повышенного интереса к антропоцентрической лингвистике в целом и в ключе лингвоцентрического неоструктурализма, в частности.

Все характеристики личности, так или иначе, тесно связаны с их представлением в языке, а также с языком, который данная личность использует, с развитием ее сознания (в том числе и языкового), мышления. Тип личности и его характеристики являются важными компонентами, влияющими на семантическое содержание ее лексикона.

В статье мы сконцентрируем свое внимание на рассмотрении вопросов, связанных с рядом важных семантических и лингвистических аспектов представления личности и ее характеристик, рассмотрим междисциплинарные подходы к определению понятия «личность» и к изучению ее характеристик в отечественном и зарубежном знании; частично выделим и опишем категории личностных дескрипторов индивида с представлением их в языке, обоснуем возможность и целесообразность поиска более точных определений понятию

«личность» посредством детального рассмотрения именно лексического описания ее характеристик.

Отечественные научные подходы к определению личности

То, как ученые определяют понятие «личность», несомненно, влияет на то, что становится для них приоритетным в ее изучении. Проблема не только современной отечественной, но и зарубежной науки состоит в выборе концепции, согласно которой данный феномен будет описываться. Иногда это явление рассматривается «узко» в рамках определенной науки, но чаще «широко», то есть личность становится фокусом исследования с привлечением инструментария целого ряда научных областей. Однако если все, что связано с проблемой изучения личности, весьма грубо разделить на несколько направлений, то можно выделить два основных, заметно контрастирующих друг с другом: 1. определение личности как индивида с набором характеризующих его особенностей; 2. как базовую систему, способную генерировать данные характеристики.

Приведем несколько примеров определения понятий личности и языковой личности из отечественного и зарубежного знания.

«Личность — это совокупность выработанных привычек и предпочтений, психический настрой и тонус, социокультурный опыт и приобретённые знания, набор психофизических особенностей человека, определяющих повседневное поведение и связь с обществом и природой» [Абушенко, 1999].

Изучение констант языкового сознания (ЯС) и коммуникативного поведения индивида способствуют более точному определению типа его личности, а также группы и этноса, к которым он принадлежит (например, в рамках аксиологической лингвистики).

Сам термин языковое сознание включает в себя две сущности: сознание как психический феномен нематериальной природы «и как материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей» [Ушакова, 2000: 17]. Лингвистика фокусируется на исследовании ментальных образований, выражаемых через язык и его знаки.

Языковая личность (ЯЛ) – это «когнитивно-коммуникативный инвариант, обобщенный образ носителя культурно- коммуникативно- языковых и деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения»[1].

На уровне речевой прагматики (высший уровень по Ю.Н. Караулову), ЯЛ « <…> сливается с личностью в самом общем, глобальном социально-психологическом смысле <…>» [Караулов] и трактуется как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [Караулов].

С.С. Сухих еще в 1998 году разработал основательную классификацию психологических типов ЯЛ и выделил несколько уровней измерения последней (экспонентный, субстанциональный и интенциональный) с особенностями ее проявления на каждом из этих уровней [Сухих, 1998:17]. К.Ф. Седов, согласно своей научной концепции, выделяет три типа ЯЛ— инвективный, рационально-эвристический и куртуазный [Горелов, Седов, 1998: 133]. В рамках социокультурной лингвистики ученые также предлагают несколько типов ЯЛ, согласно ряду ее объективных статусных признаков — возраст, пол, и т.д.

Языковая личность может изучаться согласно релевантным признакам модельной личности, типичного представителя этнической группы с характерным для него вербальным и невербальным поведением. Термин «коммуникативная личность» появился позже в работах В.Б. Кашкина [Кашкин, 2016] и В.В. Красных [Красных, 2001].

По мнению Ф.А. Литвина, в одном из своих исследований утверждающего, «что семантика, прагматика и синтактика языковых единиц — это взаимодополнительные отношения, между которыми невозможно установить иерархию», когнитивные и поведенческие характеристики общения могут

[1] Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общей редакцией А.А. Бодалева, 2011 [Электронный ресурс] URL: http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-of-communication/index.htm (дата обращения: 12.12.2023).

рассматриваться с позиций аксиологии, речевого взаимодействия представителей разных культур [Литвин, 2005:105].

Предполагается, что в ЯС и в коммуникативном поведении личности имеются определенные постоянные характеристики социальной группы и этноса, а также существует возможность не только объективного выявления этих характеристик, но их моделирования.

Итак, типы личности в том числе и ЯЛ рассматриваются с разных научных ракурсов с применением соответствующих подходов к их исследованию.

Особенности классификации личности в западных исследованиях

Отметим, что зарубежные исследователи при определении понятия «личность» и ее характеристик проявляют еще большую вариативность в своих подходах к решению данных проблем. Например, Л. Хьелл и Д. Зиглер в одном из своих исследований выделяют девять направлений, активно применяемых зарубежными учеными в теории личности: 1.психодинамическое З. Фрейда, 2. пересмотренный вариант данного направления А. Длером и К. Юнгом; 3.диспозиционное (Г. Олпорт, Р. Кеттел); 4. бихевиористское (Б. Скиннер); 5.социально-когнитивное (А. Бандура); 6. когнитивное (Дж. Келли); 7. гуманистическое (А. Маслоу); 8. феноменологическое (К. Роджерс) и 9. эго-психология [Хьелл и Зиглер]. При этом все упомянутые направления (концепции) имеют заметные точки соприкосновения, поскольку чаще всего личность в них определяется как некая структура, в рамках которой организуется и интегрируется поведение индивида, определяются и подчеркиваются его индивидуальные качества, а также фиксируется наличие влияния на него внешних и внутренних факторов (например, биологическая предрасположенность, социальный опыт и динамичная внешняя среда).

Д. Фундер в одной из своих работ представил свой взгляд на личность и дал этому понятию следующее определение: «Личность — это характерные модели мышления, эмоций и поведения человека вместе с психологическими механизмами — скрытыми или нет — стоящими за этими паттернами» [Funder, 2010:1-2]. В определении Д. Фундера нет уточнения о

локализации данных паттернов, т.е. существуют они внутри самого индивида или находятся на стыке с семантическими и лингвистическими аспектами его личности.

По мнению ряда зарубежных ученых, понятие «личность» (personality), например, в английском языке более широкое (см. работы Ротбарт и Бейтса [Rothbart, Bates, 1998], Ж. Соусье [Saucier, 2007]. Согласно одному из подходов к интерпретации данного феномена, последний представляется как субъект с определенным набором предикаций (утверждений) о нем / сущности. Таким образом, описание личности может быть представлено как некое утверждение (предикация) о сущности, под которой понимается сама личность, а предикатами в этом описании выступают дескрипторы ее черт и/или ситуации, где эта личность действует, взаимодействует и т.д., т.е. представляются семантические и лингвистические аспекты предикативности индивида. Например, фразы: «мальчик прилежен», «мальчик активен», «мальчик в школе» и «мальчик одинок» содержат предикаты (сказуемые), которые дают некоторую информацию (содержат утверждение) о некотором мальчике (субъекте/сущности). В своих исследованиях Леманн еще в 1994 обобщил информацию об основных аспектуальных типах /разновидностях предикатов, широко используемых в лингвистике (от статичных до динамичных) [Lehman, 1994]. Таким образом, он указал, что на одном конце предложенного им континуума локализуются характеристики субъекта, которые относят его к определенному классу или категории (например, в нашем случае, это субъект «мальчик» и он относится к мужскому полу), которые выступают в качестве стабильных как во времени, так и по самой сути индивида (сущности). Принадлежность к какой-либо из категорий предполагает значимые и отличительные особенности сущности/индивида, а также некоторые функции, выполняемые им также постоянно. К стабильным во времени предикатам сущности также относят и ее свойства (качества). Например, во фразе «мальчик еще слишком мал» просматривается один из аспектов проявления сущности (здесь, мальчика). При этом отметим, что данный аспект, хотя и относительно стабилен, может претерпеть изменения, например, когда так называемое «членство» сущности в описываемой

категории будет «сигнализировать» о каких-либо очевидных и существенных изменениях, произошедших с индивидом. Например, «мальчик повзрослел», при этом субъект останется особью мужского пола. Однако заметим, что не принадлежность сущности к определенному классу, ни ее свойства не являются определяющими в случае наступления так называемых «непредвиденных обстоятельств», касательно времени действия индивида или проявления какого-либо из его свойств — при этом и класс, и свойства имеют четкие отличия от других типов предикатов и претендуют лишь на относительную стабильность во времени, т.е. могут считаться атемпоральными.

Что касается категории состояния, то она является категорией неустойчивой (транзиторной) или вообще может считаться даже условной. Например, такую ситуацию можно наблюдать во фразах: «Мальчик ощущает себя ребенком» и «Мальчик ощущает себя взрослым в этой компании», где индивид (т.е. сущность) характеризуется только в данный момент времени и/или в конкретной ситуации.

Процессы отличаются от категории состояния своей большей динамичностью, поскольку нуждаются в постоянном присутствии «энергии» для сохранения того или иного аспекта проявления сущности, например, как во фразе: «Мальчика активно готовят к сдаче ЕГЭ». Категория же состояния отражает принадлежность индивида к какой-либо когорте людей, категории социума и т.д., где процесс может иметь место в определенный период времени.

Процесс отличается от действия тем, что, как состояние, качество и принадлежность сущности к категории не может (или только отчасти может) быть контролируемым или подвергаться мощному влиянию со стороны. Сравним фразы: «мальчик споткнулся» и «мальчика наказали» с фразами: «мальчик сохранил равновесие (устоял)» и «мальчик успел скрыться», где в последнем случае действия были под контролем самого индивида. Что касается частей речи, то процессы и действия практически всегда выражаются в языке глаголами или отглагольными формами (во всяком случае, в английском и русском языках).

Характеристики личности— это также и свойства, приписываемые индивиду. Свойства часто описываются рядом/группой, например, существительных: *лирик, мечтатель, неряха* в русском языке или *lyricist, dreamer, slacker* в английском языке. При этом указанные лексемы должны обязательно иметь хотя бы один общий дескриптор, например, принадлежность к одной категории или общее свойство.

Ситуационные дескрипторы или характеристики больше отражают не свойства, а скорее динамичность характеристик личности индивида и чаще имеют преходящий характер. Такие характеристики личности локализуются на противоположной стороне континуума предикатов.

К ситуационным дескрипторам можно отнести контексты, созданные под влиянием неконтролируемых индивидом процессов (например, содержащие угрозу, *blackmailing*) или преднамеренные действия человека (например, пилотирование, *cleaning)*, а также ряд возможных состояний индивида (физических, физически-экологических: например, нахождение в кругу семьи, на природе) или его взаимно согласованные социальные состояния (например, с коллегами, с семьей), а также некоторые субъективные состояния человека (например, болезнь, усталость) [Saucier, 2007].

Если говорить о свойствах как о качествах личности, то отметим, что первые менее стабильны, чем категории, и не такие динамичные, как состояния, процессы и действия.

Выводы

Таким образом, личность и ее характеристики могут представлять собой набор предикаций, характерных для индивидуумов.

Динамичные ситуационные аспекты, выражаемые предикатами сущности и характерные для нее только в конкретный момент времени, не могут считаться ее качественными характеристиками, если только не перейдут в стадию хотя бы постоянно повторяющихся, т.е. станут стабильными во времени или атемпоральными. Поэтому предполагаем, что в понятие «личность» также входят и все относительно стабильные во времени качества индивидуумов, по которым можно также и различать один от другого. При этом

общие абсолютно для всех индивидуумов характеристики, например, такие как «личность – это человек, землянин, биологическое существо» и т.д. также не являются характеристиками, способными различить одну личность от другой, поэтому не могут восприниматься как характерные черты личности при ее определении.

По мнению ряда отечественных и зарубежных ученых (А.Г. Шмелев [Шмелев, 2002], Ж. Сосье [Saucier, 2007]), существует, как минимум, двенадцать категорий личностных дескрипторов индивида, имеющих непосредственное отношение к характеристикам личности. Приведем лишь некоторые из них. 1. Атемпоральные ситуационные сказуемые/предикаты (см. выше). Заметим, что даже динамические дескрипторы ситуации в рамках статичного и последовательного процесса могут стать дескрипторами личности (например, «Мальчик всегда дома» или «Я всегда на связи с друзьями»). Таким образом, можно идентифицировать тенденции в поведении личности и охарактеризовать ее, учитывая частотность происходящих с ней событий (ситуаций). 2. Описания, связанные с географическим или этническим происхождением личности, как правило, напрямую не указывают на уровень сформированности ее личностных качеств, а лишь отчасти (больше согласно стереотипам) представляют ее поведенческие и реже когнитивные характеристики (например, московский татарин, азиат). 3. Физические характеристики человека, которые практически не влияют на формирование впечатлений о нем, как о личности, не важны для его репутации и социального взаимодействия (например, «У него хрупкие кости, острый нос»). Однако заметим, что все же ряд физических характеристик индивида, существующих в любом языке (например, несуразный, утонченный, стильный), могут ассоциироваться с типичной для него манерой поведения. А такие описания индивида, как «человек низкого роста», «худой», «симпатичный» могут стать и психологически значимыми ввиду их важности при формировании впечатлений о личности, которую они характеризуют (например, при выборе кандидатов на роль, должность). 4. Описания, относящиеся к социальному статусу личности (бедный, успешный, популярный) могут оказывать

психологически значимое влияние на поведение, мотивацию и мышление окружающих описываемую личность людей. 5. Описания человека, относящиеся к его глобальной оценке (описательные и оценочные компоненты, например, «хороший» и «плохой»), чаще всего относят все же к свойствам человеческой сущности. 6.Обобщенные отношения, ценности и склонности убеждений. Еще Олпорт около века назад считал отношения поведенческими диспозициями определенного и внешнего рода, «привязанными к объекту или ценности», возникающими при наличии какого-либо класса стимулов [Allport, 1937: 294]. Если отношения и т.д. проявляются на постоянной основе и не привязываются к какому-либо только одному индивиду (обычно это лексемы, означающие традиционную религиозность, субъективную духовность, непреодолимый личный интерес, гражданскую систему убеждений (например, христианство, экстремизм, пацифизм)), тогда они могут относиться к характеристикам личности.

Таким образом, с нашей точки зрения, именно лингвистические исследования, а именно, исследования лексики, отражающей различные характеристики личности, с использованием в научных работах разных, в том числе и языковых концепций, могут точнее определить и само понятие «личность». Можно небезосновательно предположить, что если различия существуют в лексике, характеризующей личность, то таковые имеются и в практическом определении данного понятия. При лингвистическом (лексическом) подходе к описанию характеристик личности степень представления определения данного феномена в языке отчасти соответствует общему определению личности в действительности. Такого рода предположение, с нашей точки зрения, непосредственно отражает семантическое представление о характеристиках личности еще и с критерием ее социальной значимости. Плюсом в лексическом изучении характеристик личности при ее определении можно считать объективность и доступность получения исследователями информации о разнообразных лексических понятиях из обширных по объему лексикографических источников, при этом лексико-

исследовательская парадигма, несомненно, придает и особое значение кросс - культурной обобщаемости понятия «личность».

Литература

1. Абушенко В.Л. Личность // Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд.: В. М. Скакун, 1999. 877 с.
2. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: Учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. Москва: Лабиринт, 1998. 256 с.
3. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия по направлению подготовки 032700 - "Филология" / В. Б. Кашкин. 6-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. 223с.
4. Караулов Ю.Н. Языковая личность и национальный характер. [Электронный ресурс] URL: https://infopedia.su/12xb312.html (дата обращения: 12.12.2023)
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Лекц. курс / В.В. Красных. Москва: Гнозис: Кучково поле, 2001. 269 с.
6. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. №2103 «Иностр. яз.» / Ф. А. Литвин. Изд.2. Москва: URSS. 2005. 120 с.
7. Мазирка И.О. Вербальная презентация понятия индивидуации по К. Г. Юнгу посредством англоязычных фразеологических единиц / И. О. Мазирка, М. С. Митюшина // Вестник Московского государственного областного университета.2021. № 1. С. 211-226. DOI 10.18384/2224-0209-2021-1-1057. EDN LECVYX.
8. Мазирка И.О. Психологические и лингвистические аспекты исследования личности в научной и художественной литературе / И. О. Мазирка // Прикладная психология и психоанализ. 2004. № 4. С. 50-55. EDN LGLKZG.
9. Сухих С.А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С. А. Сухих, В. В. Зеленская; М-во высш. и спец. образования РФ. Куб. гос. ун-т. - Краснодар: Изд-во Куб. гос. ун-та, 1998. - 159 с.; 20 см.; ISBN 5-230-21808-8.
10. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира / Ответственный редактор Н.В. Уфимцева. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2000. С. 13-23. – EDN SFZRUJ.

11. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. Основные положения, исследования и применение. [Электронный ресурс] URL: http://www.grabovskaya.by/sites/default/files/%20Л%5В1%5D.,%203иглер%20Д.%20Теории%20личности.pdf (дата обращения 12.12.2023)
12. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002. 480 с.
13. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. [Доп. и испр. изд.]. Самара: Самар. ун-т, 1995. 328с.
14. Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, 1937. 588p.
15. Funder D. C. The personality puzzle. New York: W.W. Norton W. W. Norton & Company, 2010. 832p.
16. Lehman C. Predicates: Aspectual types. // In R. E. Asher (Ed.), The encyclopedia of language and linguistics. Vol. 1. UK: Oxford, 1994. PP. 3297–3302
17. Rothbart M. K., Bates, J. E. Temperament. In W. Damon (Series Ed.) & N. Eisenberg (Vol. Ed.), Handbook of child psychology: Vol. 3, Social, emotional and personality development (5th ed., pp. 105-176). New York: Wiley, 1998.
18. Saucier G., Bel-Bahar T., Fernandez C. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables. // Journal of Personality, 75(3), 2007. PP. 479-503.

References

1. Abushenko V. L. Lichnost' [Personality]/ // Novejshij filosofskij slovar' [The New Philosophical Dictionary] / Gl. nauch. red. i sost. A.A. Gricanov. Minsk: Izd.: V. M. Skakun, 1999. 877 s.
2. Gorelov I.N. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics] : Ucheb. posobie / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. Moskva: Labirint, 1998. 256 s.
3. Kashkin V. B. Vvedenie v teoriju kommunikacii [Introduction to communication theory]: dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij v kachestve uchebnogo posobija po napravleniju podgotovki 032700 - "Filologija" / V. B. Kashkin. 6-e izd., ster. Moskva: FLINTA: Nauka, 2016. 223s.
4. Karaulov Ju.N. Jazykovaja lichnost' i nacional'nyj harakter [Linguistic personality and national character]. [Jelektronnyj resurs] URL: https://infopedia.su/12xb312.html (дата обращения: 12.12.2023)

5. Krasnyh V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]: Lekc. kurs / V.V. Krasnyh. Moskva: Gnozis: Kuchkovo pole, 2001. 269 s.
6. Litvin F.A. Mnogoznachnost' slova v jazyke i rechi [Word polysemy in language and speech:]: Ucheb. posobie dlja ped. in-tov po spec. №2103 «Inostr. jaz.» / F. A. Litvin. Izd.2. Moskva: URSS. 2005. 120 s.
7. Mazirka I.O. Verbal'naja prezentacija ponjatija individuacii po K. G. Jungu posredstvom anglojazychnyh frazeologicheskih edinic [Verbal presentation of C. G. Jung's concept of individuation by means of English phraseological units] / I. O. Mazirka, M. S. Mitjushina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta.2021. № 1. S. 211-226. DOI 10.18384/2224-0209-2021-1-1057. EDN LECVYX.
8. Mazirka I.O. Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty issledovanija lichnosti v nauchnoj i hudozhestvennoj literature [Psychological and linguistic aspects of personality research in scientific and fiction literature]/ I. O. Mazirka // Prikladnaja psihologija i psihoanaliz. 2004. № 4. S. 50-55. EDN LGLK
9. Suhih S.A. Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa [Pragmalinguistic modeling of the communicative process] / S. A. Suhih, V. V. Zelenskaja; M-vo vyssh. i spec. obrazovanija RF. Kub. gos. un-t. - Krasnodar: Izd-vo Kub. gos. un-ta, 1998. - 159 s.; 20 sm.; ISBN 5-230-21808-8.
10. Ushakova T. N. Jazykovoe soznanie i principy ego issledovanija [Language consciousness and the principles of its research] / T. N. Ushakova // Jazykovoe soznanie i obraz mira / Otvetstvennyj redaktor N.V. Ufimceva. – Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut jazykoznanija Rossijskoj akademii nauk, 2000. S. 13-23. – EDN SFZRUJ.
11. Hjelle L., Ziegler D. Teorija lichnosti. Osnovnye polozhenija, issledovanija i primenenie. [Personality theory. Main points, research, and applications.] [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.grabovskaya.by/sites/default/files/%20L%5B1%5D.,%20Zigler%20D.%20Teorii%20lichnosti.pdf (data obrashhenija 12.12.2023)
12. Shmelev A.G. Psihodiagnostika lichnostnyh chert. [Psychodiagnosis of personality traits]. SPb: Rech', 2002. 480 s.
13. Jadov V.A. Sociologicheskoe issledovanie: metodologija, programma, metody [Sociological research: methodology, program, methods] / V. A. Jadov. [Dop. i ispr. izd.]. Samara: Samar. un-t, 1995. 328s.
14. Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. New York: Holt, 1937. 588p.

15. Funder D. C. The personality puzzle. New York: W.W. Norton W. W. Norton & Company, 2010. 832p.
16. Lehman C. Predicates: Aspectual types. // In R. E. Asher (Ed.), The encyclopedia of language and linguistics. Vol. 1. UK: Oxford, 1994. PP. 3297–3302
17. Rothbart M. K., Bates, J. E. Temperament. In W. Damon (Series Ed.) & N. Eisenberg (Vol. Ed.), Handbook of child psychology: Vol. 3, Social, emotional and personality development (5th ed., pp. 105-176). New York: Wiley, 1998.
18. Saucier G., Bel-Bahar T., Fernandez C. What modifies the expression of personality tendencies? Defining basic domains of situation variables. // Journal of Personality, 75(3), 2007. PP. 479-503.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023
Статья одобрена после рецензирования 30.10.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 81-11

Осиновская Людмила Михайловна
Ludmila Osinovskaya

Лингвистические средства выражения концепта «учение» в русском и англоязычном педагогическом дискурсе

Linguistic Means of Expressing Concept "Learning" in the Russian and English-Speaking Pedagogical Discourse

Аннотация. *Актуальность исследования концепта «Учение» в российском педагогическом дискурсе связана с обострением в настоящее время противоречия между последствиями американизации мирового образовательного пространства, с одной стороны, и потребностью нашего общества в самоидентификации для сохранения собственных уникальных ценностей, с другой. Цель исследования – выявление лингвистических средств выражения сущности концепта «учение» в русской и англоязычной лингвокультуре. В качестве материала исследования выбраны лекции и статьи, написанные В.И.Загвязинским, С.Г. Тер-Минасовой, К. Робинсоном, С.Ханом и др. Помимо основных научных данных, содержащихся в текстах их выступлений, мы находим информацию, отражающую глубинные представления о нормах, ценностях и взглядах на образовательное пространство. Годы создания выбранных материалов – 2016-2021 гг. За единицу анализа были взяты языковые единицы от лексем до предложений, представляющих собой одну самостоятельную идею. Всего нами было выделено 974 русских и 893 английских лексем, фраз, предложений. Используя методы эмпирического уровня, а именно контекстуальный анализ текста (при работе со словарными статьями и при описании семантического поля изучаемых концептов) и метод фреймо-слотового анализа (для выявления характеристик и способов выражения концепта учение), метод сплошной выборки, моделирование структуры концептов, мы выявили в обеих фреймо-слотовых структурах по 7 фреймов, из них 5 общих и 2 культурно-специфических. Для российской культуры это были фреймы «Советский учитель» и «Отношения между учителем и учеником», для англоязычной – “Solutions to existing problems”, “Valued traits of personality”. Исследование показало, что общей проблемой для обеих культур является недостаточное внимание к нравственной стороне развития человека. В обеих концептосферах можно найти слово «гражданин/citizen», что подчёркивает важность ценностной составляющей образования как системы, развития способности человека приносить пользу социуму.*

Abstract. *The relevance of the concept of "Learning" in the Russian pedagogical discourse is associated with the increasing contradiction between the consequences of the world education Americanization, on the one hand, and the need of our society for self-identification in order to preserve its own unique values, on the other. The target of the study is to identify linguistic means of expressing the concept "Learning" essence in Russian and English-speaking cultures. The article summarizes the data collected in modern Russian and and English-speaking educational sources, particularly lectures and articles written by V.I. Zagvyazinsky, S.G. Ter-Minasova, K,Robinson, S. Kahn, etc. Lectures and articles that concern the theme “Modern Education and Modern Student” were published in 2016-2021. We considered language units*

representing one independent idea as the unit of analysis. In total, we identified 974 Russian and 893 English lexemes, phrases, sentences.The author uses the method of contextual analysis as well as the method of frame-slot analysis to identify the ways of expressing the concept "Learning". Thus, the author has identified 7 frames that represent a composition of the concept "Learning" in the Russian and English texts. In both frame-slot structures there are 5 common frames and 2 culture-specific. For the Russian culture, these are frames "Soviet teacher", "Relationships between a teacher and a student", for the English language they are "Solutions to existing problems", "Valued traits of personality". In conclusion, the author underlines that a common problem for both cultures is insufficient attention to the moral side of human development. . In both concept spheres, there is the word "grazhdanin / citizen" represented rather often. Speaking about the final product of the educational system, both cultures agree that it must be an intellectually, morally and spiritually developed personality.

Ключевые слова: *образование, лингвокультурология, концепт, учение, фрейм, слот*

Key words: *education, lingvoculture, concept, learning, frames, slot*

Введение

Актуальность исследования концептосферы образования, в частности концепта «Учение» в российском педагогическом дискурсе, связана с обострением в настоящее время противоречия между последствиями американизации мирового образовательного пространства, с одной стороны, и потребностью нашего общества в самоидентификации для сохранения собственных уникальных ценностей, с другой. Тем не менее, важно в решении указанной проблемы сохранить лучшие достижения мировой культуры, мирового образования. Это обусловлено тем, что концепт «Учение» является одним из центральных как для осознания лежащих в основе нашей культуры ценностей и норм, так и для формирования их у обучающихся в процессе образования.

Цель исследования – выявление лингвистических средств выражения сущности концепта «учение» в русском и англоязычном педагогическом дискурсе.

Применимость понятия «концепт» во многих областях исследовательской деятельности, а также семантическая многоплановость самого определяемого явления способствует появлению большого количества разнообразных дефиниций концепта. В нашем исследовании концепт рассматривается в лингвокультурологическом плане, поэтому мы опирались на определение Ию Сюй и считаем, что «лингвокультурный концепт отражает все возможные смыслы и репрезентируется в языковых

формах, в том числе в формах слов и устойчивых сочетаний» [Сюй, 2020: 101].

Согласно мнению О.Г. Дубровской, в рамках каждого конкретного акта коммуникации субъект дискурса выводит в фокус коммуникации один тип знания, наиболее важный на взгляд субъекта, то есть интерпретирует мир в пределах территориального, профессионального, гендерного, бытового знания своей концептуальной системы. [Дубровская, 2022: 70].

Одним из критериев выделения концепта в ряду других ментальных единиц в их проекции на язык является его исключительно абстрактный характер. В этой связи О.С. Чеснокова отмечает, что концепт объединяет разнообразные коллективные знания об объектах и явлениях действительности от конкретных до абстрактных. Он имеет различные уровни языкового воплощения, от внутренней формы первоначальных значений слова до современных дискурсивных практик [Чеснокова, 2021: 26].

Рассматривая лингвокультурные концепты как форму отражения концептосферы народа, А.Е. Гусева считает, что описать культурно-значимую информацию концепта возможно двумя способами. Во-первых, это эксплицитный способ посредством культурных сем, культурных образов, символов, идеологем, мифологем, лингвокультурем. А, во-вторых, это - имплицитный способ. К нему условно относятся культурные пресуппозиции, инференции, коннотации, ассоциации, установки, скрипты, доминанты, стереотипы, фон и др. [Гусева, 2021: 19]

Из вышесказанного, мы делаем вывод, что структура концепта двухчастна и состоит в разделении его на фреймы (ядро, общая информация) и слоты (периферия, уточняющие примеры). С этих позиций, фрейм – это ментальная структура для организации знаний об окружающем мире в сознании. Он является способом отражения структуры и содержания концепта. Слоты уточняют и наполняют содержание фрейма примерами, включая конкретизацию в его значение.

Материал и методы исследования

Существует множество учебных материалов, посвящённых образовательной сфере – учебные программы,

учебники, конспекты уроков, лекции, статьи. Помимо основных данных, содержащихся в них, мы находим имплицитную информацию, не всегда осознаваемую ни составителем, ни получателем без подробного анализа материала. Эта информация отражает глубинные представления о нормах, ценностях и взглядах на обсуждаемые явления тех людей, которые и создают образовательные пространства культур – учёных-лингвистов, педагогов. Особенно ярко это проявляется в их письменных и устных выступлениях, а именно в лекциях и статьях. Именно по этой причине в качестве материала исследования мы выбрали лекции и статьи, написанные лучшими специалистами русской и англоязычной культур, такими как В.И. Загвязинский, С.Г. Тер-Минасова, К. Робинсон[1], С.Хан[2] и др. Помимо основных научных данных, содержащихся в текстах их выступлений, мы находим информацию, отражающую глубинные представления о нормах, ценностях и взглядах на обсуждаемые явления учёных-лингвистов, педагогов, создающих образовательное пространство культуры.

Лекции и статьи были выбраны тематически, заданная тема - современное образование и современный ученик. Это помогло нам определить состав концепта «Учение», актуальный на сегодняшний день; годы создания выбранных материалов – 2016-2021 гг.

За единицу анализа были взяты языковые единицы от лексем до предложений, представляющих собой одну самостоятельную идею. Всего нами было выделено 973 русских и 893 английских лексем, фраз, предложений. Принцип выборки данных основывался на их повторяемости из лекции в лекцию. Выделенные единицы были обобщены до ключевых фраз, объединяющих группу единиц анализа и ставшие номинациями слотов.

Как уже было сказано выше, фрейм – это форма, способ отражения структуры и содержания концепта. Слоты уточняют и

[1] Ken Robinson’s lectures // https://www.ted.com/speakers/sir_ken_robinson (дата обращения: 24.03.2023)

[2] Teaching with Salman Khan // http://www.youtube.com/watch?v=hmZyWL-_MZc (дата обращения: 24.03.2023); Using Technology to Rethink How We Teach and Learn // http://www.youtube.com/watch?v=HDpyEwfMqPA (дата обращения: 24.03.2023)

наполняют содержание фрейма примерами, включая конкретизацию в его значение. На данной точке зрения мы основываем наше мнение о природе фрейма, и нам представляется справедливым рассмотрение его как формы обыденного знания об основных концептах. Это делает фреймо-слотовый анализ исследованием структурированной формы концепта. На данном факте мы основываем наш выбор в пользу фреймо-слотового анализа как наиболее подходящего для нашего исследования.

Методика фреймо-слотового анализа заключается в том, что на основе когнитивного анализа содержательной составляющей лексической единицы моделируется фреймовая структура той или иной когнитивной модели. Сам процесс работы состоит из нескольких этапов. Первым после сбора материала является этап систематизации материала по фреймам и создание фреймовой организации лексических единиц, выделенных в качестве релевантных. Далее – выделение в данных фреймах слотов – языковой номинации фреймов – и их изучение. На последнем этапе анализа проводится сопоставление систем английской и русской концептосфер, выделение сходств, различий и особенностей.

Помимо фреймо-слотового анализа, в работе с материалом мы использовали методы контекстуального анализа при работе со словарными статьями и сопоставительного анализа при сравнении полученных результатов для русской и английской лингвокультур. Данные разновидности методов кажутся нам наиболее подходящими для работы с концептами.

Описание проведенного анализа и полученные результаты

В данной работе концепт получения знаний и процесса обучения рассматривается как когнитивная модель, образованная иерархическими фреймо-слотовыми структурами в англоязычных и русских лекциях, реализованными единицами соответствующих языков. Поскольку мы рассматриваем репрезентацию концепта «Учение» в языке и в речи, перед тем, как перейти к анализу речевой репрезентации, мы провели концептуальный анализ словарных статей «учить/учиться» и «learn/learning».

Для общего анализа и выделения ключевых понятий слова «учить(ся)» были использованы фундаментальные словари русского языка таких авторов, как В.И. Даль, Д.Н. Ушаков и Т.Ф. Ефремова. На основе словарных статей были выделены следующие особенности.

Согласно статьям, главными результатами процесса обучения являются знания и умения в равной степени. Во всех определениях присутствует фигура учителя, который не только руководит процессом усвоения знаний, но и оказывает влияние на формирование личности ученика. Это подтверждается определениями слова «ученик», которое включает в себя такое значение как учащийся под чьим-либо руководством. Во всех определениях также имеется прямое значение «учить» как преподавать в школе/университете. Понятие учения как овладения знаниями неразрывно связано с получением опыта и развитием нравственной стороны личности обучаемого. 15 % ключевых определений исследуемого понятия содержали такие значения, как «обучать», «давать знания», а не только брать их.

Анализ словарных статей для слова «Learn(ing)», найденных в таких англо-английских словарях, как Longman English Dictionary, Oxford Advanced Learner’s Dictionary и Macmillan English Dictionary, выявил следующие особенности.

В первую очередь, мы наблюдаем меньший разброс значений исследуемого понятия, так в сопоставлении с 9 ключевыми понятиями в русскоязычных словарях, в англоязычных их всего 4. Во-вторых, если в русскоязычных словарях прослеживается духовно-нравственная наполненность понятия «учение/учить», то в англоязычных словарях акцент сделан на прагматическую сторону обучения. Так, процесс «to learn» — это овладение информацией, необязательно полученной посредством обучения в специализированных учреждениях, что приравнивает значение данного слова к «узнавать». Как и в русских словарных статьях, понятие «to learn/ learning» также включает в себя и приобретение навыков, с особым акцентированием внимания на эмпиричности путей получения знаний и умений. Отличительной чертой англоязычных словарных статей является отсутствие понятия «учить/обучать»: данная черта предоставлена только в пассивной форме (to be

taught). Это подтверждается также отсутствием в словарных статьях фигуры учителя.

Следующим этапом исследования было выявление особенностей состава концепта «Учение» в русском и англоязычном педагогическом дискурсе с помощью метода фреймо-слотового анализа.

В когнитивной модели понятия «Учение», выраженной в проанализированных лекциях и статьях, мы выделили 7 фреймов, два из которых национально-обусловлены (фреймы 5 и 6): 1) Современное образование, 2) Современный ученик, 3) Результат образования, 4)Учитель, 5) «Советское – значит отличное», 6) Отношения между учителем и учеником, 7) Знание.

Первый фрейм «Современное образование» представлен 273 единицами (28%), сформировавшими семь слотов: Ошибки (слабые звенья, неверные ориентиры), Массовость (массовый бакалавриат, конвейер), Централизованность (стандартный, инициатива сверху), Обесценивание (не нужны, малое использование новых возможностей), Финансовая ориентированность (рыночные категории, индустриализация), Тяжёлое положение (перегруженность, уровень падает), «Не всё ещё потеряно» (обновление, потенциал). По большей части, и В.И. Загвязинский, и С.Г. Тер-Минасова говорят о глубоком кризисе современного образования в России, связанном с процессом капитализации и перехода общества на рыночную экономику, которая оказала разрушающее действие на устоявшуюся в течение столетий образовательную модель.

Второй фрейм «Современный ученик» включает в себя 165 лексических единиц (17%) и разбит на 4 слота: Продукт нового общества (постсоветская действительность, информирован), Свободная личность (уверен в себе, свобода, выбор), Моральная и интеллектуальная недоразвитость (не могут думать, хамство), Массовый ученик (превышение прав, падение интереса). В них отмечается, что, несмотря на приобретённые благодаря современным технологиям навыки и черты характера (свобода, информированность), современный ученик проигрывает в сформированности моральных, нравственных качествах своим сверстникам советского времени.

Третий фрейм «Результат образования» представлен 156 лексическими единицами (16%) и разбит на 2 слота: Цели (внимание к человеку, движение, революция) и Продукт (личность, гражданин, человек культуры). Содержание данного фрейма подытоживает проблемы образования, предлагая подходы для решения проблем, и недостатки современного ученика как продукта дисфункционального образования. Тем самым сделан упор на необходимость развития нравственной стороны школьника и студента, развитие его творческого потенциала.

Четвёртый фрейм «Учитель» включает 146 единиц (15%) и представлен 3 слотами: «Клиент всегда прав» (зарплата, принцип рыночной экономики), Идеология (иная идеология, советский, урокодатель, формализм), Дезориентация (неуверенность, недостаточно информирован, перегрузка формальными документами). Преподаватель выступает в качестве продукта советской эпохи, не адаптированного под нового студента. Процесс обучения оказывается направлен на учителя, а не ученика; сам же учитель потерян в море информации, в котором сложно ориентироваться без специальных знаний современных технологий обработки и хранения информации.

Пятый фрейм «Советское – значит отличное» назван цитатой С.Г. Тер-Минасовой. Он является национальным (не имеет аналога в английской концептосфере) и выражает реакцию общества на возникший кризис образования, о котором говорилось выше. Фрейм представлен 97 лексическими единицами (10%), разбитыми на 3 слота: Ценность старой школы (фундаментальный, доскональность), Изоляционный характер (полная изоляция, односторонняя методика преподавания), Развитие личных качеств (изобретательность, оригинальность, преданность делу, перфекционизм). В резком контрасте с предыдущим фреймом «Современное образование» звучит ретроспективное и ностальгическое отношение русских учёных к образованию советского периода – несмотря на то, что многие методы того периода расцениваются ныне как устаревшие, в сравнении с сегодняшним хаосом они кажутся более эффективными.

Шестой фрейм «Отношение между учителем и учеником» встречается только в русских текстах, состоит из 88 единиц (9%) и разбит на 3 слота: Конфликт (конфликт культур), Дистанция (уменьшается, нехарактерно, неформальное общение), Учитель уступает ученику (в информационной подкованности). Данный фрейм показывает, что наиболее релевантными аспектами в существующей российской действительности является возникшее неравенство между учителем и учеником, причём неравенство зачастую в пользу ученика, нежели учителя, что создаёт дисбаланс.

Седьмой, последний фрейм «Знание» состоит из 48 лексических единиц (5%), формирующих два слота: Устаревшее (пресловутое, костное) и Мультимедийное (сокровища интернета, мультимедиа). Данный фрейм показывает, что знания меняют свой характер вследствие влияния на них технологий, адаптации под них.

Материалом для выявления когнитивной модели понятия «Learning», выраженной в речи, послужили видеолекции следующих специалистов: Тони Вагнер, профессор Гарвардского университета, участник экспериментальной школы Think Global School и серия его лекций по теме «Creating innovators»; Сэлман Кан, создатель крупнейшей бесплатной базы знаний от начального до профессионального уровня Khan Academy с серией видеолекций по теме «Teaching with Salman Khan»; Кен Робинсон, профессор Университета Варвик, автор многочисленных трудов, международный консультант по вопросам образования с лекциями «Ken Robinson about schools».

В результате анализа данного материала мы выделили 7 фреймов, 2 из которых национально специфичны (фреймы 2 и 5): 1) Modern learner, 2) Solutions to existing problems, 3) Modern education, 4) Teacher, 5) Valued traits of personality, 6) Final product of education, 7) Knowledge.

Первый фрейм «Modern learner» составляют 179 единиц (20%), разбитые на 5 слотов: Intrinsic learning (not afraid of making mistakes), Digital native (internet is a tool, connected 24/7), Creativity (self-expression, making a difference), Seek authentic relationships with adults (not to talk down to them, coaching), Still not adapted (not using their skills in school). Фрейм, посвящённый образу

современного ученика, имеет очень позитивную коннотацию. Говорится о том, что сегодня молодые люди проводят большинство времени в интернете, пользуясь им при этом не только как источником информации, но и средством связи между собой, обмена опытом и реализации своих творческих задумок. Однако отмечают, что процесс адаптации сознания к миру высоких технологий до сих пор не завершился, и преподавателю необходимо знать, как привить ученику интерес, как научить его мультизадачности и сохранению концентрации внимания.

Второй фрейм «Solutions to existing problems» составляет 161 единица (18%) и 3 слота: Cultivating intrinsic need for learning (teach to turn information into a question, develop habits of mind), Trial and error (fail often, solve problems), Teach currently needed skills (teamwork, collaboration). Данный фрейм представляет некоторые общие советы и предложения по устранению проблем, выраженных в предыдущем фрейме. Большинство из них указывают на необходимость замены устоявшегося представления об обучении как системе правильных или неправильных ответов на метод проб и ошибок, при котором современный ученик будет развиваться лучше, знания, полученные им, будут глубже.

Третий фрейм «Modern education» представлен 152 лексическими единицами (17%) и состоит из 4 слотов Devaluated (no advantage in knowing, degrees aren’t worth anything), Isolated (emphasis on academic ladder, making students college-ready), Mass production (assembly line, industrialization), Focus on consuming (to listen, to avoid risks). По большому счёту, данный фрейм включает в себя основные проблемы современного американского (и глобального) образования, которые необходимо решить; это и безличность, невнимательность к личности; и неприменимость на практике в реальной жизни теоретического знания, полученного в университете; и сугубо рефлексивная направленность образования – школы и университеты работают не на то, чтобы создавать кадры для будущих профессий, а на то, чтобы создавать людей, способных существовать в ограниченной среде образовательной сферы.

Четвёртый фрейм «Teacher» включает в себя 143 лексические единицы (16%), заключённые в 3 слота:

Innovativeness (outliers, taught differently), Stigmatizing mistakes (mistakes are worst things you can do), Isolation (the most isolated profession in the work world, live in their heads). Среднестатистический преподаватель показан как человек, плохо приспособленный к внешнему миру вследствие изоляционного характера его профессии (большинство преподавателей всю жизнь работают одни), сосредоточенный на знаниях, нежели сознании и осознании. Слот Innovative teachers перечисляет характеристики преподавателей, которым удалось воспитать креативных инноваторов. Среди характеристик указываются нонконформистские методы, уход от традиционной школьной системы в раннем возрасте, отличность от общепринятых норм.

Пятый фрейм «Valued traits of personality» включает в себя 107 единиц (12%) и 2 слота: Habits of the heart (curiosity, be inquisitive, a life-long learner) и Habits of the mind (critical thinking, asking questions). Он описывает личностные и интеллектуальные черты образованного человека, необходимые для «выживания» в современном мире по окончании университета.

Шестой фрейм «Final product of education» включает в себя 80 единиц (9%), разбитых на 3 слота. Эти единицы являются словами-синонимами к основным citizen, innovator, changing the world/making a difference, и являются индикаторами нужды современного мира в нравственно и духовно развитых гражданах, способных и желающих вести мир вперёд.

Седьмой фрейм «Knowledge» состоит из 71 единицы (8%), разбитых на 4 слота: Free (commodity, air), Dynamic (constantly changing), Practical (it’s what you do with your knowledge that matters), General skills (question-asking, problem-solving). Он показывает, что знание стало более доступным, постоянно меняющимся, практически настроенным и заключает в себе не столько фактические, теоретическая знания, сколько определённые навыки, например, работа в команде.

Выводы исследования

Таким образом, исследование выявило 7 фреймов в русских текстах и 7 фреймов в английских; в обеих фреймо-слотовых структурах было найдено по 5 общих фреймов (Современное образование /Modern education; Знание / Knowledge; Учитель / Teacher; Современный ученик / Modern

learner; Результат образования / Final product of education) и 2 культурно-специфических. Для российской культуры это были фреймы «Советское – значит отличное» и «Отношения между учителем и учеником», для англоязычной – “Solutions to existing problems” и “Valued traits of personality”. Российское видение перспектив культуры образования связано с восстановлением сравнительно более высокой эффективности советского образования в воспитании личности, нежели российского. Фрейм «Отношения между учителем и учеником» обусловлен коллективистской природой русской культуры. В англоговорящей культуре мы находим стремление к уходу от индивидуалистского подхода в обучении и переходу к организации грамотной групповой работы.

Исследование показало, что общей проблемой для обеих культур является недостаточное внимание к нравственной стороне развития человека.

Образ преподавателя оказывается разным: российский преподаватель несколько более консервативен, в то время как англоязычный преподаватель представляется как субъект, свободно владеющий современными технологиями. Фигура ученика также различается. Несмотря на то, что и в англоязычной и русской культурах отмечается быстрое усвоение молодёжью информации, их свобода и неотделимость мышления от технологий, в русских лекциях этому была придана более негативная коннотация, нежели в англоязычной.

Определение знания также разнится в представленных материалах. В англоязычных текстах знание – это нечто естественное, неотделимое от человеческой деятельности, нечто необходимое, как воздух. Оно постоянно меняется и в условиях современного мира должно быть практически применимо. В русских же текстах были представлены только знания в академическом смысле. Знания мультимедиа и технологий показаны, в основном, с точки зрения проблем их освоения нашей системой образования.

В итоге, говоря о конечном продукте образовательной системы обе культуры сходятся в одном: это должен быть человек, личность, развитая интеллектуально, нравственно, морально и духовно. В обеих концептосферах можно найти слово

«гражданин/citizen», что подчёркивает важность ценностной составляющей образования как системы, развития способности человека приносить пользу социуму.

Литература

1. Гусева, А. Е. Национально-культурная специфика концепта "Общение" (на материале английской и русской концептосфер) / А. Е. Гусева, Л. Г. Мальцева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 4(36). – С. 16-30.
2. Дубровская, О. Г. Моделирование социокультурных характеристик: социокультурная организация дискурса / О. Г. Дубровская // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка: Материалы международной научной конференции, Москва, 05–06 апреля 2022 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 69-72.
3. Загвязинский В.И. О сочетании алгоритмизации и творчества в исследовательских и практико-ориентированных педагогических технологиях / В. И. Загвязинский // Актуальные вопросы современной науки: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Центр профессионального менеджмента "Академия Бизнеса", 2020. – С. 38-41
4. Загвязинский В.И. О ценностно-ориентационных основаниях образовательной системы страны / В. И. Загвязинский // Образование и наука. – 2016. – № 6(135). – С. 11-22
5. Загвязинский В.И. О ценностных ориентирах современного профессионально-педагогического образования / В. И. Загвязинский // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 21-й Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 25–26 мая 2016 года / под науч. ред. Е.М.Дорожкина, В.А. Федорова. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2016. – С. 28-31
6. Загвязинский В.И. Целевые ориентиры реформирования российского образования / В.И. Загвязинский // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2013. – № 9. – С. 7-16
7. Сюй, И. Концепты КИСЛЫЙ / SOUR / 酸 в русской, английской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект / И. Сюй //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 3. – С. 100-106.
8. Тер-Минасова С. Г. Иноязычное образование в современной России. Что делать? / С. Г. Тер-Минасова // Языки и культуры в глобальном образовательном пространстве: Тезисы I Международной научно-практической конференции, Москва, 07–08 октября 2021 года. – Москва: Некоммерческое партнерство "Национальное общество прикладной лингвистики", 2021. – С. 25-26
9. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков и культур в современной России. Проблемы и пути их решения / С. Г. Тер-Минасова // Язык и культура: Сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, 16–18 октября 2018 года / Ответственный редактор С.К.Гураль. Том Часть 1. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. – С. 3-11
10. Тер-Минасова С.Г. Ученики не хотят, а учителя не могут жить по-старому. Кто виноват? Что делать? //Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в свете современной образовательной парадигмы : сб. ст. междунар. науч.-метод. конф.. - Тюмень, 2012. - С. 7-15.
11. Тер-Минасова С.Г. Учитель, ученик, учебник в современной России / С.Г. Тер-Минасова // Учитель, ученик, учебник: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 мая 2016 года / Ответственный редактор: И.Л. Лебедева. Том 1. – Москва: ООО "Издательский дом КДУ", 2016. – С. 14-23
12. Чеснокова, О. С. Концепт "Стыд" в русской и испанской лингвокультурах / О. С. Чеснокова, М. Д. Роберто // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 2(34). – С. 24-47.

References

1. Guseva, A. Ye. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta "Obshcheniye" (na materiale angliyskoy i russkoy kontseptosfer) / A. Ye. Guseva, L. G. Mal'tseva // Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. – 2021. – № 4(36). – S. 16-30.
2. Dubrovskaya, O. G. Modelirovaniye sotsiokul'turnykh kharakteristik: sotsiokul'turnaya organizatsiya diskursa / O. G. Dubrovskaya // Integrativnyye i kross-kul'turnyye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka : Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 05–06 aprelya 2022 goda. – Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2022. – S. 69-72.2.

3. Zagvyazinskiy V.I. O sochetanii algoritmizatsii i tvorchestva v issledovatel'skikh i praktiko-oriyentirovannykh pedagogicheskikh tekhnologiyakh / V. I. Zagvyazinskiy // Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 26 noyabrya 2020 goda. – Saratov: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Tsentr professional'nogo menedzhmenta "Akademiya Biznesa", 2020. – S. 38-41
4. Zagvyazinskiy V.I. O tsennostno-oriyentatsionnykh osnovaniyakh obrazovatel'noy sistemy strany / V. I. Zagvyazinskiy // Obrazovaniye i nauka. – 2016. – № 6(135). – S. 11-22. – DOI 10.17853/1994-5639-2016-6-11-22.
5. Zagvyazinskiy V.I. O tsennostnykh oriyentirakh sovremennogo professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya / V. I. Zagvyazinskiy // Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii: materialy 21-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 25–26 maya 2016 goda / pod nauch. red. Ye.M.Dorozhkina, V.A. Fedorova. – Yekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 2016. – S. 28-31
6. Zagvyazinskiy V.I. Tselevyye oriyentiry reformirovaniya rossiyskogo obrazovaniya / V.I. Zagvyazinskiy // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates. – 2013. – № 9. – S. 7-16
7. Syuy, I. Kontsepty KISLYY / SOUR / suān v russkoy, angliyskoy i kitayskoy lingvokul'turakh: sopostavitel'nyy aspekt / I. Syuy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2020. – № 3. – S. 100-106
8. 10. Ter-Minasova S. G. Inoyazychnoye obrazovaniye v sovremennoy Rossii. Chto delat'? / S. G. Ter-Minasova // YAzyki i kul'tury v global'nom obrazovatel'nom prostranstve: Tezisy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 07–08 oktyabrya 2021 goda. – Moskva: Nekommercheskoye partnerstvo "Natsional'noye obshchestvo prikladnoy lingvistiki", 2021. – S. 25-26
9. Ter-Minasova S.G. Ucheniki ne khotyat, a uchitelya ne mogut zhit' po-staromu. Kto vinovat? Chto delat'? //Aktual'nyye problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov v svete sovremennoy obrazovatel'noy paradigmy : sb. st. mezhdunar. nauch.-metod. konf.. - Tyumen', 2012. - S. 7-15.
10. Ter-Minasova S.G. Prepodavaniye inostrannykh yazykov i kul'tur v sovremennoy Rossii. Problemy i puti ikh resheniya / S. G. Ter-Minasova

// YAzyk i kul'tura: Sbornik statey XXIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Tomsk, 16–18 oktyabrya 2018 goda / Otvetstvennyy redaktor S.K.Gural'. Tom Chast' 1. – Tomsk: Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 3-11

11. Ter-Minasova S.G. Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoy Rossii / S.G. Ter-Minasova // Uchitel', uchenik, uchebnik: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 26–27 maya 2016 goda / Otvetstvennyy redaktor: I.L. Lebedeva. Tom 1. – Moskva: OOO "Izdatel'skiy dom KDU", 2016. – S. 14-23
12. Chesnokova, O. S. Kontsept "Styd" v russkoy i ispanskoy lingvokul'turakh / O. S. Chesnokova, M. D. Roberto // Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. – 2021. – № 2(34). – S. 24-47.

Статья поступила в редакцию 09.09.2023
Статья одобрена после рецензирования 20.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 811.111

Осипова Ольга Сергеевна
Olga Osipova

Комическое в американском политическом медиадискурсе: лингвокультурологический аспект

The Comic in the American Political Media Discourse: Linguocultural Perspective

Аннотация. *В настоящее время особый исследовательский интерес представляет функционирование комического в рамках политического медиадискурса, где средствами массовой информации осуществляется формирование и корректировка общественно-политических взглядов граждан. В реализации комического эффекта могут участвовать национально-специфические языковые единицы, которые требуют особых фоновых знаний и интерпретации. Вместе с тем, такие единицы ещё не служили объектом специального исследования на материале американского медиадискурса, что и обусловливает актуальность данного исследования. Целью данной работы является установление видов, стилистического потенциала и функций национально-специфических единиц, используемых для создания комических образов политиков в американском медиадискурсе. Новизна работы определяется тем, что в нём впервые рассматривается вербализация комического в современном американском политическом медиадискурсе в рамках линвокультурологического аспекта. Материалом исследования послужили современные электронные версии статей политической тематики американских новостных изданий, таких как The New York Times, The USA Today, The US News и The Washington Post, отобранные методом сплошной выборки. В ходе исследования применялись общенаучные и универсальные, а также лингвистические методы научного познания. Анализ эмпирического материала позволил выявить национальную специфику языковых единиц, участвующих в создании комического эффекта и свойственных американскому политическому медиадискурсу. Нами были выделены две группы примеров в зависимости от сложности интерпретации культурно-обусловленных единиц. В первой группе были выделены те национально-специфические языковые единицы, для интерпретации которых от реципиента, не являющегося представителем американского общества, достаточно наличия общих экстралингвистических знаний, что облегчает интерпретацию комического. Вторая группа примеров содержит специфическую культурно-обусловленную лексику, создающую сложности не только для восприятия комического с участием этих единиц, но и для декодирования значения самих языковых единиц представителем другой культуры.*

Abstract. *The purpose of this work is to establish the types, stylistic potential and functions of national-specific units used to create comic images of politicians in the American media discourse. The research material represents modern electronic versions of articles on political topics of such American news publications, as The New York Times, The USA Today, The US News and The Washington Post. In the course of the study, general scientific and universal, as well as linguistic methods of scientific cognition were used. The analysis of the*

empirical material revealed the national specifics of the linguistic units involved in creating a comic effect which are typical for the American political media discourse. We have identified two groups of examples depending on the complexity of the interpretation of culturally conditioned units. In the first group, those national-specific linguistic units were identified, for the interpretation of which from a recipient who is not a representative of American society, the presence of general extralinguistic knowledge is sufficient, which facilitates the interpretation of the comic effect. The second group of examples contains a specific culturally conditioned vocabulary that creates difficulties not only for the perception of the comic linguistic units, but also for decoding the meaning of the language units themselves by a representative of another culture.

Ключевые слова: *политический медиадискурс, комическое, национально-специфические единицы, политическая модализация, образ политика, дискредитация*

Keywords: *political media discourse, comic, national-specific units, political mobilization, the image of a politician, discrediting*

Введение

В последнее время проблематика комического активизируется с новой силой в связи с формированием междисциплинарных научных направлений и возможностью комплексного или многоаспектного изучения данного феномена [Стоянова, 2022: 254].Так, комическое может рассматриваться как с позиций эстетики и философии, психологии и социологии, так и с лингвистической и культурологической точки зрения [Осипова, 2020: 109]. Объектом нашего внимания является комическое как лингвокультурологический феномен.

Человек постоянно находится в «самоотнесении» себя к той или иной группе, а также наделяет теми или иными характеристиками других членов общества, что также проявляется и в сфере юмора [Тюкина, 2023: 80]. Поскольку коллективное представление о смешном варьируется в различных культурах, мы предполагаем, что в американской языковой картине мира присутствуют национально-обусловленные комические языковые единицы. Данное предположение обусловлено тем, что американское национальное сознание характеризуется такими чертами, как индивидуальная автономия, уникальность и уверенность в себе [Yi Cao, Yubo Hou, Zhiwen Dong, Li-Jun Ji, 2023: 208]. Следовательно, для адекватного понимания культурно-маркированного комического необходимо быть так или иначе причастным к американской культуре, в противном случае

национально-специфические языковые единицы будут создавать сложности для их декодирования носителем иной культуры.

Комическое тесно вплетено в политической дискурс, который так или иначе присутствует в жизни любого общества, будь то дискурс самих политических деятелей, или опосредованная политическая коммуникация, реализуемая средствами массовой информации, иными словами – политический медиадискурс. Неотъемлемым свойством данного дискурса выступает политическая модализация, предполагающая конструирование и реконструирование политической реальности [Posternyak, Boeva-Omelechko, 2018: 1], включая образы государств и политиков.

Усиливающееся воздействие массового сознания на политическую власть, а также вертикальные отношения, сложившиеся между правящим классом и неэлитарным населением, потребовали применения нестандартных средств взаимодействия, одним из которых стало использование эффекта комического [Винник, 2021: 3]. Это говорит о том, что частью политического медиадискурса являются не только серьёзные, но и комичные языковые проявления, нацеленные на достижение определённого результата. Следовательно, актуальность данной работы обусловлена необходимостью в расширении понимания комического в рамках лингвокультурологии в её неразрывной связи с современным американским политическим медиадискурсом.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы учёных, затрагивающих национально-обусловленную специфику языка, а именно данный аспект отражен в исследованиях С. С. Дмитриевой [Дмитриева, 2021], Е. В. Власовой [Власова, 2021], А. А. Лебедевой [Лебедева, 2021], Е. И. Мадинян [Мадинян, 2022], Е. А. Севериной [Северина, 2021], U. Beysembaeva [Beysembaeva], M. Mikhailovskaia [Mikhailovskaia, 2022], R. I. Proklov [Proklov, 2020], BSD de Sousa [Sousa, 2022] и др.

Цель исследования данной работы является установление видов, стилистического потенциала и функций национально-специфических единиц, используемых для создания комических образов политиков в американском медиадискурсе.

Объектом исследования выступают национально-специфические единицы, участвующие в создании комического эффекта в американском политическом медиадискурсе. Предметом исследования являются виды, функции и стилистический потенциал данных единиц.

Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили современные электронные статьи политической тематики американских новостных изданий, таких как The New York Times, The USA Today, The US News и The Washington Post, отобранные методом сплошной выборки. Критерием отбора статей являлось наличие национально-культурной специфики языковых единиц.

Исследование проводилось с применением общенаучных и универсальных (гипотетико-дедуктивного, сравнительно-сопоставительного, индуктивно-дедуктивного) методов научного познания, а также лингвистических (контекстологический, описательный, лингвостилистический, лингвокультурологический и критический дискурс-анализ).

Исследование и его результаты

Эмпирический материал показал, что для американского политического медиадискурса типично использование культурно-маркированных языковых единиц, которые служат источником комического эффекта. Так, нами были выделены группы примеров, содержащие национально-окрашенные языковые единицы, а именно: вымышленные персонажи и животные (*Ghost of Christmas Past, orange puffer clown fish*), имена политиков (*Bill, Hillary, Ted Cruz*), медийные персоны (*Shaquille O'Neal, Antoine Walker, Steph Curry, Dr. Demento*), а такие примеры, содержащие географические реалии (*Borscht belt*), упоминание серийного убийцы (*Zodiac killer*), аллюзии на цитаты (*Play it again, Sam; Make Nintendo Great Again;*), игровую индустрию (*Trumptendo*) и национальные праздники (*Trick or Trump?; Trumpkin*).

Далее рассмотрим участие приведённых выше языковых единиц в создании комического эффекта. Мы разделили примеры на две группы, где в первой представлены примеры, предполагающие наличие общих экстралингвистический знаний и, тем самым, облегчающие интерпретацию комического

эффекта реципиентом; вторая группа, наоборот, представляет собой примеры, содержащие национально-специфические языковые средства, которые могут быть с легкостью проинтерпретированы только представителем американского общества. В интерпретации комического на уровне предложения или текста в таких примерах важную роль играет контекст и углубленные экстралингвистические знания адресата.

Языковые единицы, требующие общих экстралингвистических знаний от адресата

1) In Trumptendo*, which promises to "****Make Nintendo Great Again,****" the player can box his or her way through "****Donald Trump's Punch Out!!****" to reach the "Dream Fight" against not* ***Mike Tyson*** *– as in the original "Punch Out" – but a ready-to-rumble Trump.* [1]

Источником комического в данном примере является окказионализм *Trumptendo*, созданный из слов *Trump* и *Nintendo* (всемирно-известная игровая приставка) путём контаминации. Автор шутливо обыгрывает лозунг президентской кампании Д. Трампа *«Make Nintendo Great Again»* заменяя слово *America* игровой приставкой, и описывает игру, в которой любой желающий может побить действующего на момент публикации статьи президента США (в оригинальной версии игры игроки должны одержать победу над американским боксёром Майком Тайсоном). В данном примере чётко прослеживается намерение журналиста показать крайнюю степень общественной нелюбви к Д. Трампу и скрыто сравнить его с «игрушкой». Правильная интерпретация комического не носителем американской обусловлена всемирной популярностью компании Nintendo, боксёра Майка Тайсона, а также политического лозунга, повсеместно освещаемого мировыми СМИ во время президентской гонки.

2) ***Bill was radiactive*** *in the midterms and* ***Hillary was the Ghost of Christmas Past****.* [2]

---

[1] The US News [Электронный ресурс]. URL: https://www.usnews.com/news/articles/2016-05-17/trumptendo-casts-donald-trump-as-the-villain-in-classic-nintendo-games (дата обращения: 22.02.2023)

[2] The New York Times [Электронный ресурс]. URL:https://www.nytimes.com/2018/12/01/opinion/sunday/hillary-bill-clinton-tour.html (дата обращения: 23.02.2023)

В приведённом примере присутствуют, как и общеизвестная аллюзия на произведение Ч. Диккенса, так и сочетание *«Bill was radiactive»*, требующее экстралингвистических знаний от адресата. Лексема-метафора употребляется по отношению к Б. Клинтону, который таким образом изображается опасным для людей. Поводом для употребления такой метафоры послужила статья из The New York Times «*No One Wants to Campaign With Bill Clinton Anymore*», на которую ссылается автор настоящей статьи. В статье говорится о несостоятельности Б. Клинтона принимать личные и политические решения («*Just days before the midterm elections, Mr. Clinton finds himself in a kind of political purgatory, unable to overcome past personal and policy choices now considered anathema within the rising liberal wing of his party.* Комический эффект создается благодаря введению в контекст и Х. Клинтон, которую именуют «призраком прошлого Рождества» с отсылкой на произведение Ч. Диккенса «Рождественская история». Аллюзия употребляется журналистом для того, чтобы намекнуть на неспособность Х. Клинтон достойно участвовать в предвыборной политической кампании 2018 года. Данная аллюзия подчеркивает былую славу политика и её несостоятельность на настоящее время.

3) *After losing to* ***an orange puffer clown fish*** *who will go down as one of the most destructive forces in American history and flushing the Obama legacy down the drain, that's delusional.* [1]

В данном случае мы наблюдаем приём манипуляции номинациями, предполагающий, что объекты именуются с помощью лексем, в значениях которых совмещены предметность и оценочность [Боева-Омелечко Н.Б., 2018:15]. Целью журналистов в данном высказывании стало высмеивание нелепого внешнего вида Д. Трампа. Комический эффект создается за счёт употребления номинации «оранжевая рыба-клоун фугу» относительно Д.Трампа. Эта номинация является аллюзией на популярный американский мультипликационный

[1] The New York Times [Электронный ресурс]. URL:https://www.nytimes.com/2018/12/01/opinion/sunday/hillary-bill-clinton-tour.html (дата обращения: 23.02.2023)

фильм «В поисках Немо», где одним из главных героев является оранжевая рыба. По всей видимости, Д. Трампу были приписаны свойства данной рыбы за счёт внешнего сходства: политик неоднократно появлялся на людях с чересчур загорелым лицом желто-оранжевого оттенка (видимо, он перестарался с автозагаром). Интернет изобиловал фотографиями, мемами и карикатурами, высмеивающими «автозагар» Д. Трампа, поэтому комический эффект может быть интерпретирован без особых затруднений.

4) ***The 'Trumpkin'*** *Is Lighting Up Halloween.* ***Trick or Trump? Inside every pumpkin is a Donald Trump waiting to be carved out***.[1]

Вышеприведённое высказывание мы отнесли к первой группе примеров по причине всемирной известности праздника Хэллоуин, корни которого восходят к традициям древних кельтов, однако данный праздник прочно закрепился в культуре США. Авторский окказионализм *Trumpkin*, созданный путём контаминации единиц *Pumpkin* и *Trump,* представляет собой скрытое сравнение Д. Трампа с праздничной тыквой на Хэллоуин, на которой традиционно принято вырезать причудливые гримасы. Причиной именно такого сравнения является внешнее сходство цвета лица политика и цвета тыквы. Известная хеллоуинская фраза *Trick or Treat,* которая переводится как «сладость или гадость» обыгрывается в статье с помощью алогизма *Trick or Trump*: вместо угощения предлагается политик. В итоге, празднующим предлагается выбрать между «гадостью» и Д. Трампом. Утверждение *«Inside every pumpkin is a Donald Trump waiting to be carved out*» позволило журналисту представить действующего на тот момент президента США в уничижительном свете за счёт сравнения его с изрезанной тыквой.

Языковые единицы, требующие углублённых экстралингвистических знаний от адресата

[1] The US News [Электронный ресурс]. URL: https://www.usnews.com/news/national-news/articles/2016-10-13/donald-trump-trumpkin-pumpkins-carve-out-halloween-niche (дата обращения: 01.03.2023)

5) ***Trump looks and sounds like a traditional Borscht Belt comic***. [1]

В данном примере журналисты используют географическое наименование, знакомое только американцам. *Borscht belt* (Борщовый пояс) – это ныне заброшенная курортная область США, прославившаяся комедиантами, жонглёрами, водевильными актерами. Журналист, желая рассмешить аудиторию, сравнивает президента Америки с комедиантом из этой области, таким образом дискредитируя его.

6) ***Hillary Clinton's mid-debate shimmy sure was something.*** *Let's break it down: First, Clinton inhales deeply and exhales. Then she smiles and scans the audience before closing her eyes and shaking her shoulders as many as 10 times. As many have suggested,* ***Clinton seemed to draw obvious inspiration from Shaquille O'Neal and this cat.*** *Or perhaps* ***Clinton found her muse in another former NBA star,*** *Antoine Walker****.*** *We guess* ***it could have been Steph Curry***. [2]

В этом отрывке журналисты используют аллюзию на известные в американской среде интернет-мемы. Они упоминают распространившийся в СМИ эпизод президентских дебатов, где Х. Клинтон в ответ на обвинение Д. Трампа начала трясти плечами в манере, напоминающей танец. Журналисты сравнили это телодвижение с традиционным для американских индейцев танцем «шими». Комический эффект реализуется за счёт уподобления «танца» Х. Клинтон с телодвижениями главных героев известных «GIF-мемов», среди которых: баскетболисты Шакил О'Нил, Антуан Уокер, Стефен Карри, а также «охотящийся» кот. По мнению журналистов, Х. Клинтон вдохновилась именно этими персонажами. Все эти интернет-мемы имели популярность именно в Америке, поэтому представителю другой культуры будет практически невозможно понять, почему политика сравнивают с упомянутыми в статье

---

[1] The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-do-none-of-trumps-jokes-feel-like-jokes/2020/07/03/bdcc053a-bca1-11ea-bdaf-a129f921026f_story.html (дата обращения: 14.03.2023)

[2] The USA Today [Электронный ресурс]. URL: https://www.usatoday.com/story/news/politics/onpolitics/2016/09 /27/hillary-clintons-mid-debate-shoulder-shimmy-sure-something/91152216/ (дата обращения: 16.03.2023)

людьми и даже котом. Конечно, такое описание поведения политика также направлено на подрыв его авторитета и имиджа.

7) *Rather than turn into "Dr. Defeat the Virus," **Trump has become Dr. Demento** trying to distract the public by replaying golden oldies. **Play it again, Sam**.* [1]

Автор высказывания язвительно упрекает Д. Трампа в нежелании заниматься решением самой главной на тот момент проблемы – эпидемии коронавируса и сравнивает президента с Доктором Дементо – американским радиоведущим и коллекционером пластинок. Журналисты намекают на то, что Д. Трамп занимается «проигрыванием золотых пластинок» вместо того, чтобы обратить внимание на более насущные проблемы. Заключительная фраза является аллюзией на популярную цитату из фильма «Касабланка», где одного из героев фильма просят сыграть известную мелодию. Журналисты наделяют ролью Сэма самого политика, которого они иронично подначивают продолжать в том же духе. Комическое в данном примере является сложнодекодируемым, так как нацелено на американского реципиента, знакомого с упомянутой медийной персоной и цитатой.

8) *This November, Texas voters will go to the polls to choose between current United States senator and **possible Zodiac Killer Ted Cruz** or his Democratic challenger, Beto O'Rourke*. [2]

Политик-республиканец Т. Круз, участвующий в выборах на пост сенатора США от штата Техас, именуется журналистами как предполагаемый серийный-убийца по прозвищу «Зодиак». Таким образом, они выставляют Т. Круза в максимально невыгодном свете. Само прозвище «Зодиак» является знаковым для американского общества, так как в 1960-1970х серийный убийца, сам для себя избравший данный псевдоним, приобрёл массовую популярность в печатных СМИ, где он публиковал

---

[1] The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/05/15/if-trump-had-been-charge-during-world-war-ii-this-column-would-be-german/ (дата обращения: 01.04.2023)

[2] The New York Magazine [Электронный ресурс]. URL: https://www.thecut.com/2018/08/texas-gop-tweets-beto-orourke-ted-cruz.html (дата обращения: 03.04.2023)

подсказки для его поимки в газетах. Таким образом, понимание комического напрямую зависит от уже имеющихся у реципиента знаний (в том числе и знания имени самого политика), которые могут отсутствовать у представителей других культур. Комический эффект достигается за счёт абсурдности - видимых причин для сравнения политика с убийцей (который так и не был найден) не существует, однако появившийся в 2015 году интернет-мем стал настолько популярным, что такое прозвище сохранилось до наших дней. Функциональный потенциал комического выражается в дискредитации политика – журналисты представляют его крайне жутким и неприятным человеком.

Заключение

Итак, в ходе проведённого исследования мы выделили национально-специфические языковые единицы, относящиеся к: вымышленным персонажам и животным; именам политиков, медийных персон и серийного убийцы; географическому наименованию; аллюзиям на известные цитаты, праздники, игровую индустрию. Примеры были поделены на две группы, где в первой мы выделили общеизвестные культурно-маркированные единицы, а во второй описали примеры, содержащие национально-специфическую лексику, создающую сложности не только для восприятия комического, но и для декодирования значения самих языковых единиц представителем другой культуры. Следовательно, следует принимать во внимание, что журналисты ожидают от читателя широкой масс-культурной просвещённости, следования новостным трендам, а также наличия специфических знаний.

С точки зрения функционального потенциала языковых единиц, можно утверждать, что они направлены на выполнение дискредитирующей функции по отношению к политикам, а также на создание их комичного образа.

Проанализировав языковые приёмы, создающие комический эффект в отобранных примерах, мы выделили следующие: аллюзия, метафора, сравнение, авторские окказионализмы, образованные с помощью контаминации, манипуляции номинациями.

Литература

1. Боева-Омелечко, Н. Б. Средства политической модализации в современном англоязычном медиадискурсе / Н. Б. Боева-Омелечко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №4 (32). – С. 14-21. – DOI 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-14-21.
2. Винник, Ю. В. Когнитивно-функциональный аспект реализации стратегии комического в политическом газетном дискурсе (на материале французских креолизованных текстов): дисс….канд. филологических наук. Специальность 10.02.19 – Теория языка. Краснодар, 2021. – 158 с.
3. Власова, Е. В. Переоценка в политическом дискурсе (на материале британских и американских газетных статей) / Е. В. Власова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 6. – С. 20-28. – DOI 10.18384/2310-712X-2021-6-20-28.
4. Дмитриева, С. С. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в современном англоязычном политическом медиадискурсе / С. С. Дмитриева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 4(36). – С. 65-76. – EDN IFEVIZ.
5. Лебедева, А. А. Проблемы корректной передачи семантической конфигурации текста на другой язык: роль культурологической компетенции и фоновых знаний при переводе / А. А. Лебедева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 79-88. – DOI 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88.
6. Осипова, О.С. Контраст как основа категории комического (трансдисциплинарный подход) / О. С. Осипова // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №3. – С. 109-120. – DOI 10.18522/2070-1403-2020-80-3-109-120.
7. Стоянова, Е. В. Комический эффект при включении лингвокультурных феноменов в форумных комментариях к медиатекстам / Е. В. Стоянова // Медиалингвистика. 2022. – 9 (3). – С. 254–272. – DOI: 10.21638/spbu22.2022.306.
8. Тюкина, Л. А. Этнический юмор как репрезентация языковой картины мира (на примере немецкоязычного анекдота) / Л. А. Тюкина, В. Н. Бабаян // Вопросы прикладной лингвистики. – 2023. – № 49. – С. 78-98. – EDN NVDOSE.
9. Mikhailovskaia, M. An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: "democracy" / M. Mikhailovskaia // Ученые

записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – No. 4(40). – P. 58-69. – EDN QPZHOF.
10. Beysembaeva, A. U. The code of culture as a reflection of "naive" ideas about the unity in linguoculturology / A. U. Beysembaeva, K. D. Arabaji, I. I. Sofina, Zh. A. Eskazinova // Вопросы прикладной лингвистики. – 2021. – No. 41. – P. 65-85. – DOI 10.25076/vpl.41.04.
11. Proklov, R. I. Negative image formation in Brazilian political discourse / R. I. Proklov // Вопросы прикладной лингвистики. – 2020. – No. 2(38). – P. 94-113. – DOI 10.25076/vpl.38.05.
12. Sousa, B. S. D. Different Perceptions of Humour in Advertising from Different National Cultures / B. S. D. Sousa / Dissertation Plan: Master in Management. – 2022. – P. 114.
13. Cao, Y. The Impact of Culture and Social Distance on Humor Appreciation, Sharing, and Production. / Y. Cao, Y. Hou, Z. Dong, L.Ji // Social Psychological and Personality Science. –2021. – 14:2. – P. 207-217

References

1. Boeva-Omelechko, N.B. Sredstva politicheskoj modalizacii v sovremennom anglojazychnom mediadiskurse [Means of political modalization in the modern English-language media discourse] / N. B. Boeva-Omelechko // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. №. 4 (32) 2018, pp.14-21. DOI 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-14-21 (in Russian).
2. Vinnik, Ju. V. Kognitivno-funkcional'nyj aspekt realizacii strategii komicheskogo v politicheskom gazetnom diskurse (na materiale francuzskih kreolizovannyh tekstov) [Cognitive-functional aspect of the implementation of the comic strategy in political newspaper discourse (based on the material of French creolized texts]: diss…kand. filologicheskih nauk. Special'nost' 10.02.19 – Teorija jazyka. Krasnodar, 2021. – 158 pp. (In Russian).
3. Vlasova, E. V. Pereocenka v politicheskom diskurse (na materiale britanskih i amerikanskih gazetnyh statej) [Reassessment in Political Discourse (based on British and American newspaper articles)] / E. V. Vlasova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics.] № 6. 2021, pp. 20-28 DOI 10.18384/2310-712X-2021-6-20-28 (in Russian).
4. Dmitrieva, S. S. Pragmaticheskij potencial precedentnyh fenomenov v sovremennom anglojazychnom politicheskom mediadiskurse [The pragmatic potential of precedent phenomena in the modern English-

language political media discourse] / S. S. Dmitrieva // Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. № 4(36) 2021, pp. 65-76. EDN IFEVIZ (in Russian).

5. Lebedeva, A. A. Problemy korrektnoj peredachi semanticheskoj konfiguracii teksta na drugoj jazyk: rol' kul'turologicheskoj kompetencii i fonovyh znanij pri perevode [Problems of the correct transfer of the semantic configuration of the text to another language: the role of cultural competence and background knowledge in translation] / A. A. Lebedeva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics.] № 3 2021, pp. 79-88 DOI 10.18384/2310-712X-2021-3-79-88 (in Russian).
6. Osipova, O.S. Kontrast kak osnova kategorii komicheskogo (transdisciplinarnyj podhod) [Contrast as the basis of the category of comic (transdisciplinary approach)] / O. S. Osipova // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanities and social sciences]. № 3 2020, pp. 109-120 DOI 10.18522/2070-1403-2020-80-3-109-120 (in Russian).
7. Stojanova, E. V. Komicheskij jeffekt pri vkljuchenii lingvokul'turnyh fenomenov v forumnyh kommentarijah k mediatekstam [Humorous effect when linguocultural phenomena are included in forum comments to media texts] / E. V. Stojanova // Medialingvistika [Media Linguistics]. 9 (3) 2022, pp. 254–272. DOI: 10.21638/spbu22.2022.306 (in Russian).
8. Tjukina, L. A. Jetnicheskij jumor kak reprezentacija jazykovoj kartiny mira (na primere nemeckojazychnogo anekdota) [Ethnic humor as a representation of the linguistic picture of the world (using the example of a German-language joke)]/ L. A. Tjukina, V. N. Babajan // Voprosy prikladnoj lingvistiki [Questions of applied linguistics]. № 49 2023, pp. 78-98. EDN NVDOSE (in Russian).
9. Mikhailovskaia, M. An ideologically-bound unit as an instrument of semantic manipulation: "democracy" / M. Mikhailovskaia // Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. № 4(40) 2022, pp. 58-69. EDN QPZHOF (in Russian).
10. Beysembaeva, A. U. The code of culture as a reflection of "naive" ideas about the unity in linguoculturology / A. U. Beysembaeva, K. D. Arabaji, I. I. Sofina, Zh. A. Eskazinova // Voprosy prikladnoj lingvistiki [Questions of applied linguistics]. № 2(38) 2020, pp. 94-113. DOI 10.25076/vpl.38.05 (in Russian).
11. Proklov, R. I. Negative image formation in Brazilian political discourse / R. I. Proklov // Voprosy prikladnoj lingvistiki [Questions of applied

linguistics]. №2 (38) 2020, pp. 94-113. DOI 10.25076/vpl.38.05 (in Russian).
12. Sousa, B. S. D. Different Perceptions of Humour in Advertising from Different National Cultures / B. S. D. Sousa / Dissertation Plan: Master in Management. – 2022. – P. 114.
13. Cao, Y. The Impact of Culture and Social Distance on Humor Appreciation, Sharing, and Production. / Y. Cao, Y. Hou, Z. Dong, L.Ji // Social Psychological and Personality Science. –2021. – 14:2. – P. 207-217. DOI 10.1177/19485506211065938

Статья поступила в редакцию 05.10.2023
Статья одобрена после рецензирования 20.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 81-139

Семенова Юлия Владимировна
Yulia Semyonova

Лексический повтор как средство когнитивного развертывания поэтического текста (на примере стихотворения на латышском языке)

Lexical Repetition as a Means of Poetic Text Cognitive Development (On the Example of Latvian Poem)

Аннотация. *В статье поэтический текст рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, с точки зрения ментальной деятельности читателя в процессе восприятия текста. Цель статьи – раскрыть когнитивный потенциал лексического повтора на примере современного поэтического текста на латышском языке. Базируясь на методах структурной лингвистики и работах Р. Якобсона, художественный текст признается сложной системой, которая организована синтагматически и парадигматически, характеризуется неразрывной связью формы и содержания, а также отличается такими специфическими чертами как использование параллелизмов (повторов) и неопределенность значений. С помощью понятия когнитивной стратегии, лексический повтор изучается как средство порождения новых значений в процессе восприятия. На первом этапе исследования устанавливается значимость лексического повтора на основе сопоставления общеязыковых и общепоэтических (образцовых, прототипических) значений со значениями лексемы / слова, актуализированных непосредственным контекстом произведения. Сравниваются количественные (частота употребления, распределение грамматических форм) и качественные (стилистическая принадлежность и лексико-грамматическая сочетаемость) параметры повторяемых лексем. На втором этапе исследования выявляется значение лексического повтора непосредственно в ходе развертывания текста; устанавливается, что новые значения формируются путем семантического сдвига внутри одной повторяемой лексемы. Указывается, что данный семантический сдвиг осуществляется преимущественно в одной грамматической падежной форме; таким образом, выбор определенной грамматической формы для реализации семантического сдвига может быть связан с внутренней семантической подвижностью данной формы, ее местом в грамматической системе языка. Также показано, как вариативность значений повторяемой лексемы в процессе чтения ведет к созданию эффекта неопределенности для читателя.*

Abstract. *The article deals with the poetic text in terms of cognitive linguistics, focusing on readers' mental activity in the process of text perception. The objective is to reveal the cognitive potential of lexical repetition on the example of a modern poetic text in Latvian language. Starting with structural linguistic analysis and R. Jakobson's studies of poetics, literary text is regarded as a complicate system, organized both syntagmatically and paradigmatically, with an indissoluble connection between form and substance, and characterized by essential features such as parallelism (repetitiveness) and ambiguity. With the aid of such concept as cognitive strategy, the lexical repetition is considered as a means of the new meaning formation during the text perception. At the first stage of the study, the significance*

of the repeated unit is revealed on the basis of comparison of its prototypical usage in the common language, general poetic language and in this particular text. Both quantitative (frequency of use and grammatical forms distribution) and qualitative (stylistic affiliation and contextual compatibility) parameters of the repeated lexeme are compared and some key differences are identified. At the second stage of the research, the meaning variation of the repeated lexeme during the text cognitive development is discovered; it has been found that new meanings form through semantical shift in the repeated lexeme. It is also indicated, that semantical shifting takes place predominantly in the particular grammatical form of the repeated lexeme; therefore the choice of the grammatical form for realization of the semantical variation could be determined by its intrinsic semantical flexibility and its place in the language system. The repeated unit's variation of meaning as a cause of ambiguity effect for the reader is traced.

Ключевые слова: *когнитивная поэтика, анализ поэтического текста, функция повтора в поэзии*

Keywords: *cognitive poetics, poetic text analysis, the function of repetition*

Введение

В последние десятилетия, с развитием когнитивистики, проблема лингвистического изучения художественного текста получает обновленную трактовку: фокус исследований смещается со структурных или стилистических особенностей текста – к процессу его восприятия читателем и (вос)создания смыслов в ходе этого восприятия. Именно процесс чтения выдвигается в качестве объекта изучения когнитивной поэтики, науки, выделившейся в рамках когнитивной лингвистики в конце 1990-х годов. При этом сам текст, как продукт речи (дискурса) рассматривается не только как инструмент изучения когнитивных процессов, но и как их воплощение, их неотъемлемая часть. В терминосистему когнитивной поэтики вводится понятие текстуры – «материальности объекта, которая ощутима вместе с передаваемым им содержанием» [Stockwell, 2002: 167]; подчеркивается процессуальный характер этого понятия и его связь с отступлением от нормы как основой стилистического приема [Ревзина, 2020: 140]. В свою очередь, отступление от нормы, языковой (на всех уровнях, от фонетики до синтаксиса и пунктуации) или литературной (на уровне жанра или даже вида литературы), может рассматриваться как одна из базовых смыслообразующих характеристик художественного текста. Отступление от нормы при этом основывается все-таки на норме, то есть на пред-знании читателя о поэтическом тексте, в которое входят не только стандартные языковые структуры, но и знание о целях, форме и содержании различного вида текстов. С

когнитивной точки зрения можно говорить о прототипических структурах, которые задействуются в ходе восприятия художественного текста.

Структуралист М. Риффатер, рассматривая художественный текст с точки зрения структуры речевого акта, отмечал его специфику: дистантность адресата и его неопределенность для отправителя. Для преодоления этой сложности, имея конечной целью понимание высказывания, автору приходится многократно повторять одно и то же [Риффатер, 1980: 72-73]. Речь идет, конечно, не только о линейном повторе, но и структурном, то есть обо всех видах параллелизма в художественном тексте, на важность которого указывал и Р. Якобсон [Якобсон, 1975]. На сегодняшний день продолжается изучение различных видов повтора в художественном тексте; повтор рассматривается как специфический «литературный механизм» [Гальперин 2005; Маклакова 2010]. Текстуальный повтор может быть также рассмотрен и с позиций теории рекурсивности; под рекурсивностью в эпистемологии понимают «повторяющийся характер человеческой деятельности и любого социального феномена как такового, устанавливающий отношения различия с тем, что повторяется» [1]. На данный момент понятие рекурсивности применяется либо к тексту в целом, в его отношении к другим текстам [Мурейко, 2016], либо рассматривается как средство внутритекстовой связности на уровне предложений или групп предложений [Лодатко, 2004]. Вторым следствием специфики художественного текста с точки зрения коммуникации является то, что, не имея возможности непосредственно воздействовать на получателя, автору необходимо постоянно привлекать и удерживать его внимание к говоримому, это делается с помощью нарушения правил и вызываемом им эффекте обманутых ожиданий [Риффатер, 1980: 73]. В переводе на язык когнитивистики данный процесс может быть описан в рамках теории прототипов и теории выдвижения, которую можно сопоставить с понятием гештальта.

[1] Современный философский словарь; под общ. ред. Кемерова В.Е., Керимова Т.Х. М., 2015. С. 559.

В современной лингвистике различают неопределенность (*vagueness*) и неоднозначность (*ambiguity*), см., напр., [Блинова, Белов, 2020]; в рамках данной работы акцент делается на производимом текстом когнитивном эффекте дезориентации читателя, основой которого может выступать и лингвистическая неопределенность, и лингвистическая неоднозначность. Р. Якобсон считал неоднозначность «естественной и существенной особенностью поэзии» [Якобсон, 1975, с. 221]; сегодня лингвистическая многозначность, способы ее актуализации и снятия рассматриваются в связи с лингвокреативностью в различных видах дискурса: поэтическом, политическом, рекламном [Соколова, 2023]. Эффект неопределенности, базирующийся на языковом свойстве многозначности, изучался филологами на уровне слова, предложения и текста; Д. Н. Ахапкин предложил применять к высказываниям, для которых невозможна однозначная атрибуция значения, термин «бистабильность». В этом случае, целью коммуникации (чтения) является не понимание как таковое, а сохранение «неустойчивого равновесия» между двумя или более возможными трактовками, направленность внимание не на смысл, а на игру смыслов [Ахапкин, 2019].

Данная работа посвящена анализу лексического повтора в современном поэтическом тексте на латышском языке, с целью установления его смыслообразующей функции. Под лексическим повтором понимается повтор однокоренных лексем (существительных и глаголов) на протяжении текста. В качестве методов исследования используются структурный анализ художественного текста (Р. Якобсон, М. Риффатер, Ю. М. Лотман), лингвистический анализ художественного текста (В. В. Виноградов, О. Г. Ревзина, И.Р. Гальперин), методы когнитивной поэтики (P. Stockwell[1]), а также общелингвистические методы – сравнительный количественный и сравнительный качественный анализ языковых данных.

Материалы и источники

Материалом исследования послужил поэтический текст на латышском языке – стихотворение современной латышской

[1] Stockwell P., Cognitive poetics: An introduction. London/New York, 2002.

поэтессы Анны Аузини, включенное в ее книгу 2017 года «Annas Pūra Govs» [1]. Анна Аузиня (р. 1975) – автор нескольких поэтических сборников, лауреат поэтических премий, заметная фигура литературного пространства Латвийской республики. Переводы ее стихов на русский язык можно найти в журнале «Рижский альманах» (№1 (6), 2011, Рига); также ее стихотворение в переводе на русский включено в подборку стихов латышских поэтов в журнале «Новое литературное обозрение» (№3, 2019).

Латышский язык – один из двух сохранившихся балтийских языков (наряду с литовским), на котором разговаривает около двух миллионов человек. Это флективный синтетический язык, с относительно свободным порядком слов, с преобладанием исконной лексики. Письменные памятники (алфавит на основе латиницы) – с XVI века. Имеет крайне интересную (в плане сохранения древнейших праиндоевропейских языковых черт) фонологию, например, сохранилось различение по долготе у гласных; заметными чертами также являются дифтонгизация гласных, наличие слогового тона, отсутствие редукции, а также отсутствие противопоставления по твердости / мягкости в консонантизме.

В ходе проведенного анализа использовался ряд отсылок к творчеству латышского поэта и переводчика Яниса Райниса (1865–1929), признанного классика латышской литературы, чьи произведения знакомы всем латышам; их, еще со времен Советской Латвии, изучают в школе и помнят наизусть. Несмотря на то, что поэзия Я. Райниса отличается насыщенностью символами и для его времени признается новаторской, все же, в силу ее «укорененности» в сознании латышской нации, представляется возможным использовать ряд ее характеристик для реконструкции черт поэтического прототипа в сознании латышского читателя. Можно предположить, что и для поэта, пишущего на латышском языке, Я. Райнис является своеобразной прототипической фигурой, включенной в систему поэтических координат, независимо от

[1] Печатается по книге **Anna Auziņa «Annas Pūra Govs».** Rīga: Neputns, 2017.

того, ощущает себя современный автор последователем или «отрицателем» наследия знаменитого предшественника.

Особое внимание, с точки зрения значимости для когнитивного развертывания текста, уделяется одной из форм повторяемой лексемы – родительному падежу существительного. В латышском языке представлены падежи: именительный (И.п.), родительный (Р.п.), дательный (Д.п.), винительный (В.п.), местный, обозначающий место или время (М.п.). Творительный падеж рядом ученых отдельно не выделяется, поскольку для выражения его значений используются формы винительного падежа с предлогом (в единственном числе) и дательного падежа с предлогом (во множественном числе). Также в системе языка присутствует звательная форма, или звательный падеж. Родительный падеж в современном латышском языке «объединил в себе значения древних аблатива и генетива, что обусловило его употребительность и разнообразие семантики» [Сталтмане, 2006: 168]. В частности, распространен препозитивный приименной родительный принадлежности в атрибутивной функции; в этой форме он используется для выражения различных оттенков значений, характеризующих определяемое существительное (приводятся примеры, которые переводятся как «фабричные люди», «березовые листья», «человек долга», «золотое кольцо», «бумажная фабрика», «стакан для чая», «деревянный дом», «книжная полка»). Здесь атрибутивный родительный выступает в функции несогласованного определения, при этом синонимичные относительные прилагательные отсутствуют. Кроме того, выделяется специфическая для латышского языка единица, образованная от существительного путем сложения и префиксации и употребляемое только в форме родительного падежа («безвоздушное пространство», «двухкомнатная квартира») [там же].

Для выявления особенностей использования выделенной лексической единицы в тексте стихотворения, использовалось сравнение с данными Коллекции Корпусов латышского языка[1], позволяющей осуществлять поиск по 27 различным корпусам,

[1] korpuss.lv [Электронный ресурс] URL: https://korpuss.lv/ (дата обращения: 30.10.2023).

включающим 2,3 миллиарда единиц текстов). В частности, был использован Корпус LVK2018 (общий репрезентативный корпус современного латышского языка, снабженный автоматической морфологической маркировкой и включающий аутентичные тексты разных жанров с 1991 года, в том числе: периодические издания (60%), художественная литература (20%), научные тексты (10%), нормативные акты (8%), парламентские стенограммы (2%)) и Корпус Райниса (1,6 млн. словоупотреблений в стихотворениях, переводах, письмах и др. произведениях Я. Райниса).

Результаты исследования

Рассматривая текст в процессе его восприятия, можно отметить, что читатель, соотнося форму данного стихотворения (т.е. общее визуальное восприятие, до прочтения) со своим предзнанием о том, как выглядит типичное стихотворение, безошибочно отнесет данный текст к поэтическому дискурсу. Во-первых, текст написан «короткими неровными строчками» [Гаспаров 2001: 6]; во-вторых, он имеет строфическую структуру, напоминающую сонет (но отличается от классического образца по количеству строк, что, впрочем, не будет замечено рядовым читателем, не имеющим профессиональной подготовки).

Текст предварен заголовком, данном в форме имени существительного в именительном падеже, что тоже выглядит вполне «литературно»; однако, размышляя о видах заголовков к поэтическим текстам, можно заметить, что односложные названия в этом виде дискурса встречаются реже, чем состоящие из нескольких слов. Например, в сборнике стихотворений Я. Райниса[1] – 92 стихотворения, из них 28 не имеют заголовка, из озаглавленных – 32 текста имеют название из одного слова, а название из одного слова – абстрактного существительного – только четыре, причем два из них – в предложном падеже, с предлогом «о», и только два – в именительном («Успех», «Готовность»). Таким образом, реконструируя читательский прототип поэтического латышского текста, можно предположить, что название для него ожидаемо, но скорее оно

[1] Ян Райнис, Лирика. М., 1965.

должно состоять не из одного слова, а из двух и более, а уж если из одного, то предполагается конкретное, а не абстрактное существительное. Показательно, что в книге стихов Анны Аузини (ее творчество можно отнести к экспериментальному направлению современной латышской поэзии) 2017-го года представлено 39 произведений, 24 из этих произведений имеют заголовок, из них из трех и более слов – 4 текста, из двух слов – 3 текста, и односложными названиями снабжены 17 стихотворений. В рассматриваемом стихотворении заголовок представляет собой лексему с наиболее частотным в данном тексте корнем (*mald-*).

Текст разделен на строки, но лишен знаков препинания, т.е. синтаксическое членение в ходе чтения затруднено – еще не читая, на основе первичного зрительного восприятия, читатель может предположить, что для понимания текста следует больше полагаться на интуицию, чем на логику. Отсутствие пунктуации также указывает на повышенный уровень «поэтичности» – в современном прозаическом художественном тексте такой прием встречается гораздо реже.

Обращает на себя внимание заданный названием повтор лексем с корнем *mald-*. Всего в тексте 73 полнознаменательных слова, их них с корнем *mald-* – 23 лексемы, из которых три – глаголы (причем одна из двух представленных глагольных форм омонимична однокоренному существительному в местном падеже – *maldos*). Из 20 существительных половина дана в родительном падеже в атрибутивной функции.

Для прояснения статуса лексем с корнем *mald-* в общеязыковой системе обратимся к словарям. В латышско-русском словаре для слов с корнем *mald-* указаны следующие значения: существительное *maldi* (только мн.ч.) – заблуждение (примеры: *atrasties uz maldu ceļa* – быть на ложном пути; *maldu macība* – ложное учение; *maldu mēness* – ложная луна; *maldu kustības* – *физкультурн.* – обманные движения); существительное *maldīgums* – ошибочность, ложность; прилагательное *maldīgs* – ошибочный, ложный (взгляд, представление); глагол *maldināt* –

вводить в заблуждение; глагол *maldīties* – блуждать, плутать; ошибаться, заблуждаться[1].

Интернет-словарь *tezaurs.lv*[2], созданный Лабораторией искусственного интеллекта на основании 339 источников, включая словари (составленные с 1923 года до нашего времени), энциклопедии (печатные и онлайн) показывает для существительного *maldi* следующие значения:

1. Мнения, суждения, вызванные искаженным пониманием. 1.1 Неточное, неправильное восприятие действительности (обычно органами зрения, слуха); 1.2. Несбывшаяся надежда, мечта; также нереальность.

2. В значении прилагательного, для формы Р.п., мн.ч.: неверный, неправильный (о действии, деятельности). 2.1 тот, кто с трудом ориентируется

3. В значении прилагательного, для формы Р.п. мн.ч.: кажущийся (чем-то), похожий на (о природных явлениях).

Этимологический словарь латышского языка указывает на происхождение существительного *maldi* от глагола *maldināt* (*maldīt*) с исходным значением «делать перемолотым», который, в свою очередь происходит от корня **mel-* – толочь, тереть, бить, молоть. Впоследствии исходный глагол *malt* трансформировался в *maldīt*, значение которого, в зависимости от слоговой интонации, распалось на глаголы а) *maldīt* – со значением «молоть», «вертеться» (и производный *maldināt* в значении «тяжело работать») и б) *maldināt (maldities)* – «ходить туда-сюда, бродить» (по лесу). В форме *maldināt (maldities)* слово закрепилось в современном латышском языке, со значениями «ходить туда-сюда, в том числе в неправильном направлении» (т.е. блуждать, например, по лесу) и связанным с ним производным «обманывать, обманываться» (т.е. придерживаться ложного мировоззрения – мыслей, взглядов). Уже от этого переносного значения происходит существительное со значением «заблуждения» (*maldi*) и соответствующее прилагательное (*maldīgs*)[3]. Этимологически родственным

[1] Latviešu-krievu vārdnica. Rīga, 1985. С. 646.
[2] tezaurs.lv [Электронный ресурс] URL: https://tezaurs.lv/ (дата обращения: 30.10.2023).
[3] K. Karulis, Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 1992. С. 564.

существительному *maldi* является латышское существительное *mēle* – «язык» (орган во рту), а также русские лексемы «молоть» в значении «говорить, пустословить» и «пустомеля».

Для установления «точек бифуркации» читательского восприятия, лексический повтор в художественном тексте может быть рассмотрен с точки зрения его значимости и с точки зрения его значения. Значимость устанавливается на основе количественного и качественного сравнения употребления наиболее частотного (повторяемого) слова (или группы однокоренных слов) данного поэтического текста с данными общеязыкового и «общепоэтического» употребления того же слова. Общеязыковое употребление в данном случае выступает как инвариантное, а отклонения от него расцениваются как специфический признак художественного текста, как отклонение от образца-прототипа.

Количественный анализ проведен путем сопоставления данных соотношения глаголов и существительных, а также форм существительных; качественный анализ учитывает такие параметры как сочетаемость слова и типы текстов (контекстов), что позволяет уточнить стилистические характеристики слова. Далее, для установления значения повтора в данном тексте, необходимо определить, каким образом трансформируется значение повторяющегося слова (группы однокоренных слов) на протяжении текста. Для этого последовательно анализируются формы слова (в данном случае – падежные формы существительного) и выявляется их значение в конкретном узком контексте, во взаимодействии с управляющими или зависимыми словами.

Сравнительный анализ, количественный и качественный, проводился по данным Корпуса LVK2018 (общеупотребительный язык), Корпуса Райниса (традиционный поэтический язык) и рассматриваемого текста. В Корпусе LVK2018 представлены 75 примеров для леммы *malds* (начальная форма существительного *maldi*), из этого количества исключены имена собственные (13 из них относятся к одному художественному произведению, и 1 – из парламентской стенограммы); итого 61 употребление существительных. Рассмотрены соотношение количества употребления глаголов и

существительных, а также отдельно соотношение употребления отдельных форм глаголов и существительных. Данные по глаголам и сравнительные данные представлены в таблице (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1. Сравнение распределения глаголов и существительных в Корпусе латышского языка LVK2018, в Корпусе текстов Я. Райниса и в тексте стихотворения *Maldi* А. Аузини

В тексте представлены	Корпус LVK2018	Корпус Райниса	Текст *Maldi*
Глагол *maldināt* (все формы)	162	19	3
Глагол *maldināt* в форме 1 л. ед.ч (*maldos*)	15 (9,2%)	5 (26,3%)	2 (66,6%)
Глагол *maldināt* в форме 2 л. ед.ч (*maldās*)	23 (14,2%)	8 (42,1%)	1 (33,3%)
Существительное *maldi* (все формы / Р.п.)	61 /10	29/10	21/10
Отношение количества существительных к количеству глаголов (с корнем *mald-*)	61/162 (0,38)	29/19 (1,5)	21/3 (7)

Выявлены следующие особенности употребления слов с корнем *mald-*:

1. В общеупотребительном языке глаголы количественно доминируют над существительными, а в поэтическом языке наблюдается преобладание существительных над глаголами, причем в современном экспериментальном тексте оно достигает максимальной величины: в общеупотребительном языке соотношение глаголов к существительным составляет 0,38, в тексте А. Аузини – 7.

2. Глагол в форме 1 и 2 л. ед. ч. употребляется в общеязыковом корпусе значительно реже (относительно других глагольных форм), в отличие от поэтического языка Я. Райниса и от стихотворения; 23% от общего количества в Корпусе LVK2018, 68,4% – в Корпусе Райниса, в стихотворении – 100%.

3. Различается распределение по употреблению форм существительного *maldi* по падежам (см. *Таблицу 2*). По

этому параметру существенно выделяется форма Р.п., которая в стихотворении составляет 50% от всех именных форм, а в Корпусе LVK2018 и Корпусе Райниса – 13% и 31% соответственно, что позволяет обратиться именно к этой форме, как имеющей особую значимость для данного текста.

Таблица 2. Распределение форм существительного maldi в тексте Maldi, в Корпусе LVK2018 и в Корпусе Райниса

	Текст *Maldi*		Корпус LVK2018		Корпус Райниса	
	Кол-во ед-ц	%	Кол-во ед-ц	%	Кол-во ед-ц	%
Всего (включая заглавие)	20	100	61	100	32	100
N (-i)	2	10	20	32.7	9	28
G (-u)	10	50	8	13.1	10	31
D + Ins (-iem)	0	0	15	24,5	0	0
Ac (-us)	2	10	6	9.8	5	15
Loc (-os)	6	30	15	24.5	5	15

Далее, проведен сравнительный качественный анализ употребления лексем с корнем *mald-*, т.е. рассмотрены стилистические особенности, а именно – жанровый контекст и лексическая сочетаемость. Как уже говорилось, в Корпусе LVK2018 для существительного *maldi* представлен 61 пример (за исключением имен собственных), они относятся к 35 источникам. Из них художественная литература – 17 источников, научная литература – 6 источников (в том числе, книги об истории, религии, социологии, искусстве и один учебник по математике), 10 – периодические издания, 1 – стенограмма парламентского заседания, 1 – перевод книги Е. Блаватской. Преимущественно речь идет об изданиях позже 2000 года. Таким образом, преобладает использование данного существительного в художественном и научном дискурсах, с тенденцией к религиозно-философской тематике.

Что касается синтагматической лексической сочетаемости, она была рассмотрена для существительного *maldi* в атрибутивной функции (Р.п.) и выделены следующие варианты

(главное существительное приводится в той форме, в которой дано в источнике):

а) в Корпусе LVK2018:

maldu sarakstu (список заблуждений, Syllabus Errorum) / ~ *spogulis* (зеркало) / ~ *esamību* (существование) / ~ *neesamību* (несуществование) / ~ *virkni* (ряд заблуждений) / ~ *ceļiem* (путями) / monetārisko maldu gūstā (в плену монетаристских заблуждений) / ~ *efekti* (эффекты) / ~ *varbūtības* (вероятности) / ~ *stereotipu* (стереотипа);

б) в Корпусе Райниса:

maldu gariņš (дух) / *ceļi* (пути - 4 примера) / *zvaigzne* (звезда) / *loks* (круг, круговорот заблуждений) / *liesmas* (пламени, огней).

Установлено, что главное слово, управляющее существительным *maldi* в атрибутивной функции семантически относятся к разряду абстрактных (существование, эффект, дух, стереотип), либо к разряду конкретных в переносном, абстрактном значении (путь – в значении «жизненный путь», зеркало – здесь: в значении «кривое зеркало», пламя – в значении «огни заблуждений» (в глазах)). В целом, прослеживается языковая тенденция к использованию атрибутирующего существительного *maldi* в «возвышенных», не бытовых контекстах, в сочетании с абстрактной лексикой.

Совершенно иная картина наблюдается в исследуемом тексте. В нем с помощью конкретных существительных описываются повседневные бытовые действия. Существительное *maldi* (*maldu* – Р.п.) выполняет роль препозитивного определения к следующим существительным: туман, (глазированные) сырки, пирожки, гостиницы, подушечки, (про)чтения, объяснения, оскорбления, недоразумения, заплатки, (дорожные) знаки. В именительном падеже, помимо названия, существительное употреблено только один раз, в контексте «потоками заблуждения текут по моим щекам», т.е. в значении «слезы» (т.е. конкретного существительного).

В сочетании с конкретными существительными, атрибутирующее существительное само приобретает более конкретное, вещественное значение, которое в общеязыковом употреблении данной лексемы отсутствует. Эта трансформация,

сдвиг лексического значения происходит преимущественно в форме родительного падежа, многозначность которого в латышском языке, на наш взгляд, и делает возможным и во многом обуславливает этот сдвиг. Учитывая, что текст воспринимается в процессе чтения в первую очередь линейно, следует рассмотреть последовательность лексических повторов и возможных изменений значения слов с корнем *mald-* (поскольку глаголов всего два, рассматриваются только существительные) в процессе развертывания текста, соотнеся ее с ментальными операциями категоризации (т.е. отнесения значения к различным семантическим разрядам – вместилище, субстанция, вещество и т.д.).

Грамматика латышского языка [1] выделяет следующие значения родительного падежа (Р.п.) существительного:

а) для Р.п. приименного: принадлежность, свойство (*ēkas jumts* – крыша помещения, *priežu zari* – сосновые ветки); качество, признак (*rudens āboli* – осенние яблоки, букв. яблоки осени, *prāta cilvēks* – разумный человек, букв. человек разума); вещество (*rudzu milti* – ржаная мука); цель, содержание (*augļu trauks* – миска для фруктов); субъект (*mātes laime* – счастье матери); объект (*grāmatas lasīšana* – чтение книги); аппозитив (*Novadnieku ģimene* – семья из Новадниеков); партитив (*glaze sulas* – стакан сока);

б) для Р.п. приглагольного: отрицательное подлежащее (*nav laika* – нет времени); прямой объект при отрицании (*nerakstīt vēstuļu* – не писать писем); цель (с некоторыми глаголами; (*ilgoties vasaras* – тосковать по лету; аблатив в значении избегания (*bēgt laimes* – избегать счастья); партитив (*dzert piena* – выпить молока).

В тексте представлены формы И.п. (2 раза, включая название), В.п. (2 раза), М.п. (6 раз) и приименного Р.п. (10 раз). Очевидно, что не все значения приименного Р.п., представленные в указанной Грамматике, могут реализовываться для абстрактного существительного maldi в общеязыковом употреблении: в силу специфики своей семантики оно употребляется в значении качества, признака (см. приведенные

[1] Kalnača A., Lokmane I., Latvian Grammar. Rīga, 2021.

выше примеры из Корпуса), причем главное слово также семантически является абстрактным, либо используется метафорически, в абстрактном значении. Принципиально другая семантика существительного *maldi* наблюдается в тексте (см. Таблицу 3). В строке (1) *maldos*, «живет в заблуждениях» – в М.п. значение соответствует общеязыковому и обозначает состояние (при этом реализуется когнитивная метафора СОСТОЯНИЕ – МЕСТО, ср. в русском – жить в своих иллюзиях, пребывать в сомнениях). В строке (2) Р.п. *maldu miglā*, «в тумане заблуждений», значение *maldu* может рассматриваться и как качество, признак (обманчивый, обманывающий туман), и метафорически, как принадлежность, свойство (туман, состоящий из заблуждений) – но оно все еще остается в рамках общеупотребительного. В строке (3) В.п. *ierauga maldus*, «видит в окно заблуждения», прослеживается тенденция к нарушению языковой нормы, но в восприятии читателя возможно поддерживаемое предыдущей (2) строкой метафорическое употребление, построенное на смешении значений «туман» и «заблуждение», таким образом абстрактное *maldi* приобретает конкретно-вещественное значение видимой субстанции, явления природы, которое можно наблюдать утром в окне. Однако далее тексте это значение не находит поддержки. В строке (4), также в В.п. *maldus* предстает как съедобный предмет, которые обладает характеристикой «хрустящие» и который едят на завтрак, как хлопья. В строке (5) развивается гастрономическая тема, сначала в виде «глазированных заблуждениями сырков» (М.п., аналогично, например, сырки в шоколадной глазури, *šokolādes glazūrā*). Затем *maldu* (в Р.п.) предстает как характеристика пирожков, при этом *maldu pīrādziņi* можно понять и как «пирожки с начинкой из заблуждений» (ср. *zivju pīrādziņi* – пирожки с рыбой), и как «иллюзорные, ложные пирожки»; первый вариант предпочтительные с учетом предшествующего контекста, второй возможен в абсурдистском литературном тексте, где границы предметов неустойчивы и само их существование неопределенно.

Перечисление в строках (5) и (6) конкретных предметов (гостиницы, подушечки) сменяется перечнем абстрактных понятий (чтения, объяснения, оскорбления, недоразумения) в

строках (7), (8); все – с атрибутом *maldu*. Перечисление сопровождается размыванием границ субъекта и объекта повествования; если в первом катрене, в том числе с помощью глаголов 3 л. ед.ч. читатель многое узнает о друге лирического субъекта (он гуляет по ночам, утром смотрит в окно, завтракает чем-то хрустящим), то во втором катрене полная утрата личных форм глаголов ведет к смешению субъекта и объекта (и соответствующих ментальных пространств), утрате их индивидуальных дейктических характеристик: непонятно, в каких отношениях находится говорящий с описываемыми предметами / явлениями, относятся ли они к предшествующему объекту и т.д.

Таким образом, нарастает неопределенность текста, которая проявляется и локально, на уровне словосочетания. Например, в строке (6) *maldu viesnīcās* – «в ложных гостиницах / в гостиницах заблуждений», каким образом данное определение описывает определяемый объект? Следует ли рассматривать его как вещество, т.е. как материал, из которого построены гостиницы, или как свойство этих гостиниц – быть ложными, т.е. неправильными, неверно воспринятыми, миражными, или оба значения актуализируются одновременно (ср. «воздушные замки» в русском языке)?

Также в строке (7) *maldu lasījumi* (мн. ч. от *lasījums*), *lasījumi* может переводиться двояко, как «чтения» (примеры из Корпуса: чтения поэзии, литературные чтения, закон принят в последнем чтении) и как прочтения (интерпретации художественного произведения). Колебания значения существительного, к которому относится определение, обуславливает и колебание значения самого определения. Если перевод «прочтения» – то словосочетание «ложное / неверное прочтение» теоретически, возможно в общеупотребительном языке (в Корпусе не встречается), его содержание понятно: нечто было интерпретировано неверно. Если же перевод «чтения» – то словосочетание «ложные чтения» вряд ли можно встретить во внепоэтическом контексте, и его содержание нельзя признать понятным и осмысленным: ложные чтения – как «ложный», «основанный на заблуждениях» может охарактеризовать какие-либо чтения? Т.е. здесь наблюдается колебание значений слова

maldu, на грани абсурда, не просто изменение его смысла, но в определенном (на выбор читателя) контексте – вообще отсутствие смысла. Выбор того или иного варианта прочтения, таким образом, определяется индивидуальной когнитивной стратегией читателя.

К концу второго катрена соотношение абстрактных и конкретных значений выравнивается, атрибутивное существительное *maldu* определяет абстрактные понятия (объяснения, оскорбления, недоразумения), соответственно, используется в своем словарном значении. Следует, однако, учитывать, что в Корпусе ни одно из указанных словосочетаний не встречается. Кроме того, например, для словосочетания *maldu pārpratumi*, «ложные недоразумения» наблюдается наложение сем составляющих его лексем: недоразумение – неправильное представление о чем-то, возникновение обстоятельств, в связи с которыми что-то неправильно понимают; т.е. атрибут *maldu* здесь или отрицает, «обнуляет» значение существительного, обозначая, что нечто ошибочно признали ошибочным, или избыточно указывает на то, что недоразумение построено на ложных представлениях.

Субъект повествования вновь определяется и отделяется от объекта, благодаря появлению личных глагольных форм в (9) строке, но общая неопределенность семантики для читателя сохраняется, хотя и приобретает более локальный характер: уже можно понять, о чем и о ком идет речь, но на отдельных отрезках происходит смешивание смыслов, нарушение логических ожиданий. Например, в строке (12) *maldu zīmes*, «ложные, вводящие в заблуждение знаки», на первый взгляд, соотносятся в сознании читателя с дорожными знаками, т.к., как следует из дальнейшего контекста, они расположены на перекрестках, т.е., например, можно представить себе стрелку, которая указывает неправильное направление движения, или знак, запрещающий проезд там, где на самом деле можно проехать. Но, в связи с тем, что контекст задается уже после словосочетания и в связи с общей насыщенностью текста метафорами, выражение «ложные знаки» также можно прочесть более расширенно, метафорически, как знаки судьбы – и уже к этому значению подвести последующие «перекрестки», также в метафорическом

значении. Единственный пример данного словосочетания в Корпусе относится к политическому дискурсу и используется в обличительной публичной речи, призывающей к роспуску парламента: в ней упоминается про повсеместно распространенные в Латвии указатели объектов культурного наследия, и в речи эти реальные дорожные знаки в сопровождении атрибута «ложный» приобретают символический оттенок, со значением «ложные ценности».

Также усилению неопределенности способствует использование в одной (16) строке омонимичных форм *maldos* – существительного мн.ч. М.п. и глагола 1 л. ед.ч., причем значение самого глагола двойственно, и оба этих значения актуализированы в тексте: «бродить (блуждать) по городу» – обусловлено ближайшим контекстом, «заблуждаться» – обусловлено общетекстовым контекстом. В заключительной строке (18) рассматриваемое существительное представлено в виде метафоры слез, одновременно сравниваемых с дождем; общие семы – жидкость, которая льется потоками, течет по щекам, связано с тоской.

Таблица 3. Значения существительного *maldi*, последовательно реализуемые в тексте (*здесь и далее перевод мой – Ю.С.)*

№ строки	Текст / дословный перевод	Часть речи, форма	Значение лексемы с корнем *mald-*, синтаксическая функция
(1)	mans draugs dzīvo maldos мой друг живет в заблуждениях	сущ., М.п.	Состояние = место, в котором можно пребывать (обстоятельство)
(2)	naktīs maldu miglā viņš klīst по ночам он блуждает в тумане заблуждений	сущ., Р.п.	Качество, признак / характеристика тумана (определение)
(3)	no rīta pa logu ierauga maldus утром в окно видит заблуждения	сущ., В.п.	Субстанция, явление природы, то, что можно видеть в окне (дополнение)
(4)	maldus kraukšķīgus notiesā brokastīs хрустящие заблуждения поглощает на завтрак	сущ., В.п.	Предмет, субстанция, то, что едят на завтрак (дополнение, имеет при себе определение)
(5)	maldos glazēti sieriņi maldu pīrādziņi	а) сущ., М.п.,	а) предметная съедобная субстанция, аналогично шоколадной глазури (??),

	глазированные заблуждениями сырки пирожки с заблуждениями	б) сущ., Р.п.	б) съедобная субстанция, как начинка пирожков (определение)
(6)	maldu viesnīcās maldu spilventiņi в ложных гостиницах ложные подушечки	Оба - сущ., Р.п.	Оба – материал и/или качество предмета; то, из чего сделаны эти конкретно-вещественные предметы или их свойство (иллюзорность). Синтаксически – определение.
(7)	maldu lasījumi un maldu skaidrojumi ложные прочтения и ложные объяснения	Оба - сущ., Р.п.	Оба – качество (признак) абстрактных понятий; определения.
(8)	maldu aizvainojumi maldu pārpratumi ложные оскорбления ложные недоразумения	Оба - сущ., Р.п.	Качество (признак) абстрактных понятий; определения
(9)	kā lai pasaku viņam, ka maldās? как я скажу ему, что он заблудился?	Глагол 3 л. ед.ч.	
(10)	viņš savos maldos man neticēs он в своих заблуждениях мне не поверит	Сущ., М.п.	Состояние = место, в котором можно пребывать (обстоятельство). Аналогично строке (1)
(11)	maldu ielāpi kārtu kārtām заплатки заблуждений слоями	Сущ., Р.п.	Предмет, материал, аналогичный ткани, т.к. из него состоят заплатки. Синтаксически – определение. Но по смыслу оба слова являются взаимнооопределяющими: заплатка состоит из ткани-заблуждения, заблуждение имеет форму и/или функцию заплатки.
(12)	maldu zīmes izliktas krustcelēs ложные знаки выставлены на перекрестках	Сущ., Р.п.	Качество предмета, знаков (вероятно дорожных, но полное наименование не дается) на перекрестках. Поэтому вводящие в заблуждение, ложные знаки (как и перекрестки, на которых они расположены)

			можно понимать и более обобщенно-символически.
(13)	rūgti es maldos горько я блуждаюу/заблуждаюсь	Глаго л 1 л. ед.ч.	
(14)	bēdādamās, ka draugs dzīvo maldos горюя о том, что друг живет в заблуждениях	сущ. М.п.	Состояние = место, в котором можно пребывать (обстоятельство). Аналогично строке (1)
(15)	raizēdamās, ka neaizklīs беспокоясь о том, чтобы не потерялся	-	
(16)	es savos maldos pa svešu pilsētu maldos я в своих заблуждениях по чужому городу блуждаю / заблуждаюсь	а) сущ., М.п., б) глаго л 1л. ед.ч.	Омонимичные формы существительного и глагола. а) состояние; значение близкое к словарному, «в своих заблуждениях» - аналогично «в раздумьях, в своих мыслях»; в отличие от строк (1) и (14) – значение не смещается к значению пространства, т.к. последующим контекстом обозначено другое, более конкретное пространство – чужой город. Синтаксически – обстоятельство образа действия.
(17)	ilgodamās pēc drauga, kurš maldos в тоске по другу, который в заблуждениях	сущ. М.п.	Состояние = место, в котором можно пребывать (обстоятельство)
(18)	un straumēm maldi pār vaigiem man list и потоками заблуждения по щекам моим льют	сущ., И.п.	Явление, аналогичное слезам или дождю, или их смеси (общие компоненты значения – потоками льет по щекам в процессе хождения по чужому городу в тоске).

Заключение

Проведенное исследование показало, что в поэтическом тексте лексический повтор, рассмотренный в рамках когнитивной поэтики, то есть с точки зрения процесса чтения, служит важным механизмом смыслообразования. При этом задействуются различные когнитивные стратегии, в частности, лексическое значение повторяемого слова конструируется читателем на основе сопоставления значений, актуализированных непосредственным контекстом произведения, с общеязыковыми (прототипическими) значениями лексемы (слова). В рассмотренном примере семантический сдвиг, на основе которого формируются новые значения, актуальные именно для данного произведения, осуществляется преимущественно в одной грамматической форме – родительном падеже имени существительного. Выбор определенной грамматической формы для реализации семантического сдвига может быть связан с внутренней семантической подвижностью данной формы, ее местом в грамматической системе языка. Динамическое развертывание семантики повтора показывает, что линейно воспринимаемые семантические особенности (отступления от нормы) приобретают системный характер; лексема внутри одного текста разрастается нехарактерными для ее общеязыкового употребления лексико-семантическими вариантами. С точки зрения читательского восприятия, важной характеристикой данного текста, имеющей, как показано, четкое языковое выражение, оказывается эффект неопределенности, основанный на сдвиге лексико-семантических значений повторяемого слова.

Литература

1. Ахапкин Д.Н. Бистабильные тексты: о когнитивных механизмах поддержания неразрешимой многозначности // Критика и семиотика, №2, 2019. С. 136-145.
2. Блинова О.В., Белов С.А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник СПбГУ. Право. Т. 11, вып. 4, 2020. С. 774-812.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2005. –137 с.

4. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.
5. Лодатко В.А. Рекурсивные лингвистические структуры // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-метод. сборник. Вып. XII, 2004. С. 86-95.
6. Маклакова Н.В. «Параллелизм» и «поэтическая функция» Р. Якобсона в теории повтора // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. N 120, 2010. С. 145-153.
7. Мурейко Л.В. Мимесис и рекурсивность // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. N 4 (255), 2016. С. 132-138.
8. Ревзина О.Г. Язык и текст. М.: Макс Пресс, 2020. – 560 с.
9. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX, 1980. С. 69-97.
10. Соколова О.В. Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии // Известия Восточного института. № 1, 2023. С. 93-105
11. Сталтмане В.Э. Латышский язык // Языки мира: Балтийские языки. М.: Academia, 2006. С. 155-193.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // «Структурализм: “за” и “против”». М.: Прогресс, 1975. С. 193-229.

References

1. Ahapkin D. N. Bistabil'nye teksty: o kognitivnyh mehanizmah podderzhanija nerazreshimoj mnogoznachnosti [Bistable Texts: On Cognitive Mechanisms of Maintaining of Unresolved Ambiguity] // Kritika i semiotika, №2, 2019, pp.136-145 (in Russian).
2. Blinova O.V., Belov S.A. Jazykovaja neodnoznachnost' i neopredelennost' v russkih pravovyh tekstah [Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts] // Vestnik SPbGU. Pravo, vol. 11, no. 4, 2020, pp.774-812.
3. Gal'perin I.R. Tekst kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic analysis]. M.: URSS, 2005. – 137 p. (in Russian).
4. Gasparov, M.L. Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah. [Russian verse of XX century in the comments]. M.: Fortuna Limited, 2001. – 288 p. (in Russian).
5. Lodatko V.A. Rekursivnye lingvisticheskie struktury [Recursive linguistic structures] // Teoreticheskie i prikladnye problemy russkoj filologii: Nauchno-metod. sbornik. – No. XII, 2004, pp.86-95 (in Russian).

6. Maklakova N.V. «Parallelizm» i «pojeticheskaja funkcija» R. Jakobsona v teorii povtora [Jakobson's «parallelism» and «poetic functions» in reiterations theory] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gercena. N 120, 2010, pp.145-153 (in Russian).
7. Murejko L.V. Mimesis i rekursivnost' [Mimesis and recursion] // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. N 4 (255), 2016, pp.132-138 (in Russian).
8. Revzina O.G. Jazyk i tekst [Language and text]. M.: Maks Press, 2020. – 560 p. (in Russian).
9. Riffater M. Kriterii stilisticheskogo analiza [Stylistic analysis criteria] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. No. IX, 1980, pp.69-97 (in Russian).
10. Sokolova O.V. Neodnoznachnost' kak sredstvo jazykovoj manipuljacii i rasshirenija smysla v politike, reklame i pojezii [Ambiguity as a means of language manipulation and meaning extension in politics, advertising and poetry] // Izvestija Vostochnogo instituta. N 1, 2023, pp.93-105 (in Russian).
11. Staltmane V.Je. Latyshskij jazyk [Latvian language] // Jazyki mira: Baltijskie jazyki. M.: Academia, 2006, pp.155-193 (in Russian).
12. Jakobson R. Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics] // «Strukturalizm: "za" i "protiv"». M.: Progress, 1975, pp.193-229 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 29.08.2023
Статья одобрена после рецензирования 20.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81-112.2

Красоцкая Милана Денисовна
Milana Krasotskaya

Meme as a Special Type of Idiomatic Expression

Мем как особый вид идиоматического выражения

Аннотация. *В настоящее время не ясно, какие лингвистические явления могут быть отнесены к категории идиомы в связи с отсутствием общепринятой терминологии в этой области, несмотря на длительную историю исследований в области идиоматики. С другой стороны, интернет-мем, появившийся в конце XX в. с распространением Всемирной паутины среди рядовых пользователей ПК, рассматривается семиотикой и межкультурной коммуникацией. Однако его место в лингвистике не обозначено, несмотря на то что мем состоит их текстовой и аудиовизуальной части. Таким образом, целью данного исследования является доказательство гипотезы о том, что мем является особым видом идиомы. Для проведения исследования были использованы следующие методы: обобщение имеющихся данных, компаративный анализ, выдвижение гипотезы, сплошная выборка. Гипотеза основана на списке характерных черт идиоматических выражений, общих для ряда лингвистических трудов, например, невозможность вывести общее значение из суммы значений входящих в идиому компонентов, национальный колорит, подверженность трансформации, создание ментального образа, хранение в качестве готовых единиц в ментальном лексиконе, наличие менее распространенного буквального варианта и т. д. В результате исследования гипотеза была доказана, поскольку мем обладает теми же чертами, что и идиома. Однако в некоторых случаях мем превосходит идиому, например, некоторые интернет-мемы всемирно известны и используются повсеместно, они подвержены полной эволюции вместо частичной трансформации, а срок их жизни колеблется между шестью месяцами и несколькими десятилетиями, в зависимости от частоты употребления в речи. Данные свидетельства позволяют считать мем мета-идиомой ввиду его глобального эволюционного характера.*

Abstract. *Despite the extensive research in the field of idiomatics, it remains unclear which linguistic phenomena are classified as idioms due to the lack of universally accepted terminology. On the other hand, Internet memes, which emerged in the late 20th century with the widespread use of personal computers and World Wide Web, have been studied by semiotics and intercultural communication. However, their place in linguistics is not clearly defined, despite being composed of both textual and audio-visual elements. Thus, the objective of this study's is to demonstrate that memes are a unique type of idiom within linguistics. In order to conduct the research, the following methods were applied: summarization of the data, comparative evaluation, hypothesizing, sampling of the material. The hypothesis is based on a list of common features of idiomatic expressions found in numerous linguistic studies. These include the inability to deduce the overall meaning from the meanings of individual components, national or cultural context, susceptibility to transformation, ability to create mental imagery, existence as a ready-made unit in the mental lexicon, and the existence of a less commonly used literal variant. The study's results have confirmed the hypothesis that a meme possesses the same features as an idiom. However, in some cases, memes surpassed idioms, e.g., some Internet*

memes are globally known and used, they are subject to a complete evolution, instead of a partial inner transformation, and have a life span that ranges from six months to several decades, depending on their adoption by the speakers. This evidence makes it possible to consider a meme as a meta-idiom due to its universal evolutionary character.

Ключевые слова: *идиоматическое выражение, мем, креолизованный текст, эволюция мема, ментальный образ*

Keywords: *idiomatic expression, meme, creolized text, meme evolution, mental imagery*

Introduction

Despite the extensive research on idiomatic expressions throughout history, the present understanding of what linguistic phenomena can be classified as an idiom remains ambiguous due to the lack of terminological uniformity within this field. Nonetheless, a number of scholars have discussed several fundamental characteristics of idiomatic expressions in their works over the course of the 20th and 21st centuries (e. g., V. V. Vinogradov determined such features as idiomaticity (lack of motivation), the absence of a bond between the overall meaning and the constituents' ones; N. N. Amosova suggested a context conception [Amosova, 2009: 72]; W. Chafe found that structurally solid idioms have a lesser common literal variant [Chafe: 1968: 111-112]; B. Fraser studied idioms' susceptibility to transformations [Fraser, 1970: 23], etc.).

The phenomenon of an Internet meme is relatively new, emerging in the late 20th century as the World Wide Web became more accessible to the average user. An Internet meme is typically considered to be either a part of semiotics, due to the widespread usage of visual means for its creation [Shchurina, 2012: 164], or a part of cultural communication that is used to transmit information and be replicated [Dawkins, 2014: 192]. The linguistic classification of a meme, which may consist of only a text or be a creolized amalgamation of text and visuals, remains unclear due to its seemingly non-linguistic essence. However, such key feature of a meme as precedence, or capability to carry some widely known cultural information that is being reproduced in a personal discourse [Kanashina, 2018: 122], makes it possible to correlate this phenomenon with linguoculturology. This conclusion is based on the traditional manifestation of precedence as allusions to fictional characters, quotation of aphorisms, and reusage of some literature motives in other media [ibid.].

Likewise, an idiom belongs to linguoculturology as an element of language world view, since it accumulates a nation's thought process, history, traditions, etc. [Kopylova, 2010: 90].

Based on a set of features, common for both concepts, it is possible to theorize that a meme is likely to be considered a special type of an idiom and thus, should be further examined within this field.

The outlined tasks of this paper required the following methods: summarization of the data, comparative evaluation, hypothesizing, and sampling of the material. Each of these methods serves their own purposes: summarization of data is used to succinctly introduce the definitions and the key features of the idioms and the memes; comparative evaluation aids at juxtaposing the two concepts under investigation; hypothesizing creates a basis for the research, sampling of the material provides the examples.

The objective of the study is to test the hypothesis that a meme can be classified as a type of idiom in a linguistic sense. In order to achieve it, the following tasks were set: to summarize the obtained data on the essence of idiomatic expressions and memes, to juxtapose the two concepts, and to discover the similar features between them.

Idiom and meme as the key notions

Firstly, the key notions of this paper and their definitions should be established. For the purposes of the study, "an idiom" is defined as a nationally colored expression of fixed context [Amosova, 2009: 72] whose general meaning cannot be deduced from a sum of its constituents' meanings [Cooper, 1999: 233].

In its turn, "a meme" is a unit of cultural information that is transmitted among the people based on imitation[1] [Izgarsheva, 2020: 87]. However, the focus of this work is on Internet memes – creolized formations that achieve a humorous effect through the organic cooperation between verbal and visual components [Shchurina, 2012: 164]. Memes of such type can be divided into:

1. Textual memes – an utterance coined and used in certain social networks;

2. Visual memes – a picture, a photo, or a comic strip with a string of text;

[1] Что такое мемы. История, Виды, специфика современной мемологии [Электронный ресурс] URL: https://memepedia.ru/about-memes/ (дата обращения: 27.02.2023).

3. Video memes – usually a short comic video, uploaded on the Internet;

4. Audio memes – a song or a sound that is being replicated.

It is worth noting that the boundaries between these types of memes are blurred. Visual memes, which typically take the form of pictures with accompanying text, and video memes can be combined to form a distinct category known as "mixed" or "creolized" memes. These types of memes employ multiple media formats to achieve their intended purpose.

General features of an idiom

After a careful investigation of the linguistic works on idiomatic expressions, a list of commonly discussed features was compiled. These include:

1. The impossibility to deduce the general meaning of an idiomatic expression from a sum of its constituent elements' meanings [Cooper, 1999: 233]: *castles in the sky* is not equal to the separate meanings of the words "*castles*", "*in*", "*the*", and "*sky*";

2. Idioms are subject to a certain extent of transformation, e.g., adjunction (*John hit the ball – John's hitting the ball*), permutation (*lay down the law – lay the law down*), etc. [Fraser 1970: 23–39];

3. Such expressions are a part of folklore and a language history[1] [Shchurina, 2012: 163];

4. They create a vivid mental imagery [Gibbs, O'Brien, 1990: 35];

5. Idiomatic expressions are kept as ready-made units in the mental lexicon [Conkin, Schmitt, 2012: 45];

6. Idioms may have a less common literal variant [Chafe, 1968: 111–112]: "*white elephant*" as an idiom, or "*white elephant*" as an albino animal;

7. They are characteristic for a specific nation;

8. The expressions have "stages of life": coinage, spread, peak, decline, reintroduction, obsolescence;

[1] Why Idioms Are Used And The Origins of Idiom Use In History [Электронный ресурс] URL: https://linkedin.com/pulse/why-idioms-used-origins-idiom-use-history-learnlaughspeak?trk=pulse-article (дата обращения: 01.03.2023).

9. Idioms are fixed contextual units, meaning their connotation does not depend on the surrounding words and remains unchanged [Amosova, 2009: 72].

Meme in the framework of an idiom's features

Similarly, memes possess the same characteristics.

1. A meme's meaning cannot be deduced from a sum of its constituents' meanings [Kanashina, 2018: 125]. For instance, "*Slender Man*" meme's meaning is not equal to a sum of "*slender*" and "*man*", respectively, thus, this is not simply a male of a certain physique, but an urban legend – a faceless tall man in a suit who stalks his victims.

2. Memes are subject to transformation. It is applicable in regards to any type of an Internet meme. For instance, any visual meme, whenever it becomes viral, is used as a template to create reaction images, e. g. "*Woman Yelling at a Cat*" meme, since its appearance in 2019[1], has been used as a template to display two things within the context of the picture.

3. Memes are a part of folklore and a language history, also known as precedence [Kanashina, 2018: 122]. Owing to the Internet culture, meme has become one of the methods to enrich modern vocabulary. For instance, such phenomenon as "*Karen*" – an irritating entitled middle aged woman[2] has been widely used in the English speech since its coinage in 2015 and became a part of the folklore.

4. Memes are a powerful tool for creating vivid mental imagery. For instance, when using such an Internet phrase as "*One Does Not Simply X into Mordor*" (originally, "*one does not simply go into Mordor*") in communication, the interlocutor who is familiar with the meme, or the movie, or with J. R. R. Tolkien's franchise, may inevitably conjure a mental image of attempting to enter the aforementioned location. In the absence of a visual meme, the interlocutor may rely solely on their memory of the image associated with the meme.

5. Memes are kept as ready-made units in the mental lexicon. When a speaker needs to respond to a stimulus and incorporates memes into their discourse, the entire unit, rather than individual

---

[1] Woman Yelling at a Cat [Электронный ресурс] URL: https://knowyourmeme.com/memes/woman-yelling-at-a-cat (дата обращения: 01.03.2023).

[2] Urban Dictionary: Karen [Электронный ресурс] URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Karen (дата обращения: 27.02.2023).

words, is activated in the mind, akin to the mechanism observed in the case of idiomatic expressions.

6. Memes have a less common literal variant, e. g. the "*best man from Fryazino*" can be either a well-known Russian meme (an elderly irritated person, wearing a tracksuit during a wedding ceremony in a town of Fryazino), or a literal variant, emphasizing the person's place of residence (i.e., Fryazino).

7. Memes can be characteristic of a particular culture. An example of this is the response given by the former British prime minister, Boris Johnson, to allegations of attending a party during the 2020 lockdown: "*I thought it was a work event*." Without the knowledge of the scandal surrounding this statement, people may not recognize it as a meme.

8. Memes have stages of life. In contrast to idiomatic expressions, which may endure for decades, memes tend to have a relatively brief lifespan, and employing them after their "expiration" is generally frowned upon by the Internet community. For instance, "Dat Boi" meme of a frog on a unicycle was originated in 2016[1] and saw its spread the same year, was subsequently revived several times in 2017. However, the search interest diagram indicates a decline in the usage of the aforementioned meme (see Diagram 1).

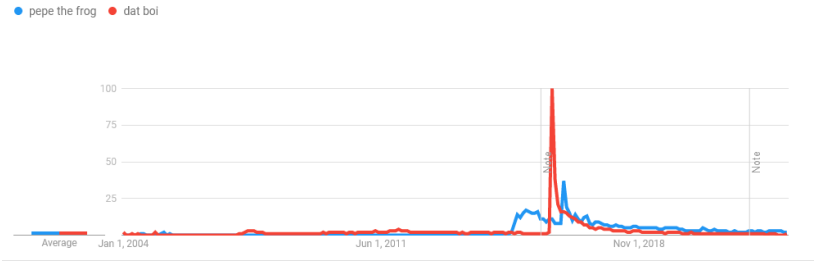

Diagram 1. Dat Boi search interest

Notably, as the study conducted on Reddit by C. M. Valensise et al. shows, the new memes are coined approximately biannually. The longevity is connected with a strong early adoption [Valensise, Serra, 2021].

[1] Dat Boi [Электронный ресурс] URL: https://knowyourmeme.com/memes/dat-boi (дата обращения: 01.03.2023).

9. Memes are fixed contextual units. Independent of the iteration (template re-use), any type of a meme preserves its initial meaning and is used to react or describe the same concept, e.g., the "Thanks, Obama!" meme was meant to sarcastically caption struggling with a simple task in order to satirize President Obama's critics, blaming the former president of the USA for the problems he had no influence on[1]. With its further use, the context remained the same.

Conclusion

To summarize, like idiomatic expressions, memes are a cultural phenomenon that serve as a concise means of conveying ideas. However, unlike idioms, which are solely linguistic entities, memes cross the boundaries of language and are studied in fields such as semiotics and cultural communication due to their use of audio-visual components, creolized texts, and their intention to be replicated and spread widely throughout society.

Memes can only be comprehended as a whole unit, their meaning is deduced from the coinage history, which coincides with idioms' etymology, explaining the connotation, rather than deriving it from each word. Without the context, a meme loses its idiomaticity and becomes a literal phrase, describing the reality. Regarding this topic, memes, much like idioms, possess a fixed context, and their connotation does not vary depending on the situation which they are employed.

Memes are capable of undergoing transformation. However, in contrast to idiomatic expressions, which may undergo partial changes in word-order, nominalization, etc., memes typically undergo complete evolution, with the textual string being modified depending on the author, while the visual component remains unchanged.

Both units are adopted into speech, owing to the historical events. Unlike idioms, memes create a separate layer of folklore in the Internet space.

Additionally, these concepts can belong to a certain nation and become challenging for the non-native speakers who might need an explanation to understand a phrase and successfully introduce it into

[1] Thanks, Obama! [Электронный ресурс] URL: https://knowyourmeme.com/memes/thanks-obama (дата обращения: 01.03.2023).

their speech. Yet, it is worth mentioning that memes can be universal as the Internet is an open space, shared by the specimen of various cultures, unlike the vocabulary, individual for every language. Otherwise, the idiomatic layer possesses such phrases that coincide completely in more than one language and may be derived from the same origin by more than one culture, which is similar to how a meme functions.

Memes, especially visual and audio ones, have the ability to create a specific mental image due to their tangible components. However, it is equally applicable to textual memes, which function similarly to idiomatic expressions in this regard.

Hypothetically, the mental lexicon processes memes in the same way as idioms and extracts them as a ready-made unit in reacting to the statements of an interlocutor or, in the case of the Internet, a group of interlocutors.

Another common feature is heterogeneous life span in the language. On the one hand, some idiomatic expressions and memes have a fleeting existence, after which they are forgotten or considered to be obsolete, and thus, unsuitable to be used. On the other hand, if a phrase was adopted at its earlier stages, it might be implemented into the language and have a longer life span.

Thus, memes can be regarded as a type of idiom, or a meta-idiom, given their relatively fluid boundaries and the fact that they are not solely limited to native speakers and fluent ESL (English as the second language) students. Moreover, memes deal with tangible audio-visual components, in addition to the mental ones.

From a linguistic perspective, the definition of a meme can be updated to reflect its characteristics as follows. A meme is nationally (in some cases, globally) colored mixed media (i.e., text or creolized text) of fixed context whose general meaning cannot be deduced from the sum of its constituent meanings. Memes are subject to complete transformation or evolution, and they can be replicated by users.

References

1. Amosova N.N. Osnovy anglijskoj frazeologii [English Phraseology Basics]. M.: Librokom, Moscow, 2009. – 208 pp. (in Russian).
2. Izgarsheva A.V. Internet mem kak mediatekst: lingvistichesky aspect [The Internet Meme as Media Text: Linguistic Aspect] // *Vestnik*

Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Moscow State Regional University Bulletin. Series: Linguistics]. Moscow, №5, 2020, pp. 86-101 (in Russian). – DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-101. – EDN YXCUTW.

3. Kanashina S.V. Internet-mem i pretsedentny fenomen [Internet Meme and Precedent Phenomenon] // *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. Tomsk, №4 (193), 2018, pp. 122-127 (in Russian). – DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
4. Kopylova V.E. Phraseologiya russkogo yazyka kak otrazheniye yazykovoy kartiny mira [Phraseology of the Russian Language as a Reflection of Language World Picture] // *Lingvokulturologiya*. Yekaterinburg, №4, 2010, pp. 89-93. – EDN: PUWYLH.
5. Raevskaya A.M., Zyryanova E.S. Meme as an Independent Linguistic Phenomenon and a Stylistic Device // *Vestnik Nauki*. Tolyatti, № 5(14), 2019, pp. 5-11. – EDN: KVRQQJ.
6. Shchurina Yu.V.. Internet-memy kak fenomen Internet-kommunikacii [Internet Meme as a Phenomenon of Internet Communication] // *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. Yekaterinburg, № 3, 2012, pp. 160-172 (in Russian). – EDN OWQFTD.
7. Chafe W.L. Idiomaticity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm // *Foundations of Language*. New York: Springer, № 4, 1968, pp. 109-127.
8. Conkin K. Schmitt, N. The Processing of Formulaic Language // *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, № 32, 2012, pp. 45-61. – DOI: 10.1017/S0267190512000074.
9. Cooper T.C. Processing of Idioms by L2 Learners of English // *TESOL Quarterly*. New York, № 33(2), 1999, pp. 233-262. – DOI: 10.2307/3587719.
10. Dawkins R. The Selfish Gene. New York: Princeton University Press, 2014. – 385 pp.
11. Fraser B. Idioms within a transformational grammar // *Foundations of Language*. New York: Springer, № 6, 1970, pp. 22-42.
12. Gibbs R.W., O'Brien J.E. Idioms and mental imagery: The metaphorical motivation for idiomatic meaning // *Cognition*. The Netherlands, № 36 (1), 1990, pp. 35-68. – DOI: 10.1016/0010-0277(90)90053-M.
13. Valensise C.M., Serra A. et al. Entropy and complexity unveil the landscape of memes evolution // *Scientific Reports*. United Kingdom, № 11, 2021, 9 pp. – DOI: 10.1038/s41598-021-99468-6.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023
Статья одобрена после рецензирования 19.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 811.111.8; 811.111.13

Михеева Елена Васильевна
Elena Mikheeva
Алиханова Инна Александровна
Inna Alikhanova

Лингвистические основы формирования навыков чтения на занятиях по английскому языку в вузе

Linguistic Foundations of the Formation of Reading Skills in University Classes of English

Аннотация. Цель проведенного исследования *заключается в том, чтобы представить в помощь вузовским преподавателям английского языка обобщённый перечень наиболее эффективных методов и приёмов работы с научным текстом по специальности студентов в рамках современной коммуникативно-деятельностной парадигмы иноязычного образования. Текст является лингвистической основой развития навыков чтения специальной литературы, перевода специальной лексики, терминологии, создания необходимого лексического запаса для перевода научных статей как с английского, так и с русского языков, а также учит использовать грамматические структуры и правила.* ***Материалы и методы.*** *Обобщаются рекомендации, содержащиеся в ряде теоретических работ отечественных специалистов в области лингвистики, лингводидактики и практический опыт работы со специальными текстами биологической направленности, накопленный авторами статьи и другими преподавателями кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова. Статья позволяет ознакомиться с текстами и заданиями к ним из опубликованных сотрудниками кафедры учебников по английскому языку для студентов биологических специальностей. На примере различных типов упражнений анализируются приёмы и методы работы с текстами для чтения, демонстрируется актуальность их использования в различных видах деятельности на занятиях со студентами разных уровней языковой подготовки (1-3 курсы бакалавриата биологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова). В статье аргументированно делается* ***вывод*** *о значимости и необходимости чтения не только в качестве источника новой информации: через текст студенты учатся выражать свои мысли на иностранном языке в устной и письменной форме, используя коммуникативные умения и навыки.*

Abstract. The aim of the study *is to present university English teachers a generalized list of the most effective methods and techniques of working with the scientific text on the students major within the modern communication and activity paradigm of foreign language education. The text is a linguistic basis for the development of skills in reading specific literature, translating specific vocabulary, terminology, creating the necessary vocabulary for translating scientific articles from both English and Russian, and also teaches to use grammar structures and rules.* ***Materials and methods.*** *It summarises the recommendations enlisted in a number of theoretical works of Russian specialists in the field of linguistics, and the practical experience of working with specific biological texts, gained by the authors of the article and other teachers of the English Department for Science Students of the Faculty of Foreign Languages and Area*

Studies of Lomonosov Moscow State University. The article enables the readers to get acquainted with the texts and tasks to them from the English textbooks for students of biological specialties published by the Department. Techniques and methods of working with reading texts are analysed as well as different types of exercises, and the relevance of their use in various communicative activities is demonstrated with students of different levels of language command (1-3 years of the Bachelor of Science Programme of the Biological Faculty of Lomonosov Moscow State University). The article makes a reasonable ***conclusion*** *of the importance and necessity of reading: the text is a source of new scientific information; through the text, students master oral and written skills of expressing their thoughts in the English language.*

Ключевые слова: *лингвистические основы, лексика, грамматика, стилистика, английский язык для специальных целей, ESP, текст, чтение, понимание, мотивация, информация, эффективность, уровень*

Keywords: *linguistic basis, vocabulary, grammar, stylistics, English for specific purposes, ESP, text, reading, understanding, motivation, information, efficiency, level*

Введение

Интерес к английскому языку как языку для специальных целей (ESP – English for Specific Purposes), в частности - научному языку, продолжает расти, хотя потребности людей, изучающих академический английский, меняются. Главная цель изучающих язык современных студентов – способность в будущем применять полученные знания для выступления на международных конференциях, на встречах с зарубежными коллегами, для ведения переговоров, переписки, написания статей и так далее, иными словами, приобретённые ими знания, навыки и умения должны обеспечить им адекватную и эффективную коммуникацию с зарубежными специалистами в данной предметной области с учетом конкретной ситуации общения.

Мы основываемся на работах известных специалистов в области теории и методики преподавания иностранных языков, на опыте своих коллег по кафедре английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова и на собственном опыте, накопленном в ходе многолетней работы на 1-3 курсах бакалавриата биологического факультета МГУ, который мы обобщаем в виде полезных практических рекомендаций, собранных в одной статье в помощь преподавателю.

Профессиональная тематика

Основная работа строится на занятиях вокруг текстов профессиональной тематики (в данном случае - биологической направленности), которые являются лингвистической основой формирования лексического и грамматического навыков, а также

навыка стилизации текстов. С уверенностью можно сказать, что текст, а следовательно, и чтение занимают приоритетное положение в современном учебном процессе, основанном на коммуникативно-деятельностном подходе к преподаванию иностранных.

Правильная и грамотная работа с текстом поможет студентам в дальнейшем при написании статей, подготовке устных выступлений на конференциях, дискуссиях с коллегами из разных стран. Среди основополагающих задач языкового образования является формирование коммуникативной компетенции. Данный термин компетенция (языковая) был введен в научный обиход в 1960-е гг. американским лингвистом Н. М. Хомским, предпринявшим одну из первых попыток определения понятия владение языком. Это понятие включает в себя, в первую очередь, умение порождать тексты. Поэтому именно текст, являющийся высшей единицей коммуникации, стал рассматриваться в конце прошлого века как основной объект коммуникативно-ориентированного обучения языку и речевой деятельности [Иргашева, 2011: 57, 56-60].

Всё это обусловливает методику работы с текстом в учебном процессе. Как известно, в зависимости от коммуникативных задач при чтении и характера использования полученной информации различаются следующие виды чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое и поисковое [Фоломкина, 1974: 11]. Для каждого из них характерны специфические цели и разная установка на степень понимания текста. В основе каждого вида чтения лежат базовые умения, которыми должны владеть обучающиеся.

На занятиях всегда есть 1-2 текста, предназначенных для глубокой, детальной проработки (опорные тексты для изучающего чтения). Читая такие тексты по специальности, студенты должны понимать их детально, с глубокой интерпретацией, порой с помощью словаря, запоминая информацию, так как эта информация предназначена для дальнейшего использования на занятиях.

Изучающее чтение предполагает извлечение полной информации из текста: полное и точное понимание фактов и деталей, выделение информации, подтверждающей или

уточняющей что-либо, установление взаимосвязи событий, раскрытие причинно-следственных отношений между ними, определение главной идеи, сравнение и сопоставление информации. В процессе такого чтения, когда приходит понимание всего, что заложено в тексте («...вычитывание всего, что заложено в тексте» [Щерба, 1947: 96]), происходит критическое осмысление этой информации, интерпретация, осознанное сопоставление с теми сведениями и знаниями, которыми студент уже владеет в этой области. На уровне детального чтения требуется понимание деталей текста, установление причинно-следственных связей, понимание точки зрения автора.

Для ознакомительного чтения важно понимание основного содержания читаемого: определять и выделять основную информацию текста, отделять информацию первостепенной важности от второстепенной, устанавливать связь (логическую, хронологическую) событий и фактов, предвосхищать возможное развитие и завершение действия, обобщать изложенные в тексте факты, делать выводы по прочитанному.

Понимание и определение основной темы текста характерно для поискового чтения: выявлять информацию, относящуюся к какому-либо вопросу, определять важность и ценность информации. В обучении поисковому чтению студентов-биологов опора идет на научно-популярные тексты биологической направленности, которые позволяют развивать умение понимать аргументацию, оценивать достоверность информации и, что очень важно, отбирать значимую информацию для задач проектной деятельности, необходимой в рамках программы обучения английскому языку на следующей ступени обучения в университете (магистратура) [Бим, 2010: 32].

В связи с тем, что студентам в конечном итоге необходимо научиться читать аутентичные тексты (на 1 курсе изучаются адаптированные тексты, а на 3 курсе – аутентичные), важным аспектом работы является обучение стратегиям чтения текстов. Под стратегиями чтения понимается комплекс знаний и умений, владение которыми позволяет понимать тип, специфику и целевое назначение текстов, извлекать информацию на разном

уровне владения языком, ориентироваться в конкретном тексте с учетом его специфики и в соответствии с коммуникативной задачей. Если коммуникативной задачей является определить свою позицию по отношению к сообщению, то это уровень критического понимания [Зимняя, 1978: 3-13], формирование которого является важной составляющей обучения. В результате учащиеся должны научиться понимать аутентичный текст, не прибегая при каждой встрече с незнакомыми языковыми явлениями к переводу. Для этого существует несколько правил работы с текстом, которым надо научить студентов:

- Читать текст на иностранном языке — не значит переводить каждое слово.
- Для понимания любого текста важную роль играет имеющийся у каждого студента жизненный и профессиональный опыт.
- Чтобы понять текст (или спрогнозировать, о чем будет идти в нем речь), необходимо обратить внимание на заголовок, рисунки, схемы, таблицы, сопровождающие этот текст, и на его структуру.
- При чтении текста важно опираться в первую очередь на то, что известно в нем, и пытаться с опорой на известное прогнозировать содержание текста, догадываться о значении незнакомых слов.
- Обращаться к словарю следует лишь в тех случаях, когда непонимание какого-то слова оказывается критичным, а все прочие возможности исчерпаны.

Предлагаемые в учебном процессе тексты должны соответствовать коммуникативно-познавательным интересам и потребностям учащихся, соразмеряться по степени сложности с их языковым и речевым опытом в родном и иностранном языках, содержать познавательную, интересную информацию. Текст должен восприниматься как носитель не только языковой, но и содержательной информации. Удачно подобранный текст максимально стимулирует языковую деятельность студентов. Любое чтение — вслух, про себя, динамическое чтение — предполагает активную работу воображения, зрительных представлений. Чтение порождает целый воображаемый мир,

который контролируется и опытом жизни субъекта, и читаемыми текстами, и логикой, здравым смыслом [Львов, 2000: 248, 42].
Удачный текст должен:

- Быть актуальным и современным.
- Соответствовать уровню знаний студентов.
- Не быть слишком длинным.
- Соответствовать интересам студентов.
- Побуждать к высказыванию мнений, мыслей, соображений и т.д.

Работу с текстом можно разделить на этапы. Их всего три:

- Предтекстовый (Pre-reading).
- Текстовый (While–reading).
- Послетекстовый (Post – reading).

Цель этапа Pre-reading состоит в том, чтобы подготовить студентов к работе с текстом, подвести к его теме, разобрать сложную лексику и мотивировать к чтению текста. В качестве подготовки к чтению студентам предлагается выделить особо сложные лексические единицы, отработать фонетический аспект, чтобы избежать фонетических ошибок во время чтения и обсуждения текста. Преподаватель готовит карточки с вопросами по теме текста, делит группу на пары, каждой паре задает свой вопрос. Студентам предоставляется несколько минут на обсуждение этого вопроса на английском языке, после чего преподаватель просит каждого студента резюмировать свои соображения. Перед чтением текста студентам необходимо поставить цель, так как чтение ради чтения не несет в себе никаких задач. Преподаватель сразу настраивает студентов на то, что им необходимо будет выполнить определенные задания: развернуто ответить на вопросы, подтвердить или опровергнуть утверждение, вставить подходящее слово/фразу для заполнения пропусков.

На этапе работы с текстом (While-reading) хорошо зарекомендовало себя упражнение на такой вид деятельности (activity), как Jigsaw Puzzle, который очень хорош тем, что дает студентам возможность подвигаться по аудитории. Задания для этого вида деятельности могут быть такими: преподаватель делит текст на столько частей, сколько студентов в группе; каждый студент получает по одной фразе или фрагменту текста; задание

заключается в том, чтобы восстановить изначальный текст и выстроиться в соответствующем порядке. Обсуждение проходит на английском языке, вне зависимости от уровня владения студентами языком.

Третий этап работы с текстом (Post-reading) ориентирован на развитие речевых навыков. Классическими упражнениями для этого этапа, на наш взгляд, являются устный или письменный пересказ текста и аргументированное обоснование своего мнения. Можно попросить студентов придумать новый, более удачный заголовок для текста, высказывая свое мнение об этом. Можно использовать упражнение, предлагающее дать как можно больше контраргументов утверждению автора или, напротив, поддержать мнение автора. Каждый студент получает некое утверждение, которое может не совпадать с его мнением (даже лучше, если студент будет не согласен с утверждением). Таким образом, студенты охотно и весьма успешно вовлекаются в такой вид деятельности, как дебаты. Здесь мы предлагаем такие упражнения:

- Разделим группу на 2 команды.
- Сформулируем основную идею текста (например: следует запретить курение в общественных места).
- Присвоим командам роли (команда «ЗА», команда «ПРОТИВ»).
- Несмотря на то, что мнение студентов может не совпадать с мнением автора, их задача - отстаивать заданную позицию.

На послетекстовом этапе, когда студенты высказывают свое мнение, участвуют в дебатах, пересказывают текст и т.д., полезным и интересным бывает ввести новое правило: употребить в своей речи 3 новых слова, фразы, конструкции из текста. Это способствует переводу новой лексики в активный словарный запас.

На наш взгляд, самыми интересными являются упражнения, которые ещё и стимулируют мыслительный процесс, побуждая учащихся к сопоставлению новых фактов, явлений с собственным опытом, ведь «язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания» [Маслова, 2007: 4]. Язык усваивается быстрее и эффективнее за счѐт развитого лингвистического мышления и так называемого

«чувства языка», или языковой интуиции [Биболетова, 2013: 17, 14-25].

Ниже приведены примеры двух текстов – адаптированного для 1 курса (уровни А2-В1) и аутентичного для 3 курса (уровни В1-В2) - и упражнений к ним из двух учебных пособий, разработанных преподавателями кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова.

Образцы учебных текстов и заданий к ним

На 1 курсе изучается учебное пособие «Английский язык для направления “Биология”».

Text 1. Systematics [Английский язык, 2014: 10-12].

A. To study the diverse life forms that share our planet and to effectively communicate our findings, we need to organize our knowledge of them.

The scientific study of the diversity of organisms and their evolutionary relationships is called systematics. An important aspect of systematics is Taxonomy, the science of naming, describing, and classifying organisms. The term “classification” means ordering organisms into groups based on their similarities or relationships.

B. Different methods of classification have been used throughout history. Animals, for example, were classified by St. Augustine in the 4th century as useful, harmful and superfluous to humans. During the Renaissance scholars began to develop categories based more on the characteristics of the organisms themselves. These categories were arranged roughly in order from simple to complex organisms.

C. Carolus Linnaeus in the mid-18th century developed a binominal system of nomenclature in which each species is given a unique two-part name. The “cuckoo flower” and the “lady’s smock” are two common names for the same wild plant, and this could lead to confusion. However, if the botanical name, Cardamine pratensis, is used, there is no chance of error. The Latin form of the name allows it to be used in all the countries of the world.

“Binominal” means “two names.” The first name gives the genus, and the second gives the species.

D. Linnaeus also made a system for arranging species to a hierarchy of groups. His system has proved to be flexible and

adaptable to new biological knowledge and theory. Most biologists currently use a hierarchical system that includes

- Domain • Phylum • Order • Genus
- Kingdom • Class • Family • Species

E. In 1937, the French marine biologist Edouard Chatton suggested the term “procariotique” (“before nucleus”) to describe bacteria, and the term “eukariotique” (“true nucleus”) to describe all other cells. This dichotomy between prokaryotes and eukaryotes is now universally accepted by biologists.

F. In 1969, R. H. Whittaker proposed a five-kingdom classification, which is now favored by many biologists. Whittaker classified organisms in five kingdoms: Animalia, Plantae, Fungi, Protista, and Prokaryota or Monera.

G. The evolution of systematics reflects the creative and dynamic process of science. Systematists have been very responsive to new data, and so classification of organisms is a challenging and continuously changing process.

1. Match the titles (1 — 7) to the paragraphs (A— G).

1. Binominal System.
2. Hierarchy.
3. Five Kingdoms.
4. Changing Process.
5. Prokaryotes and Eukaryotes.
6. Methods of Classification.
7. About Terms.

2. Answer the questions to the Text.

1. What is the difference between systematics and classification?
2. What does ‘binominal system’ mean?
3. Why do scientists use Latin when naming species?
4. What is the difference between prokaryotes and eukaryotes?
5. Do you agree with a five-kingdom classification?

3. Translate the following word combinations.

Многообразные жизненные формы, общаться эффективно, научные исследования, взаимоотношения в ходе эволюции, важный аспект, основанный на сходстве, методы классификации, ненужный для человека, разработать категории, приблизительно распределить, ведет к заблуждению, иерархия групп, гибкая система, биологические знания, отражать процесс.

4. Rewrite these scrambled sentences putting the words in the correct order.

1. Archaeans | isolated | of Yellowstone National Park | were | from the hot | first | sulphur springs.
2. Archaeans | have | on Earth | existed | any other organism | longer than.
3. Why | archaeans | are | interested | in studying | paleontologists?
4. What | say | on primitive Earth | science | about the conditions | does?
5. Survival | in the evolution of | in extreme conditions | resulted | unusual metabolic | has | processes.
6. Researchers | are | in finding out | organisms | how | at extreme temperatures | interested | can live.
7. Enzymes | within a cell | are | for all the metabolic | required | processes.
8. A prehistoric mosquito | be used | in amber | trapped | can | for DNA analysis.

На 3 курсе студенты работают по учебному пособию Л.Н.Шевырдяевой «Английский для биологов Naturally Speaking (B1-B2)» [Шевырдяева, 2018: 74 с.]

In the following text the lines are mixed up. Put them in their proper order. The first and the last lines are in their correct places.

Decaf Coffee Plants Developed

By Sarah Graham

a) For many coffee lovers, their precious beverage comes with an unwanted ingredient: caffeine. As a

b) of Science and Technology in Japan led by Shinjiro Ogita engineered seedlings of *Coffea*

c) report, "the transgenic plants described here should yield coffee beans that are essentially normal

d) decaffeinated coffee straight from the plant. Researchers report today in the journal *Nature* that

e) Three enzymes are involved in making caffeine in coffee plants. Researchers at the Nara Institute

f) technique to *C. arabica* plants, which produce the high-quality Arabica coffee that accounts for 70

g) expensive and sometimes compromise flavor. But scientists may have come up with a way to get

h) decaffeination, in which solvents flush caffeine from the beans. Their next step is to apply their

i) *canephora* in which expression of the gene controlling one of these enzymes -

j) one-year-old GM plants exhibited a 50 to 70 percent reduction in caffeine content. According to the

k) apart from their low caffeine content at maturity."

l) their genetically modified coffee plants have 70 percent less caffeine than regular plants do.

m) The scientists note that their technique could sidestep some of the problems of industrial

n) results, processes have been developed to remove the compound, although current methods are

o) theobromine synthase, or CaMXMT1 - was repressed. Compared with regular plants, leaves from

p) percent of the world market. Of course, it remains to be seen if java lovers will embrace ‘GM joe’.

(From Scientific American, June 19, 2003)

Заключение

Считаем необходимым отметить, что работа над текстом позволяет формировать также и навыки письменной речи. При выполнении того или иного упражнения необходимо продумать, можно ли его выполнить не только в устной, но и в письменной форме, например: обоснование своей позиции, своего мнения, написание рецензии или отзыва на текст, реферирование текста (Summary), аргументация того или иного высказывания выполняются в письменном виде.

Как видим, текст является не только источником новой и интересной для студентов информации, но и основой для развития коммуникативных умений студентов выражать свои мысли на иностранном языке в устной и письменной формах. В этом смысле тексту отводится центральная роль в учебном процессе в вузе, так как текст является лингвистической основой для формирования навыков чтения, усвоения новой лексики, освоения новых грамматических конструкций, а также основой

для развития навыков стилизации текстов, в особенности научных и научно-популярных статей.

Литература

1. Английский язык для направления “Биология” под редакцией профессора Полубиченко Л.В. М.: Издательский центр "Академия" Москва, 2014. 256 с.
2. Биболетова М.З. Обучение иностранному языку в контексте языкового образования в современной языковой школе. Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации: Сборник статей международной научно-практической конференции памяти академика РАО Инессы Львовны Бим. – М.: ТЕЗАУРУС, 2013. – С. 19. с.17, 14-25 с.
3. Зимняя И.А. Понимание как результат рецептивных видов речевой деятельности. Психология и методика обучения чтению на ин.языке. Сб.науч.трудов МГПИИЯ им.Мориса Тореза, 1978. С. 3-13.
4. Иргашева Т.Г. Лингвистика текста как интегрирующая филологическая дисциплина. Журнал “Наука и школа”2011, №3, ISSN Печатный 1819-463x, стр.57, 56-60 с.
5. Львов М.Р. Основы теории речи - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 248, 42 с. ISBN 5-7695-0598-2.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Флинта, Наука, 2007. С.1-9
7. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность/ Под ред. А. А. Миролюбова. - Обнинск: Титул, 2010. - 464 с. И.Л.Бим. Содержание обучения иностранным языкам, 32 с., ISBN 978-5-86866-524-0
8. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в средней школе: Дис. ... д. п. н. - М., 1974.
9. Шевырдяева Л. Н. Английский для биологов Naturally Speaking (B1-B2) (учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е издание, исправленное и дополненное). Москва, Юрайт, 2018. 74 с.
10. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.; Л., 1947. 96 с.

References

1. Anglijskij jazyk dlja napravlenija “Biologija” pod redakciej professora Polubichenko L.V. M.: Izdatel'skij centr "Akademija" Moskva, 2014. 256 s.

2. Biboletova M.Z. Obuchenie inostrannomu jazyku v kontekste jazykovogo obrazovanija v sovremennoj jazykovoj shkole. Teorija i praktika obuchenija inostrannym jazykam: tradicii i innovacii: Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamjati akademika RAO Inessy L'vovny Bim.– M.: TEZAURUS, 2013. – S. 19. s.17, 14-25 s.
3. Zimnjaja I.A. Ponimanie kak rezul'tat receptivnyh vidov rechevoj dejatel'nosti. Psihologija i metodika obuchenija chteniju na in.jazyke. Sb.nauch.trudov MGPIIJa im.Morisa Toreza, 1978. S. 3-13.
4. Irgasheva T.G. Lingvistika teksta kak integrirujushhaja filologicheskaja disciplina. Zhurnal “Nauka i shkola”2011, №3, ISSN Pechatnyj 1819-463h, str.57, 56-60 s.
5. L'vov M.R. Osnovy teorii rechi -M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2000. - 248, 42 s. ISBN 5-7695-0598-2.
6. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. Moskva: Flinta, Nauka, 2007. S.1-9
7. Metodika obuchenija inostrannym jazykam: tradicii i sovremennost'/ Pod red. A. A. Miroljubova. - Obninsk: Titul, 2010. - 464 s. I.L.Bim. Soderzhanie obuchenija inostrannym jazykam, 32 s., ISBN 978-5-86866-524-0
8. Folomkina S. K. Obuchenie chteniju na inostrannom jazyke v srednej shkole: Dis. ... d. p. n. - M., 1974.
9. Shevyrdjaeva L. N. Anglijskij dlja biologov Naturally Speaking (V1-V2) (uchebnoe posobie dlja akademicheskogo bakalavriata. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe). Moskva, Jurajt, 2018. 74 s.
10. Shherba L. V. Prepodavanie inostrannyh jazykov v srednej shkole. Obshhie voprosy metodiki. M.; L., 1947. 96 s.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023
Статья одобрена после рецензирования 19.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 811.134.2

Попова Евгения Андреевна
Evgeniya Popova

Семантические компоненты частотных глаголов плача в испанском языке

Semantic Components of Frequent “Crying” Verbs in Spanish

Аннотация. *В статье исследуются вопросы развития семантики частых глаголов плача в испанском языке на материале этимологических, идеографических и толковых словарей. Цель статьи – выделить компоненты значения, репрезентирующие плач как выражение горестных эмоций (наличие/отсутствие слез, интенсивность и продолжительность звука и др.). Основным методом исследования является семантический анализ 28 глаголов, обозначающих плач, из идеографических и толковых словарей. Глагол llorar («плакать», «лить слезы», «оплакивать», «горевать»), самый нейтральный и частотный в исследуемой семантической группе, является ее ядром. Результаты исследования показывают, что отобранные для анализа глаголы можно разделить на две группы по признаку наличия или отсутствия компонента «слезы» при выражении горестных эмоций. Концептуальный компонент «слезы» выступает главным или второстепенным в определениях большинства синонимов глагола llorar (plañir, lagrimar, lagrimear, encanarse, implorar, sollozar и др.). В семантике ряда глаголов четко выражена идея громкого плача с криком (plañir, berrear, verraquear). Помимо слез выделяются следующие компоненты, присущие анализируемым лексемам: звук (громкий или тихий); причина (горе, скорбь, каприз); физическая манера дыхания (резкая, судорожная); отношение к плачущему человеку. Делается вывод о том, что указанные компоненты являются концептуальными составляющими семантики глаголов плача, что дает основания для дальнейших исследований данной лексико-семантической области в испанском языке, а также для сопоставительного изучения компонентов значения в соответствующих глагольных группа других языков.*

Abstract. *The research deals with the development of semantics of frequent “crying” verbs in Spanish based on etymological, ideographic and explanatory dictionaries. The aim is to single out the conceptual components which represent crying as an expression of sad emotions (presence / absence of tears, intensity and duration of the sound, etc.), in order to outline the range of semantic shades of this concept. Methodologically, we have carried out a semantic analysis of 28 verbs which denote crying, taken from thesaurus and explanatory dictionaries. The verb llorar (“cry”, “shed tears”, “mourn”) is the most neutral and frequent verb in the semantic group under investigation, thus, we consider it the core lexeme. As a result, we have found that the verbs selected for analysis can be divided into two groups according to the presence or absence of tears when expressing sad emotions as a component of their meaning. The conceptual component of tears prevails, being the main or secondary in the definitions of most synonyms of the core verb llorar (plañir, lagrimar, lagrimear, encanarse, implorar, sollozar, etc.). Some verbs presuppose an idea of crying loudly (plañir, berrear, verraquear). Besides tears, we singled out the following components inherent in the analyzed lexemes: sound (loud or quiet); reason (grief, sorrow, misfortune); physical manner of breathing (sharp, convulsive); attitude to the crying person. We consider these components conceptual, forming the semantics of the analyzed verbs. This provides grounds for further investigation in Spanish and possible comparative studies.*

Ключевые слова: *испанский язык, компонент значения, глаголы плача, этимология, семантика*
Keywords: *Spanish language, conceptual component, "crying" verbs, etymology, semantics*

Введение

Лексическая единица «плач» используется для описания физической реакции на определенное эмоциональное состояние и осмысляется как «сложный секретомоторный феномен, который характеризуется выделением слез из слезного аппарата, не вызывая какого-либо раздражения глазных структур» [1] (*a complex secretomotor response that occurs without ocular irritation*) [Patel, 1993]. Считается, что только Homo Sapiens может «производить» слезы в ответ на эмоциональные состояния. По данным Немецкого офтальмологического общества, женщины плачут в среднем от 30 до 64 раз в год, а мужчины – от 6 до 17 раз в год [2]. Неизвестный автор испанского средневекового эпоса «Неполная хроника католических королей» (*Crónica incompleta de los Reyes Católicos*), называет жизнь «долиной слез» (*valle de lágrimas*), поскольку «со слезами мы приходим в мир, с ними в нем живем и, плача, покидаем его» (*con lágrimas venimos al mundo y con ellas en él vivimos, y llorando nos vamos dél*)[3].

Плач в первую очередь является эмоциональным ответом на ситуацию грусти или горя, страданий, хотя человек может плакать и от ярости, бессилия, радости, облегчения… Кроме того, плач не всегда сопровождается слезами, хотя данный компонент присутствует в определении изучаемого понятия. Исследование лингвистической репрезентации концепта ПЛАЧ, таким образом, представляется актуальным: язык изобилует лексическими и фразеологическими единицами, передающими указанную эмоциональную реакцию. Осмысление указанного концепта подразумевает и изучение его культурообусловленных составляющих, связанных с историей и традициями конкретного

[1] Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – *Е. П.*
[2] Women Cry More than Men, and for Longer, Study Finds // The Telegraph, 15.10.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/6334107/Women-cry-more-than-men-and-for-longer-study-finds.html (дата обращения: 01.12.2023).
[3] Crónica incompleta de los Reyes Católicos. Madrid: Academia de Historia, 1934. – 365 p.

общества, которые можно проследить с помощью этимологического анализа языковых единиц.

Цель настоящей статьи – проследить развитие семантики глаголов, обозначающих плач в современном испанском языке и выделить концептуальные составляющие значений единиц указанной группы. Источником материала для исследования служат толковые, идеографические и этимологические словари испанского языка. Отметим, что в отечественном языкознании существует достаточное число работ, посвященное репрезентации плача в разных языках (см., например, статьи и диссертации Н. А. Григорьевой, Д. А. Носова, М. С. Ротовой, Е. В. Сурковой, Ю. А. Товкайло, С. Хакназаровой и др.), однако испанский язык в данном аспекте до сих пор остается неисследованным. Подчеркнем также, что в рамках настоящей работы мы обращаемся только к официальным, авторитетным словарям во избежание народной этимологии, которую испанские лингвисты называют *terraplanismo* (букв. «теория о том, что Земля плоская») [Pons Rodríguez, 2022: 276].

Методика исследования

Плач – психофизиологическая реакция, поэтому в семантике репрезентирующих его глаголов исследователи в наиболее общем виде выделяют два компонента: эмоция (например, печаль) и ее внешнее проявление (звуки, мимические движения, выделение слезной жидкости) [Земичева, 2019]. Становление значений лексем, репрезентирующих концепт ПЛАЧ в разных языках, представляет интерес, поскольку «эмоциональное восприятие действительности, «социологизируясь» в обществе, закрепляется в языке в виде особого слоя эмоциональных значений» [Попугаева, Голубкова, 2022: 115–116]. Таким образом, этимологический анализ позволяет выделить концептуальные составляющие, лежащие в основе семантики исследуемых единиц конкретного языка, и очертить спектр смысловых оттенков указанного понятия.

Для определения синонимического ряда для вербализации концепта ПЛАЧ в испанском языке обратимся к толковым словарям, словарям синонимов и словарям-тезаурусам. Примечательно, что глаголов плача в испанском языке намного больше, чем глаголов смеха / улыбки: при исследовании

концепта СМЕХ в глагольной группе было выявлено всего четыре лексемы, две из которых являются однокоренными [Попова, 2022]. Подобная ситуация наблюдается и в других европейских языках: так, например, Ю.А. Товкайло пишет о плаче как «доминантной основе» русской культуры [Товкайло, 2020, с. 324]; О.А. Гусева делает вывод о превалировании глаголов со плача над глаголами смеха в английском языке [Гусева, 2023]; Е.В. Суркова приходит к аналогичному выводу применительно к немецкому языку [Суркова, 2005]. Исследователи связывают данный феномен с христианским мировоззрением европейских культур и вытекающим из него принципом эсхатологизма: земная жизнь человека наполнена осознанием собственного греха и «рассматривается в аспекте конца как начала – достижения Царства Небесного. Отсюда – приоритет слез и плача по отношению к смеху». На этом длинном пути допустима лишь сдержанная улыбка [Постовалова, 2007: 81].

Основной испанской лексемой с исследуемой семантикой является глагол *llorar*, помимо которого идеографический словарь Р. Дель Мораля включает в глагольную группу плача 18 единиц современного и 2 – устаревшего употребления, а также 34 устойчивых выражения, репрезентирующих данное эмоциональное состояние в разных его проявлениях[1] (отметим, что в русском языке исследователи также выделяют 18 частотных глаголов со значением плача [Ротова, 2009]). Такое же число синонимов (18) предлагает электронный толковый словарь испанского языка Definiciones[2], в котором можно отследить принцип их отбора: все единицы, представленные в лексико-семантической группе, толкуются друг через друга и содержат в дефиниции хотя бы один из «соседних» глаголов. Тем не менее глагольный ряд плача в двух словарях совпадает не полностью. Таким образом, на первом этапе исследования нашей задачей выступает анализ значений и этимологии ядерного глагола *llorar*;

[1] Del Moral R. Diccionario ideológico. Átlas léxico de la lengua española. Barcelona: Herder, 2009. – 664 p.

[2] Sinónimos y antónimos de LLORAR // Definiciones: diccionario electrónico de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: https://www.definiciones-de.com/Sinonimos/de/llorar.php (дата обращения: 01.12.2023).

на втором – создание для него сводного синонимического ряда (за исключением устаревших единиц) исходя из особенностей этих значений; на третьем – выявление семантических компонентов, которые можно считать составляющими изучаемого концепта.

Результаты

Нейтральный и частотный глагол *llorar*, который на русский язык переводится как «плакать», «лить слезы», «оплакивать», «горевать», происходит от латинского *plorāre* с аналогичным значением. На сегодняшний день латинский корень прослеживается во французском *pleurer* и португальском *chorar*. Впервые в испанском языке слово используется в форме *lorar* в XII веке, в героическом эпосе Реконкисты «Песнь о моем Сиде» (*Cantar de Mío Cid*), наряду с его латинским дублетом:

De los sus ojos tan fuertemente ***lorando,***
Tornaba la cabeza y estábalos catando [...] (*Cid, vs. 1–2*)
«Заплакал мой Сид и громко, и горько,
Назад обернулся, на замок смотрит […]»
Exiénlo ver mugieres e varones,
burgeses e burgesas por las finiestras son,
plorando *de los ojos, tanto avién el dolor...* (*Cid, vs. 16a–18*)[1]
«Встречать и мужчины, и женщины вышли.
Весь людный город у окон теснится.
Бургосцы **плачут** в большом унынье…»[2]

Латинский диграф *pl-* с течением времени перешел в испанский *ll-*, однако, с одной стороны, глагол *plorar* сохранился в наварро-арагонском диалекте испанского языка и стал обозначать плач в каталонском языке (его значения полностью совпадают с испанским *llorar*). С другой стороны, корень *plor-* наблюдается в ряде синонимов, репрезентирующих концепт ПЛАЧ – *implorar* и *deplorar*. Оба глагола стилистически

[1] Cantar de Mío Cid // Biblioteca del Centro Virtual Cervantes [Электронный ресурс].URL: https://www.cervantesvirtual.com/portales/cantar_de_mio_cid/obra_ediciones/ (дата обращения: 01.12.2023).

[2] Перевод со староиспанского Ю. Корнеева. По изд.: Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М.: Художественная литература. 1976.

предсказуемо относятся к книжным[1]. Первый в словаре DRAE Испанской королевской академии означает слезную мольбу (*pedir con ruegos o lágrimas*), второй – глубокую скорбь, горевание (*sentir viva y profundamente un suceso*), однако, несмотря на перевод «оплакивать», в его толковании, в отличие от *implorar*, компонент слез отсутствует.

Что касается самого глагола *llorar*, указанный словарь предлагает следующие значения и примеры их актуализации:

1. Derramar lágrimas: ***Llorar*** *lágrimas de piedad* («Проливать слезы: ***Плакать*** *слезами сочувствия*»).
2. Manar de los ojos un líquido: *Me* ***lloran*** *los ojos* («Течь из глаз – о жидкости: *У меня* ***слезятся*** *глаза*»).
3. Dicho de la vid al principio de la primavera: Destilar savia («О виноградной лозе в начале весны: выделять сок»).
4. Sentir vivamente algo: *Llorar una desgracia, la muerte de un amigo, las culpas, los pecados* («Глубоко переживать: ***Оплакивать*** *несчастье, смерть друга, вину, грехи*»).
5. Encarecer lástimas, adversidades o necesidades, especialmente cuando se hace importuna o interesadamente («Жаловаться напоказ на невзгоды или нужду, особенно когда это делается навязчиво или с корыстной целью» ≈ ***плакаться***)[2].

Исходя из приведенных значений, можно выделить следующие представленные в них семантические компоненты:

1) наличие слез / жидкости (значения 1–3 – обязательно, значения 4–5 – необязательно);
2) интенсивность слез / жидкости (средняя);
3) наличие звука (значение 1 – необязательно, значения 4–5 – обязательно, значения 2–3 – отсутствует);
4) интенсивность звука (для значений 1, 4, 5: средняя);
5) характер эмоций (кроме значения 3, в котором эмоции отсутствуют в силу метафорического значения, в каждом случае эмоции определяются по контексту);

[1] Corominas J. Breve Diccionario Etimológico de la Lengua Castellana. Madrid: Gredos, 1987. – 628 p.
[2] DRAE: Diccionario de la Real Academia española [Электронный ресурс]. URL: https://dle.rae.es (дата обращения: 01.12.2023).

6) характер субъекта (значения 1, 4, 5 – конкретный одушевленный, значения 2–3 – конкретный неодушевленный);
7) отношение к субъекту (для значений 1, 4, 5: значение 1 – нейтральное, значение 4 – сочувствующее, значение 5 – негативное или ироничное).

Отдельно стоит обратить внимание на метафорическое значение 3, которое имеет культурологическую составляющую, поскольку появилось с целью вербализации процесса зимней обрезки виноградной лозы, находящейся в спячке. Выделяемая жидкость свидетельствует о пробуждении растения и развитии его жизненной активности, поэтому «плач / слезы виноградной лозы» (*lloro de la vid*) для испанцев означают приход весны[1].

Интересно также отметить, что в семантической структуре глагола *llorar* отсутствует компонент крика, в отличие, например, от английского языка, в котором глагол *cry* изначально передавал идею громкого эмоционального возгласа для выражения эмоций или для привлечения внимания и в современном языке является многозначным (1 – «кричать»; 2 – «плакать»). Согласно данным электронного этимологического словаря etymonline.com, к идее крика, заложенной в лексеме изначально (она существует с середины XIII века), идея плача и проливания слез появилась в его семантике не ранее, чем через сто лет. Составители словаря предполагают, что *cry* мог прийти в английский язык через старофранцузский из вульгарной (*critare*) или классической (*quiritare*) латыни (латинский глагол в обоих вариантах означал «орать, голосить»). К этому же источнику восходит испанский глагол *gritar* – «кричать», который не входит в лексико-семантическую группу плача в связи с отсутствием соответствующих интегральных сем.

В русском языке лексемы *крик, кричать* и их производные восходят к тому же латинскому корню и сегодня существуют с тем же значением, в то время как ядерной лексемой со значением «лить слезы» является глагол *плакать* – от

[1]Ponce P. Qué es el lloro de la vid // The Big Wine Theory, 6.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://thebigwinetheory.com/2017/09/06/que-es-el-lloro-de-la-vid/ (дата обращения: 01.12.2023).

индоевропейского корня *plak – «ударять», «бить». В испанском языке существует синоним глагола *llorar*, образованный от того же корня – *plañir*. В его дефиниции словарь DRAE использует целых три глагола из синонимического ряда плача – ***gemir y llorar, sollozando*** *o clamando* («стонать и плакать, с рыданиями, всхлипами и криками»). Здесь среди компонентов значения мы наблюдаем и интенсивное проливание слез, и конвульсивное дыхание, и громкие звуки – крики. Этимологический словарь Diccionario etimológico del castellano en línea (DECEL) считает его непосредственным источником латинский глагол *plangĕre* с первичным значением «бить», а затем образованным от него «бить себя в грудь». Такими ударами римляне обычно сопровождали проявления боли и скорби.

Следующим значением в латинском языке стало «громко завыть, поддавшись порыву боли и скорби». У римлян, как и у греков, было принято на похоронах нанимать профессиональных плакальщиц, и их число зависело от достатка семьи умершего (а очень богатые семьи могли позволить себе нанимать плакальщиков-мужчин). С растрепанными волосами, покрытыми пеплом, иногда рвущие на себе одежду, они сочетали плач и громкие крики боли с ударами себя в грудь и заламыванием рук в качестве проявления отчаяния[1]. Историко-культурные факторы, таким образом, обусловили наличие в семантике современного глагола *plañir* как компонента слез, так и крика.

К глаголам с ярко выраженной семой слез относятся также *lagrimar – llorar, derramar lágrimas* («плакать, лить слезы»), *lagrimear – segregar lágrimas, gotear* («слезиться, капать»), *hipar – llorar con sollozos semejantes al hipo* («плакать слезами, похожими на икоту» ≈ *всхлипывать*) *sollozar – respirar de manera profunda y entrecortada a causa del llanto* («дышать глубоко и прерывисто по причине рыданий», «рыдать», «всхлипывать»[2]. В последнем глаголе на первый план выходит концептуальная составляющая, связанная с дыханием и горловыми звуками (громкими при рыданиях и тихими при всхлипываниях), что

[1] DECEL: Diccionario Etimológico Castellano en Línea [Электронный ресурс]. URL: http://etimologias.dechile.net (дата обращения: 01.12.2023).
[2] DRAE: Diccionario de la Real Academia española [Электронный ресурс]. URL: https://dle.rae.es (дата обращения: 01.12.2023).

вновь находит отражение в этимологии слова. В его истории прослеживается пересечение двух латинских источников: *subgluttire* – «глотать с трудом» (от индоевропейского корня *gwel – «глотать») и *singultus* икающий или хлюпающий звук, издаваемый плачущим человеком[1]. Разговорным синонимом данного глагола является *zollipar*. Еще один испанский глагол, сочетающий компоненты интенсивного горлового звука и слез, – *encanarse*, однако его значение выходит за границы концептуализации плача, поскольку, в первую очередь, сосредоточено на силе эмоций и включает возможность реакции как на горестное, так и на радостное событие: *pasmarse o quedarse envarado por la fuerza del llanto o de la risa* («захлебываться от рыданий или смеха»)[2].

Две лексемы – *berrear* и *varraquear* (с вариантом написания *verraquear*), включенные в синонимический ряд словарем Р. дель Мораля и отсутствующие в словаре Definiciones, означают «реветь», если речь идет о детях, однако появились они как вторичные, посредством метафорического переноса по сходству со звуками, которые издают животные: согласно словарю DRAE, первое значение глагола *berrear* – «мычать, реветь (о молодых бычках, телятах)» (*Dicho de ciertos animales, como el becerro: Dar berridos*), *verraquear* – «хрюкать, рычать, ворчать (о животных)» (*gruñir*). Отметим, что помимо общих компонентов слез, интенсивного непрекращающегося громкого звука (*llorar continuadamente*) и четко указанного субъекта – ребенка (*dicho de un niño*) оба глагола имеют ярко выраженную сему, характеризующую эмоцию гнева, злости: *berrear* означает «плакать сердито» (*llorar desaforadamente*), *verraquear* – «гневно, со злостью» (*llorar con rabia*).

Рассмотренные глаголы включают обязательную сему слез и являются синонимами первых двух значений ядерной лексемы *llorar*. Вместе с тем, синонимы значений 4 («скорбеть», «оплакивать») и 5 («плакаться, жаловаться») зачастую не предполагают наличия слез, зато богаты оценочной семантикой.

---

[1] Corominas J. Breve Diccionario Etimológico de la Lengua Castellana. Madrid: Gredos, 1987. – 628 p.
[2] Там же.

Первое из упомянутых значений выстраивает следующий синонимический ряд: *arrepentirse* – «раскаиваться», *suspirar* – «вздыхать» (с сожалением о чем-либо), «тосковать», *condolerse* – «соболезновать», *conmoverse* – «растрогаться», *deplorar* – «оплакивать», *emocionarse* – «расчувствоваться», *lamentar, sentir* – «сожалеть»[1], из которого словарь Р. дель Мораля включает только *deplorar*. Почти все приведенные лексемы имеют сему сочувствия или сожаления в своей внутренней форме.

Второе из указанных значений (№ 5 глагола *llorar*) предполагает отрицательную оценку действий субъекта, а его синонимы актуализируют ее с помощью внешних элементов – диминутивных суффиксов. *Lloriquear* – «хныкать», то есть «плакать не сильно и без особой причины» (*llorar sin fuerza y sin bastante causa*) имеет в своем значении также компонент «прерывистый звук», отсутствие компонента «интенсивность / громкость» и, несмотря на глагол *llorar* в дефиниции, как правило – отсутствие слез.

Похожее значение – «плакаться», «жаловаться», «ныть» (без слез), с единственной разницей по признаку непрерывности звука, имеет глагол *gemiquear* и его варианты *jimiquiar* (Доминикана) и *jeremiquear* / *jirimiquear* (Куба, Пуэрто-Рико, Мексика и Гватемала)[2]. Диминутивы в данном случае не только «снизили» интенсивность звучания (оставив монотонность), но и привнесли в значения глаголов компонент негативного отношения: словарь DRAE определяет их друг через друга, также используя в дефиниции глагол *gimotear*, который, с пометой «уничижительное» имеет значения «постоянно и негромко стонать по надуманной причине» (*gemir con insistencia y con poca fuerza, por causa leve*) и «имитировать плач жестами и вздохами, без самого плача» (*hacer los gestos y suspiros del llanto sin llegar a él*).

Основой для приведенных лексем является глагол *gemir* (от лат. *gemĕre* – «вздыхать», «стонать», «стенать»), который

[1] Sinónimos y antónimos de LLORAR // Definiciones: diccionario electrónico de la lengua española [Электронный ресурс]. URL: https://www.definiciones-de.com/Sinonimos/de/llorar.php (дата обращения: 01.12.2023).
[2] Corominas J. Breve Diccionario Etimológico de la Lengua Castellana. Madrid: Gredos, 1987. – 628 p.

исторически использовался в молитвах. В современном испанском языке значение глагола вышло за пределы концептуализации мольбы и скорби: дефиниция словаря DRAE – «издавать звуки, выражающие боль, сожаление или сексуальное удовольствие» (*emitir sonidos que expresan dolor, pena o placer sexual*). Тем не менее основными компонентами его значения остаются конвульсивное дыхание и монотонный интенсивный звук при отсутствии слез. Таким образом, лексемы данной подгруппы можно использовать и с целью иронии или сарказма, характеризуя действия человека, который выпрашивает что-либо нытьем – имитирует мольбы. Примечательно, что, кроме единиц *lloriquear* и *gemir*, в словаре Definiciones они не представлены. Словарь Р. дель Мораля также включает в гдагольную группу плача синонимы *gemir – himpar / jimpar / jipiar*, означающие «стенать с икотой» (*gemir con hipo*), и вместо семы монотонности имеющие компонент прерывистого звука, а также *pujar* – «изображать плач, делать плаксивое лицо» (*hacer gestos o ademanes para prorrumpir en llanto*), относящийся к разговорной речи[1].

Выводы

Отобранные из двух словарей глаголы, концептуализирующие плач, можно, с одной стороны, условно разделить на две группы согласно признаку наличия или отсутствия слез при выражении горестных эмоций. В первую группу, помимо ядерной единицы *llorar*, входят следующие: *plañir, lagrimar, lagrimear, encanarse, implorar, sollozar, zollipar, hipar, berrear, varraquear / verraquear* – о человеке; *destilar, segregar, manar, gotear* – о собственно слезах. Вторая группа включает слова *deplorar, arrepentirse, suspirar, condolerse, conmoverse, emocionarse, lamentar, sentir*, а также *lloriquear, gemir, gemiquear / jimiquiar, jeremiquear* / *jirimiquear, gimotear, himpar / jimpar, jipiar, pujar.*

Сводный список двух словарей позволяет сделать вывод о равном количестве слов (14) в каждой группе. Несмотря на это, можно также утверждать, что концептуальная составляющая слез

[1] DRAE: Diccionario de la Real Academia española [Электронный ресурс]. URL: https://dle.rae.es (дата обращения: 01.12.2023).

у глаголов плача превалирует, поскольку у многих лексем второй группы наличие слез в значении является возможным, хотя и не обязательным. Исключение составляют слова, в значении которых четко указано их отсутствие, например – *gemir, gemiquear, gimotear*. Следует также отметить, что прямыми, первичными значениями *llorar*, выражающими физическую реакцию плача, являются значения 1 и 2, а остальные появились на их основе, что дает основание называть компонент «слезы» основной интегральной семой для репрезентации концепта ПЛАЧ.

Таким образом, более наглядной нам представляется классификация, основанная на синонимических рядах, согласно семантике ядерного глагола группы – *llorar*. Ниже мы приводим таблицу (Таблица 1), в которой собраны его синонимы по четырем значениям (мы объединили метафорическое значение 3 со значением 2 в силу неодушевленности объекта).

Таблица 1. Лексико-семантическая группа испанских глаголов плача

Llorar – «плакать»			
«Проливать слезы»	«Течь» / «слезиться»	«Скорбеть» / «оплакивать»	«Плакаться» / «жаловаться»
plañir *lagrimar* *lagrimear* *encanarse* *implorar* *sollozar* *zollipar* *hipar* *berrear* *varraquear / verraquear*	*destilar* *segregar* *manar* *gotear*	*deplorar* *arrepentirse* *suspirar* *condolerse* *conmoverse* *emocionarse* *lamentar* *sentir*	*lloriquear* *gemir* *gemiquear / jimiquiar* *jeremiquear / jirimiquear* *gimotear* *himpar / jimpar* *jipiar* *pujar*

Из таблицы видно, что первая группа глаголов с выраженной, основной семой проливания слез является самой многочисленной, что подтверждает ее приоритет в исследуемой лексико-семантической области.

Заключение

Семантический и (в ряде случаев) этимологический анализ лексем, репрезентирующих концепт ПЛАЧ в испанском языке, позволил выделить следующие компоненты их значений: наличие слез (может быть ключевым компонентом дефиниции); наличие звука (громкого или тихого, монотонного или прерывистого); наличие причины плача = выражаемая эмоция; физическая манера дыхания (резкие, конвульсивные вдохи-выдохи); оценочность по отношению к плачущему (по внешнему виду или по звуку). Указанные компоненты, на наш взгляд, можно считать концептуальными составляющими семантики испанских глаголов плача.

В этой связи для дальнейшей работы перспективными представляются, с одной стороны, подробный анализ семантической структуры лексем-«представителей» выделенных в изучаемой группе синонимических рядов и когнитивных оснований их значений, а с другой – изучение концепта ПЛАЧ на материале других частей речи и устойчивых выражений. Интересен также сопоставительный аспект исследования вербализации плача и его лингвокультурной специфики в разных языках.

Литература

1. Гусева О. А. Становление концепта ПЛАЧ в английском языке (опыт этимологического анализа) // Когнитивные исследования языка. Вып. 4(55). Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. 19–21 сентября 2023 г. / отв. ред. вып. О.А. Турбина. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. – С. 707–710.
2. Земичева С. С. Эмоциональные концепты «ПЛАЧ» и «СМЕХ» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. – С. 116–129.
3. Попова Е. А. Язык смеха в испанской лингвокультуре: лексика, сочетаемость, идиоматика // Вокруг смеха за шесть языков: Коллективная монография. Москва: Триумф, 2022. – С. 117–151.
4. Попугаева М. В., Голубкова Е. Е. Передача положительных и положительно направленных эмоций средствами

цветообозначений в английской прозе // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 3 (39). С. 114–123.
5. Постовалова В. И. «Смех» и «слезы» в православном миросозерцании // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. – С. 70–88.
6. Ротова М. С. Обозначения плача в современном русском языке // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2009. № 5(5). – С. 43–46.
7. Суркова Е. В. Гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей: на материале современной массовой литературы России и Германии. Дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. – 191 с.
8. Товкайло Ю. А. 2020. Функционально-семантические особенности образных сравнений смеха и плача // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, №4. – С. 323–343.
9. Patel V. Crying behavior and psychiatric disorder in adults: a review // Comprehensive Psychiatry. 1993. No 34. – Pp. 206–211.
10. Pons Rodríguez L. El español es un mundo. Barcelona: Arpa & Alfil Editores, S. L., 2022. – 285 p.

References

1. Guseva, O. A. 2023. Development of the CRY Concept in the English Language: Etymological Analysis. Cognitive Studies of Language. Vol. 4(55): Cognitive Linguistics in the context of Modern Science: Papers of the International Cognitive Linguistics Conference held 19–21 September 2023 / Volume’s editor-in-chief O.A. Turbina. Chelyabinsk: South Ural State University. – Pp. 707–710. (In Russ.)
2. Zemicheva S. S. 2019. Emotional Concepts “Crying” and “Laugh” in the Discourse of the Folk-Speech Culture Keeper. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. Vol. 18, no. 3. – Pp. 116–129. (in Russ.)
3. Popova, E. A. 2022. *Yazyk smekha v ispanskoj lingvokul'ture: leksika, sochetaemost', idiomatika* [Language of laughter in Spanish linguistics and culture: vocabulary, collocations, idioms]. *Vokrug smekha za shest' yazykov: Kollektivnaya monografiya* [Around laughter in six languages: Collective monograph]. Moscow: Triumph. – Pp. 117–151. (In Russ.)
4. Popugayeva M. V., Golubkova E. E. 2022. Conveying positive and positively directed emotions by means of colour designations in English

prose. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki* [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. Vol. 3, no. 39. – Pp. 114–123.

5. Postovalova, V. I. 2007. *«Smekh» i «slezy» v pravoslavnom mirosozercanii* ["Laughter" and "tears" in the orthodox picture of the world]. *Logicheskij analiz yazyka: Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language: linguistic mechanisms of the comic]. Moscow: Indrik. – Pp. 70–88. (In Russ.)
6. Rotova, M. S. (2009). The Expressions of Weeping in Modern Russian Language. *Nauchnyj Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya»* [Vestnik of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and Intercultural Communication]. 5(5). – Pp. 43–46. (In Russ.)
7. Surkova, E. V. 2005. *Gendernye osobennosti avtorskoj reprezentacii emocij personazhej: Na materiale sovremennoj massovoj literatury Rossii i Germanii* [Gender peculiarities of representating the characters' emotions by the author: based on the material of modern mass literature in Russia and Germany]. PhD in Philology. Volgograd. – 191 p.
8. Tovkaylo, Yu. A. 2020. Functional and Semantic Features of Laughter and Crying Figurative Comparisons. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern Studies of Social Issues]. Volume 12. Number 4. – Pp. 323–343.
9. Patel, V. 1993. Crying behavior and psychiatric disorder in adults: a review. Comprehensive Psychiatry. 1993. No 34. – Pp. 206–211.
10. Pons Rodríguez L. El español es un mundo. Barcelona: Arpa & Alfil Editores, S. L., 2022. – 285 p.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023
Статья одобрена после рецензирования 28.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 811.111:81’373.72

Федуленкова Татьяна Николаевна
Tatiana Fedulenkova

Phraseologisation as a Means of Development of Business Terminology

Фразеологизация как средство развития деловой терминологии

Аннотация. *Любопытный феномен наблюдается в современной английской деловой терминологии. Около 39% терминов, зарегистрированных в словаре делового английского языка Longman (LBED) под редакцией М. Мерти, могут иметь фразеологический статус, что объясняется очевидным семантическим переносом по крайней мере одного из компонентов термина. Исследование направлено на выяснение взаимосвязи между терминологией и фразеологизмом среди бизнес-терминов, с одной стороны, и между группами бизнес-терминов разной степени идиоматичности.* ***Объектом*** *исследования является деловая терминология, извлеченная в основном из словаря делового английского языка LBED.* ***Предметом*** *исследования является (а) разграничение нефразеологических терминов и терминов идиоматической природы, (б) выявление вариативности в сфере деловой терминологии фразеологического характера, которая не нарушает ее идентичности.* ***Теоретическая основа*** *исследования охватывает следующие пункты: (а) теория термина, предложенная В.М. Лейчиком, (б) теория английской фразеологии, созданная А.В. Куниным и введенный ученым в языкознание* ***метод*** *фразеологической идентификации, (в) новаторская теория фразеографии, предложенная А.В. Куниным и развитая выдающимся английским лингвистом А.П. Кауи.* ***В результате*** *исследования решаются следующие задачи: (а) выявление процентного соотношения нефразеологической терминологии и идиоматической терминологии, (б) дифференциация ФЕ-терминов по степени переосмысления прототипа, (в) выявление около четырехсот пар лексических вариантов ФЕ-терминов, сохраняющих свою идентичность в качестве деловых терминов.*

Abstract. *A curious phenomenon is observed in Modern English business terminology. About 39% of terms registered in The Longman Business English Dictionary (LBED) edited by M. Murthy may be ascribed a phraseological status which is explained by the evident semantic transfer of at least one of the term components. The research is* ***aimed*** *at finding out the co-relation between terminology and phraseology among business terms on the one hand and between the groups of business terms of different degree of idiomaticity.* ***The object*** *of the study is business terminology extracted mainly from The Longman Business English Dictionary.* ***The subject*** *of the study is (a) differentiation of non-phraseological terms and terms of idiomatic nature, (b) finding out variability in the sphere of business terminology of phraseological nature that does not contradict the PU-term identity. The* ***theoretical background*** *of the research embraces the following items: (a) the theory of the term suggested by V.M. Leichik, (b) the theory of English phraseology created by A.V. Kunin and the* ***method*** *of phraseological identification introduced by the scholar into linguistics, (c) the innovative theory of phraseography proposed by A.V. Kunin and maintained by A.P. Cowie, the outstanding British linguist. The* ***research results*** *in the following issues (a) revealing the percentage co-relation between non-phraseological terminology and idiomatic terminology, (b) differentiating PU-terms according*

to the degree of semantic transfer, (c) finding out about four hundred pairs of lexical PU-term variants retaining their identity as business terms.

Ключевые слова: *терминология, фразеологическая единица, полное и частичное переосмысление, вариативность, идентичность*

Key words: *terminology, phraseological unit, full and partial meaning transfer, variability, identity*

Introduction

Phraseologization alongside with PU ambiguity is the most pressing issue of modern terminology [Куликова, 2020; Федуленкова, 2023a; see also: Бахматов, 2019; Кононова, 2020]. ***The object*** of the study is business English phraseological terms that were extracted from a number of modern dictionaries of business, banking and finance, mainly from *The Longman Business English Dictionary* edited by M. Murthy[1]. ***The subject*** of the research is (a) to find out the PU-terms that were formed on the basis of full transfer of component meaning, (b) to find out the PU-terms that were formed on the basis of partial transfer of component meaning and (c) to find out the quantity and percentage of variable terminology of phraseological nature.

In order to achieve the research aim, a set of innovative ideas in the sphere of Phraseology and Terminology and methods of their studies were employed, namely: a) Alexander V. Kunin's method of phraseological identification [Kunin, 1996: 38-40], that makes it possible to adequately identify a phraseological unit and describe its place in the system under study, taking into account the asymmetry inherent in this linguistic sign; b) Vladimir M. Leichik's terminological theory [Leichik, 2009], that helps to specify terminological word combinations; c) Vladimir D. Arakin's idea on modelling a two-component word combination [Arakin, 1983]; d) Anthony Paul Cowie's idea on contextual phraseological studies [Cowie, 1998; 2000].

A set of other reliable methods was used in the research including macro-paradigmal and non-paradigmal methods and techniques in linguistics as qualified by Z.I. Komarova [Комарова, 2018: 381-630], i.e. method of phraseological description,

[1] Murthy Michael. (Ed.) Longman Business English Dictionary. – Harlow: Pearson Education Ltd, 2007. – 596 pp. = [LBED].

componential analysis of phraseological units, definition techniques, quantitative analysis, etc. Corpus approach to the study of terminology of phraseological origin was also employed [Юсипова, 2022; see also: Юсупова, 2022].

Besides, the idea of the corpus compilation method was partly borrowed from A. Khamkhien and S. Wharton [Khamkhien & Wharton, 2020] and Gabrijela Buljan and Lea Maras [Buljan & Maras, 2021] as well as some other new methods in phraseological studies were appealed to [Fiedler, 2007; Simpson-Vlach & Ellis, 2010].

The study is also motivated by urgent pragmatic needs to modify business terminology for the ESP classroom [Tangpijaikul, 2014; Fedulenkova, 2021], taking into consideration: a) the so-called 'holistic' nature of 'formulaic language' [Wood, 2015; Siyanova-Chanturina, 2015; see also: Buerki, 2019; Mel'čuk, 2021]; b) the academic requirements for developing Business English competences in modelling different types of business discourse associated with phraseological terminology [Siegel & Shim, 2005; Левченко, 2023]; c) the study of key concepts in information and communication technology [Cartwright, 2005; Жирова, 2020] with the view of their modelling and employing their pragmatic functions.

Set non-phraseological expressions VS phraseological units

The first step of our investigation deals with separating 'sheep from the goats' (as The Bible runs), i.e. we concentrate on how to sift out phraseology proper from the whole bulk of business terminology. To achieve that purpose we consider it effective to appeal to the semantic analysis based on definitions that the business terms are supplied with in dictionary entries.

Let us take for instance a banking term ***bank bill***, that is defined in the dictionary entry by means of the same words 'bill' and 'bank' which testifies to the fact that the meaning of the term under analysis is quite transparent, showing no trace of any semantic transfer:

bank bill [C] – a *bill* of exchange given by a bank and instructing another *bank* to pay money to someone (LBED, p. 47). The context shows the true meaning of the term:

"I did not commit fraud," Andrews said in an interview. "I did not commit forgery. It was a sting operation where a Maricopa

County police officer forged my name and testified against me. I was convicted on a lie." # Andrews's recent difficulties with the SEC stem from his alleged wooing of Nashville investor Leigh S. Stelmach to invest $ 1.5 million in a prime ***bank bill*** of exchange. Stelmach was told he would make an annual return of at least 50 percent from trades of the bill. # But when the money went into Fulcrum's corporate account, it was used not to buy a bill of exchange. (COCA)[1]

Let us see the accounting term ***sales budget***, which dictionary definition – through the identical lexeme 'sale' and the lexeme 'money', belonging to the same thematic field as 'budget' – makes it quite evident that the term *sales budget* does not belong to phraseology as the meaning of its components retains within the frame of terminology:

sales budget ACCOUNTING – the amount of *money* that a company expects to receive from the *sale* of goods and services during a particular period of time… (LBED, p. 61). The actual meaning of the term may be illustrated by the following context:

When I had just started on of my first "real" jobs as a product manager in a food distribution company. The first salesman I worked with (in his mid-50's) had been named "salesman of the year". His reward? they increased his ***sales budget*** (i.e. his yearly goal) 25%. He told me he had worked harder than he ever had in the previous year, there was no way he could hit his new numbers. He was defeated before he even started. <…> I'm now in my 50's and have been unemployed or underemployed all thru the 00's. I would have like to have retired at the position I held in 1999. (COCA)

The same method is applied to the analysis of the finance term ***credit market*** supplied by the definition that includes either the same word (market) or the word used under the same thematic umbrella (borrowing money, bank loans, bonds), cf.:

credit market [C] – FINANCE a *market* for *borrowing money* in the form of *bank loans*, *bonds*, etc. (LBED, p. 324). The direct term meaning is confirmed by the COCA context:

[1] COCA = Corpus of Contemporary American English [Electronic resource] URL: https://www.english-corpora.org/coca / (date of access: 09.03.2023).

In the September issue of the Catella Real Estate Debt Indicator (CREDI), the Main Index increases from 41.8 to 49.8, the strongest result since the autumn of 2015. # “In this year’s third CREDI survey, we see an improvement in the CREDI Main Index, from 41.8 to 49.8. This is the highest index value in two years, and marks the second largest improvement in the history of CREDI. Listed property companies have a very positive view of the development of the ***credit market***, due to factors such as improved access to bank loans and reduced credit margins. In addition, property companies and banks agree that credit duration has increased,” says Martin Malhotra, Project Manager at Catella. (COCA)

Practically the same result is achieved by the comparison of the terms and their dictionary explanatory notes in the cases like these: ***money market*** [C] – FINANCE a *market* for borrowing *money* over short periods of time in the form of commercial papers, treasury bills, etc. (LBED, p. 325); ***property rights*** – LAW the *right* to own and make a profit from *capital*, *land*, etc. (LBED, p. 468); ***borrowing powers*** – FINANCE *powers* that are given to the directors of a company by its shareholders to *borrow* money (LBED, p. 405). Thus, through the definition technique it is possible to differentiate business terms into set non-phraseological expressions, on the one hand, and into those terms that have acquired the status of phraseological units.

The quantitative analysis of the terms in LBED reveals the percentage co-relation between non-phraseological terminology and idiomatic terminology that stands as 61% to 39% of the total terminological stock in the field under study.

Idiomatic business terminology

The next stage of our research consists in the analysis of business terms belonging to phraseology and its differentiation into idioms and phraseological collocations.

Idiomatic business terms is far from being a rare occasion in Modern English. The semantic analysis shows that every tenth business term embraced by *The Longman Business English Dictionary* is of idiomatic character. In other words, the components of such terms have lost their original meaning and have ceased to be structural and semantic elements of a variable combination of words. For example:

(a) ***golden handshake*** [C] *BrE* – HUMAN RESOURCES a large amount of money given to a senior employee when he or she

leaves a company, especially when they are being forced to leave <…>. (LBED, p. 235);

(b) ***black hole*** [C] – COMMERCE a business activity or product on which large amounts of money are spent, but that does not produce any income or other useful result: *Anyone who launches a bid for the company will want to be sure there are no more black holes lurking in its books* (LBED, p. 48);

(c) ***red chip*** [C usually plural] – a share in a Chinese company that is listed on the Hong Kong stock market: *Hong Kong made strong gains in response to a surge in red chips* (LBED, p. 89);

(d) ***white elephant*** [C] – something that is completely useless, even though it cost a lot of money: *The hotel is unfinished and structurally unsound – a white elephant of epic proportions* (LBED, p. 582);

(e) ***equity kicker*** [C] – FINANCE when a company raises money by issuing debt, with the right for investors of the debt to exchange it at a later date for shares in the company, perhaps with a right to buy shares at a lower price than usual: *16 Japanese debt issues with equity kickers were brought to market in April alone* (LBED, p. 182).

From hundreds up to thousands of national corpora contexts display the idiomatic character of the business terms under study, cf.:

(a) # When Thorp finally did part company with Davis, giving the coach a lucrative ***golden handshake*** in the process, it was too late. The rot had set in. The Tar Heels wasted one season under an interim coach and now face a long road back under Larry Fedora. # At this point, Thorp has to hope his legacy will be the twin hires of Bubba Cunningham and Fedora. So far, Cunningham has proven a consummate professional who is moving slowly but steadily to shore up compliance, academic support and other areas of concern within the athletic department. (COCA)

(b) # Riverkids started to a large degree when my husband and I adopted four children from Cambodia, an international trans-racial adoption. Two of our kids had been trafficked specifically for adoption, and in the decade since, I've become incredibly cynical about the adoption industry, and to a lesser degree about adoptive parents. It's not a triangle – it's a ***black hole*** of money and desire coming from

wealthier and socially more powerful adoptive parents distorting what adoption could be, a blessing in tragedy. # (COCA)

(c) <…> the money it raises to buy shares of other companies. First Financial's own stock trades on the New York exchange (symbol: FF), just as though it were an industrial company. <…>. Last week it was trading at a premium of 5 percent, well below its peak premium of 25 percent in November. A year ago, however, it was trading at a discount of 5 percent. <…>. As for individual financial stocks, here is what some smart stock pickers like: # First Savings Bank of Washington Bancorp. (FWWB), based in Walla Walla, is recommended by ***Red Chip*** Review, a specialist in small-cap companies, for its "shareholder-value orientation". (COCA)

(d) Because the state has been unable to hire the hundreds of psychiatrists, therapists, nurses and technicians this gem of a hospital requires, there are fewer than 400 patients here, leaving about 1,100 desperately needed beds sitting empty. # One politician calls it a sumptuous ***white elephant***. # "Talk about wasteful spending", said Sen. Jackie Speier, D-Hillsborough, who is closely involved in overseeing prison issues. She called the hospital a fiasco that, in her view, is a perfect symbol of the state's poor planning and poor use of resources". (COCA)

(e) <…> it is great that East London show is growing fast as a startup hub in its own right <…> major tech companies opening offices in the area will help <…> the manager must be set up to make great investments not simply to invest the money quickly and in tiny amounts. Insistence on matching public investment with private funds would also be a good idea. # <…> Great to see the government actively supporting the startup ecosystem The ***Equity Kicker*** # ... you live in the UK you probably saw the announcement from the Prime Minister last week that the government here wants to build a tech cluster in East... # (COCA)

Thus, by means of definition techniques and contextual analysis we find out that complete idiomaticity is characteristic of 33% of business terminology under study.

Phraseological business terms with partial meaning transfer

The majority of business terminology is presented by phraseological units with partial meaning transfer, which is made

evident by their entry definitions, when one of the PU-term components is repeated in the wording of the corresponding dictionary explanation as in (a) and (b), or when it belongs to the same thematic field, as in (c), cf.:

(a) ***sinking fund*** [C] – a *fund* into which regular payments are made so that future expenses can be paid: The building's management company set up a sinking fund to which all flat owners contributed to pay for repairs (LBED, p. 224);

(b) ***depressed area*** – an *area* in a large city or a part of a country where houses and other buildings are in a bad condition, the level of unemployment is high, and a lot of people are poor <…>. (LBED, p. 25);

(c) ***harvesting strategy*** – COMMERCE a *method* for keeping as much profit as possible from a business or activity and investing as little as possible in it (LBED, p. 524).

The numerous corpora contexts illustrate their frequent use in business discourse, cf.:

(a) Reducing the amount of Exchequer Bills outstanding, thereby mopping up excess market liquidity, was an important precondition for the subsequent return to the gold standard. # In addition to the 822 million of debt held by the public, the government had since 1786 built up a ***sinking fund***, intended to accrue at compound interest and allow the debt to be redeemed within 45 years <…>. (COCA)

(b) Hazen raises cattle and corn, but he's known for a long time that his land is rich in phosphate. He recently formed a company in order to mine his land and four neighboring properties. JACK-HAZEN): This county and the adjoining county that this phosphate's in is poor counties. And I came to the conclusion that we would work roughly 200 people. That is the only reason I decided to phosphate this land. LAURA-NEWBERRY): Phosphate mining might benefit some workers in this economically ***depressed area*** of Florida, but some local activist Jim Tatum says that the environmental cost of a phosphate mine is not worth a few jobs. (COCA)

(c) # Careful offering tax advice there – I don't think the IRS has come down on whether swapping between ETFs that track the same index actually avoids wash-sale rules. "Substantially similar" securities [are not to] be used for tax harvesting. <…> I lead the

development of the tax-loss ***harvesting strategy*** at Wealthfront. Just want to clarify how we swap ETFs – When we detect a harvesting opportunity, we sell the ETF at loss and buy another ETF that tracks a different but highly correlated index. The consensus among the tax experts we consulted is that ETFs tracking different indices are not "substantially identical" as far as IRS wash-sales rule concerns. (COCA)

Thus, by means of definition techniques and contextual analysis we find out that partial meaning transfer is characteristic of 66% of business terminology under study.

Variability in Phraseological business terms VS their identity

The structural and semantic analysis of the business terms under study reveals active lexical variability of their components (see also: [Басова, Федуленкова, 2023]). The quantity of the variable PU-terms extracted from business dictionaries and national corpora results in 400 pairs.

Variability of the first component, or *adjunct* [Аракин, 2005: 162-163], in PU-terms is quite regular, which allows its differentiation into following lexical sub-types:

1) variability of Noun components:

press baron *also* ***media baron*** – someone who owns several newspapers and is therefore important and has a lot of influence: *A British-born drug baron was jailed for 15 years yesterday* (LBED, p. 41);

fishbone diagram *also* ***ishikawa diagram*** – a drawing that is used for finding the most likely causes for a problem or an unwanted effect (LBED, p. 151);

2) variability of Adjective components:

cold call *also* ***blind call*** – MARKETING if someone who is selling something makes a cold call or a blind call, they telephone someone they have never spoken to before to offer them a product or service (LBED, p. 69);

3) variability of Participle-1 components:

shipping agent also ***forwarding agent*** COMMERCE – a person or company that organizes the documents, insurance etc. necessary goods (LBED, p. 15);

4) variability of Participle-2 components:

indexed bond *also* ***stabilized bond*** – a bond issued by a government where the interests rate follows changes in the consumer price index (=the rate of increase of prices of goods that people buy) (LBED, p. 52);

5) variability of Participle2 and Adjective components:

naked contract *also* ***nude contract*** – a futures contract or options contract where the seller does not own the related shares etc. (LBED, p. 112).

The quantitative study of the corresponding dictionary entries shows that variability of the second component, or *kernel*, in PU-terms is not so regular, on the contrary it is rather sporadic:

shopping bot *also* ***shopping agent*** a piece of software that searches the internet for products that you can buy, and compares prices: *If you are shopping online, use the shopping bot to get a better deal* (LBED, p. 55).

The quantitative analysis reveals that, as a rule, a PU-term has two lexical variants that do not break its identity as a language sign, cf.:

online banking *also* ***electronic banking*** a service provided by ***banks*** that allows people to pay money from one account to another, pay bills etc. over ***the internet***: *with electronic banking, consumers can pay credit card, utility and other bills and check their bank accounts using their PC* (LBED, p. 39). Compare the contextual illustrations:

(1) # Meanwhile, as documented in the 2009 collection SMS Uprising, efforts by threatened governments to control the spread of information by text have also multiplied in tandem with the technology. <…>. Elsewhere in Africa, governments have had SMS services shut down completely in times of crisis. # Afghanistan provides a lively example of the potential of another SMS-based service to reduce corruption: mobile banking. While in the West, ***online banking*** is mostly a matter of convenience, the potential of mobile banking—in countries where it can reach sufficient scale—to increase transparency across the Global South could prove far more meaningful. # (COCA)

(2) # Taxes on individuals and businesses, which change frequently and with little notice, can be confiscatory. Romania, for instance, has a tax rate of 64% on income above $ 400 a month. # It

can still take hours to get an international telephone line in the Czech Republic. Hungarian telephone directories are at least 20 years out of date. Mail delivery is dicey everywhere. # In most places, businesses still can't write or accept checks because banks don't offer checking or ***electronic banking*** services. # (COCA)

As to the three varieties of the same business term of phraseological nature, they are quite rare which may be explained by certain limits in the domain restricted by the local varieties of English, cf.:

small ad also ***classified ad*** *BrE*, ***want ad*** *AmE* – an advertisement put in a newspaper by someone wanting to buy or sell something: *He got his first clients through the small ads he put in the newspaper* (LBED, p. 8), e.g.:

(1) # The LP market is, of course, dwarfed by the CD market. Is there a renaissance in the making? # Item: A mail-order company, Acoustic Sounds, was founded by an LP collector, Chad Kassem, about 10 years ago, selling rare vinyl with a ***small ad*** in Audio magazine. The company now has 12 employees and 25,000 customers, and distributes 135,000 copies of its catalogue. It expects to sell $2 million worth of LP's this year, one-third of them classical. Mr. Kassem has also begun his own label, Analogue Productions, offering pressings of historic recordings. # (COCA)

(2) # "Criminal liability can not constitutionally be imposed on a website merely for providing a forum for speech that some individuals misuse for sex trafficking," the company said in its 23-page complaint. "Given the enormous volume of third-party content they receive and disseminate every day, websites can not possibly review every post to guarantee nothing is unlawful." # Backpage hosts online ***classified ad*** pages for more than 400 U.S. cities. The ads range from car sales and rooms for rent to an "adult" section with postings for massages, sexual fetishes and escorts. (COCA)

(3) A FRIEND of mine owns a one-man computer firm specializing in the design and construction of Internet Web sites <…>. From time to time he contracts for more work than he can handle, and then he posts an electronic ***want ad*** stating the number of lines of computer code to be written, the requisite computer language, the specific functions of the program being built, and the pay he's offering per line. (COCA)

The fact that PU-terms are given in the same dictionary entry and with the same meaning, i.e. defined identically, makes it evident that those terms are not different phraseological units because their *identity* retains (see also: [Федуленкова, 2023б]). By means of the complex componential structural-semantic analysis about four hundred pairs of lexical PU-term variants were found retaining their identity as business terms which testifies to their middle level of abstraction as phraseological units.

Conclusions

The undertaken research results in the following issues:

1. The percentage co-relation between non-phraseological terminology and idiomatic terminology is seen as 61% to 39% of the total terminological stock in the field under study.

2. The differentiation of business PU-terms depending on the semantic- transfer degree in their components allows the following conclusion: (a) PU-terms with partial transfer of component meaning embrace about 66% of the idiomatic terminology stock and (б) PU-terms with full transfer of component meaning embrace about 33% of the idiomatic terminology stock.

3. By means of the complex componential structural-semantic analysis about four hundred pairs of lexical PU-term variants were found retaining their identity as business terms which testifies to their middle level of abstraction as phraseological units.

4. The extracted and analyzed language material enables the researcher to make up a project for a would-be manual on business PU-terms and define a set of basic vectors in teaching them, namely: (a) phraseological collocations, (b) phraseological unities, (c) variable PU-terms, (c) terms-idioms.

The nearest perspective of the research consists in compiling a manual on business phraseological terminology for undergraduates studying foreign languages as LSP, i.e. for banking, economics, commerce, audit and management.

Литература

1. Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. / В. Д. Аракин. – М.: МГПИ, 1983. – 38 с.

2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского русского языков. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
3. Басова, Т. А., Федуленкова, Т. Н. Трактовка вариативности как неотъемлемого свойства языка / Т. А. Басова, Т. Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2023. – № 3(63). – С. 173–178. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-173-178.
4. Бахматов Д. А. К вопросу о путях развития фразеологического состава языка / Д. А. Бахматов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 72-79. – DOI 10.18384/2310-712X-2019-4-72-79. – EDN JBKIEO.
5. Жирова И. Г. Фразеологический дискурс и его трансляторные возможности / И. Г. Жирова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2020. – № 3(31). – С. 113-122. – EDN FHEJGX.
6. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с.
7. Кононова Н. А. Классификация этапов становления фразеологической науки / Н. А. Кононова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2020. – № 2(30). – С. 28-43. – EDN KKRLWX.
8. Куликова И. С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – СПб: Лань, 2020. – 380 с.
9. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
10. Левченко, М. Н. Деловой дискурс: анализ и моделирование дискурсивных событий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 1. – С. 53-62. – DOI 10.18384/2310-712X-2023-1-53-62. – EDN QJMAMJ.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
12. Федуленкова Т. Н. Дифференциация фразеологии финансов и банка по виду переосмысления прототипа / Т. Н. Федуленкова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023а. – № 3. – С. 392-396.
13. Федуленкова Т. Н. Проблемы парадигматических отношений в терминологии / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер. «Социальные и

гуманитарные науки». – 2023б. – № 4(23). – С. 133-139. – DOI: 10.37482/2687-1505-V283.
14. Юсипова Д. Б. Корпусный подход к исследованию фразеологии: анализ фразеологизмов семантического поля пространство / Д. Б. Юсипова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3-1. – С. 38-45. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-38-45. – EDN KLGVMY.
15. Юсупова С. М. Критика во фразеологической форме: корпусный анализ / С. М. Юсупова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3-1. – С. 46-53. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-46-53. – EDN XMBYBC.
16. Buerki Andreas. On the speed of change in formulaic language // Yearbook of Phraseology, vol. 10, 2019, pp. 5-38.
17. Buljan Gabrijela & Maras Lea. “Shall I (compare) compare thee?” A corpus-based study of a special type of modification of English assimiles // Yearbook of Phraseology, vol. 12, 2021, pp. 75-145.
18. Cartwright Roger I. Key concepts in information and communication technology. – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. – 210 pp.
19. Cowie Anthony P. Phraseology: Theory, Analysis and Application. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 258 pp.
20. Cowie Anthony P. General Introduction // Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford: Oxford, University Press, 2000. – Pp. 10-17.
21. Fedulenkova Tatiana. Substantive phraseological terms of a two-component structure. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, № 7(2), 2021, pp. 114-127. – DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11.
22. Fiedler Sabine. English Phraseology. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. – 198 pp.
23. Khamkhien Attapol & Wharton Sue. Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study // Yearbook of Phraseology, № 11, 2020, pp. 9-34.
24. Mel’čuk Igor. Morphemic and Syntactic Phrasemes // Yearbook of Phraseology, vol. 12, 2021, pp. 33-74.
25. Siegel Joel. G. & Shim Jae K. Preface // Dictionary of Accounting Terms. – New York: Barron’s Educational Series, Inc., 2005, pp. 6-8.
26. Simpson-Vlach Rita and Ellis Nick C. An academic formula list: New methods in phraseology research // Applied Linguistics, № 31(4), 2010, pp. 487-512.

27. Siyanova-Chanturina Anna. On the ‘holistic’ nature of formulaic language. Corpus Linguistics and Linguistic Theory, № 11(2), 2015, 285-311.
28. Tangpijaikul Montri. Preparing business vocabulary for the ESP classroom. RELC Journal, № 45 (1), 2014, pp. 51-65.
29. Wood David. Fundamentals of formulaic language. London: Bloomsbury Academic, 2015. – 198 pp.

References

1. Arakin, V. D. Strukturnaia tipologiia russkogo i nekotorykh germanskikh jazykov (edinitsy sopostavitel’nogo i tipologicheskogo analiza jazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Structural typology of Russian and some German languages (units of the comparative and typological analysis of languages): Doctoral Thesis Abstract] / V. D. Arakin. – Moscow: MGPI, 1983. – 38 pp. (in Russian).
2. Arakin, V. D. Sravnitel’naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of English and Russian] / V. D. Arakin. M: FIZMATLIT, 2005. – 232 pp. (in Russian).
3. Basova, T. A., Fedulenkova, T. N. Traktovka variativnosti kak neot"emlemogo svojstva yazyka [Interpretation of variability as an integral property of language] / T. A. Basova, T. N. Fedulenkova // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov]. – 2023. – № 3(63). – Pp. 173-178. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-173-178. (in Russian).
4. Bahmatov, D. A. K voprosu o putyah razvitiya frazeologicheskogo sostava yazyka [On the issue of ways to develop the phraseological composition of the language] / D. A. Bahmatov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2019. – № 4. – Pp. 72-79. – DOI 10.18384/2310-712X-2019-4-72-79. – EDN JBKIEO. (in Russian).
5. Zhirova, I. G. Frazeologicheskij diskurs i ego translyatornye vozmozhnosti [Phraseological discourse and its translational capabilities] / I. G. Zhirova // Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. – 2020. – № 3(31). – Pp. 113-122. – EDN FHEJGX. (in Russian).
6. Komarova, Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics] / Z. I. Komarova. – Moscow: FLINTA, Nauka, 2018. – 820 pp. (in Russian).
7. Kononova, N. A. Klassifikaciya etapov stanovleniya frazeologicheskoj nauki [Classification of stages in the formation of phraseological science] / N. A. Kononova // Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. – 2020. – № 2(30). – Pp. 28-43. – EDN KKRLWX. (in Russian).

8. Kulikova, I. S. Lingvisticheskaya terminologiya v professional'nom aspekte [Linguistic terminology in the professional aspect] / I. S. Kulikova, D. V. Salmina. – SPb: Lan', 2020. – 380 pp. (in Russian).
9. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo iazyka [A course on phraseology of Modern English] / A. V. Kunin. – Moscow: Vyssh. shc., Dubna: Feniks, 1996. – 381 pp. (in Russian).
10. Levchenko, M. N. Delovoj diskurs: analiz i modelirovanie diskursivnyh sobytij [Business discourse: analysis and modelling of discursive events] / M. N. Levchenko // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2023. – № 1. – Pp. 53-62. – DOI 10.18384/2310-712X-2023-1-53-62. – EDN QJMAMJ. (in Russian).
11. Leichik, V. M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura [Terminology Studies: Subject, methods, structure] / V. M. Leichik. – Moscow: LIBROKOM, 2009. – 256 pp. (in Russian).
12. Fedulenkova, T. N. Differenciaciya frazeologii finansov i banka po vidu pereosmysleniya prototipa [Differentiation of phraseology of finance and banking by type of semantic transfer of the prototype / T. N. Fedulenkova // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Pyatigorsk State University]. – 2023a. – № 3. – Pp. 392-396. (in Russian).
13. Fedulenkova, T. N. Problemy paradigmaticheskih otnoshenij v terminologii [Problems of paradigmatic relations in terminology] / T. N. Fedulenkova // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Ser. «Social'nye i gumanitarnye nauki». – 2023b. – T. 23. – № 4. – Pp. 133-139. – DOI: 10.37482/2687-1505-V283. (in Russian).
14. Yusipova, D. B. Korpusnyj podhod k issledovaniyu frazeologii: analiz frazeologizmov semanticheskogo polya ‘prostranstvo’ [Corpus approach to the study of phraseology: analysis of phraseological units of the semantic field ‘space’] / D. B. Yusipova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2022. – № 3-1. – Pp. 38-45. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-38-45. – EDN KLGVMY. (in Russian).
15. Yusupova, S. M. Kritika vo frazeologicheskoj forme: korpusnyj analiz [Criticism in phraseological form: corpus analysis] / S. M. Yusupova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. – 2022. – № 3-1. – Pp. 46-53. – DOI 10.18384/2310-712X-2022-3-46-53. – EDN XMBYBC. (in Russian).
16. Buerki Andreas. On the speed of change in formulaic language // Yearbook of Phraseology, vol. 10, 2019, pp. 5-38.
17. Buljan Gabrijela & Maras Lea. “Shall I (compare) compare thee?” A corpus-based study of a special type of modification of English as-similes // Yearbook of Phraseology, vol. 12, 2021, pp. 75-145.
18. Cartwright Roger I. Key concepts in information and communication technology. – Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. – 210 pp.

19. Cowie Anthony P. Phraseology: Theory, Analysis and Application. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 258 pp.
20. Fedulenkova Tatiana. Substantive phraseological terms of a two-component structure. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, № 7(2), 2021, pp. 114-127. – DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-11.
21. Fiedler Sabine. English Phraseology. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. – 198 pp.
22. Khamkhien Attapol & Wharton Sue. Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study // Yearbook of Phraseology, № 11, 2020, pp. 9-34.
23. Mel'čuk Igor. Morphemic and Syntactic Phrasemes // Yearbook of Phraseology, vol. 12, 2021, pp. 33-74.
24. Siegel Joel. G. & Shim Jae K. Preface // Dictionary of Accounting Terms. – New York: Barron's Educational Series, Inc., 2005, pp. 6-8.
25. Simpson-Vlach Rita and Ellis Nick C. An academic formula list: New methods in phraseology research // Applied Linguistics, № 31(4), 2010, pp. 487-512.
26. Siyanova-Chanturina Anna. On the 'holistic' nature of formulaic language. Corpus Linguistics and Linguistic Theory, № 11(2), 2015, 285-311.
27. Tangpijaikul Montri. Preparing business vocabulary for the ESP classroom. RELC Journal, № 45 (1), 2014, pp. 51-65.
28. Wood David. Fundamentals of formulaic language. London: Bloomsbury Academic, 2015. – 198 pp.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023
Статья одобрена после рецензирования 29.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81-26

Чжан Тяньюань
Zhang Tianyuan

Перевод интертекстуальных элементов с русского на китайский в романе «Пищеблок» Алексея Иванова

Translation of Intertextual Elements from Russian into Chinese in the Novel “Food Block” by Alexei Ivanov

Аннотация. *Статья посвящена переводу интертекстуальных элементов (ИЭ) романа Алексея Иванова «Пищеблок» с русского на китайский язык. Так как данный роман еще не переведен на китайский язык, результаты исследования будут полезны потенциальным переводчикам, и могут представлять интерес в рамках изучения русско-китайского межкультурного диалога и литературного перевода в целом. Объектом исследования является интертекстуальный элемент. В качестве примеров интертекстуальных элементов в данной статье рассматриваются цитаты из литературных произведений и высказываний политических лидеров («Один за всех, все за одного»), имена литературных персонажей (Данко), крылатые выражения и пословицы («Попался, который кусался»), а также названия песен, тесно связанных с культурным фоном оригинала («Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”» и т.д.). Целью исследования является анализ и систематизация использования различных техник перевода для передачи интертекстуальных элементов в литературном переводе с русского на китайский язык. При написании статьи автором использовались следующие методы: анализ происхождения ИЭ и их функций в оригинале, анализ возможных техник перевода и их плюсов и минусов, иллюстрация применения описываемых техник перевода. Исходя из того, что главной задачей при переводе интертекстуальных элементов литературного произведения является воссоздание смысла и образа (ассоциативного ряда), автор приходит к выводу, что при выборе оптимальной техники перевода переводчик должен исходить из распространенности интертекстуального элемента в культуре языка перевода (то есть его понятности для потенциального читателя) и его роли в переводимом литературном произведении (какой смысл стремится передать автор с его помощью).*

Abstract. *This article is devoted to the translation of intertextual elements (IE) of Alexei Ivanov's novel “Food block” from Russian into Chinese. Since this novel has not yet been translated into Chinese, the results of the study will be useful for potential translators and may be of interest in the study of Russian-Chinese intercultural dialog and literary translation in general. The object of the study is the intertextual element. As examples of intertextual elements, this article considers quotations from literary works and statements of political leaders («Один за всех, все за одного»), names of literary characters (Данко), winged expressions and proverbs («Попался, который кусался»), as well as the names of songs closely related to the cultural background of the original («Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”» etc.). The aim of the study is to analyze and systematize the use of various translation techniques to convey intertextual elements in literary translation from Russian into Chinese. When writing the article, the author used the following methods: analyzing the origin of IEs and their functions in the*

original, analyzing possible translation techniques and their pros and cons, illustrating the application of the described translation techniques. Proceeding from the fact that the main task in translating intertextual elements of a literary work is to recreate the meaning and image (associative series), the author concludes that when choosing the optimal translation technique, the translator should proceed from the prevalence of the intertextual element in the culture of the target language (i.e. its comprehensibility for the potential reader) and its role in the translated literary work (what meaning the author seeks to convey with its help).

***Ключевые слова**: литературный перевод, интертекстуальность, техники перевода, китайский, русский.*

***Keywords:** literary translation, intertextuality, translation techniques, Chinese, Russian.*

Введение

Определение интертекстуальности было впервые введено Ю. Кристевой, это «общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга» [Кристева, 1995: 102]. Появление теории интертекстуальности позволило по-новому взглянуть на литературный перевод: устанавливая взаимосвязь между текстами, интертекстуальность позволяет переводоведению по-новому переосмыслить отношения между исходным и переводным текстами [Ван, 2010: 7].

В основу данной статьи лег роман Алексея Иванова «Пищеблок», опубликованный в 2018 году и имеющий довольно большую популярность в русскоязычной среде, о чем, среди прочего, говорит снятый по нему сериал (2021). Действие романа разворачивается в советский период. В сюжете можно выделить три основные линии фантастическая (о появлении вампиров в пионерском лагере), романтическая (о взаимоотношениях молодых студентов-вожатых, дружбе и первой влюблённости детей) и философская (о добре и зле и тонкой грани между ними). В контексте перевода важно отметить, что в романе возникает большое количество культурных референтов (реалий), тесно связанных с советским периодом и представляющих сложность для понимания представителями других языков и культур.

Одними из таких референтов являются интертекстуальные элементы, синтез которых создает особую смыслотворческую активность реципиента внутри текста [Бушев, 2019: 80]. Интертекстуальные элементы в романе отсылают читателя к популярным в советское время текстам и

способствуют яркому и правдоподобному воссозданию культурно-языкового фона пионерского лагеря. Однако фундаментальная бессознательная ментальная деятельность, являющаяся основой интерпретации читателем всех встроенных автором в текст смыслов [Свистунова, 2020: 370], непосредственно связана с культурно-историческим опытом читателя и существенно разнится в случае России и Китая, что делает воспроизведение интертекстуальных элементов оригинального текста серьезным вызовом для переводчиков.

Целью данной статьи является анализ интертекстуальных элементов (ИЭ) в романе А. Иванова «Пищеблок» и различных методов и техник перевода, которые могут использоваться для их передачи при литературном переводе с русского на китайский язык.

В ходе написания статьи автор приводит первоисточники ИЭ, анализирует их функции и значение в оригинале, предлагает возможные техники перевода и анализирует их плюсы и минусы, а также иллюстрирует их практическое применение при помощи собственных переводов. Так как данный роман еще не переведен на китайский язык, результаты исследования могут быть полезны потенциальным переводчикам, а также будут представлять интерес в рамках изучения русско-китайского межкультурного диалога и литературного перевода в целом.

Интертекстуальные элементы (ИЭ) в романе «Пищеблок»: происхождение, значение и перевод.

В рамках данной статьи автор предлагает разделить ИЭ на четыре вида, в зависимости от их происхождения: цитаты из литературных произведений и высказываний политических лидеров («Один за всех, и все за одного»), имена литературных персонажей (Данко), крылатые выражения и пословицы («Попался, который кусался»), и названия популярных песен («Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”» и т.д.). Автор исходит из следующей гипотезы: так как целью ИЭ является установление взаимосвязи с другими хорошо известными читателю текстами, то в случае, когда соответствующие тексты неизвестны или менее распространены в культуре принимающего языка, для передачи соответствующих ИЭ

необходимо пользоваться коммуникативными техниками перевода.

1. Цитаты из литературных произведений («Один за всех, все за одного»)

Пример 1. Оригинал:

В общем, Лёва играл благородно – не на жизнь, а насмерть. На поле он был **«один за всех»**, но увы, увы: эти **«все» не были «за одного»**.

Данная фраза появляется в сцене, когда Валерка со стороны наблюдает за тем, как ребята из его пионерского отряда готовятся к футбольному матчу: Лёва, вызвавшийся быть капитаном, отчаянно указывает другим мальчишкам, как нужно играть, а они его не слушаются. И тогда Валерка с иронией замечает, что даже огромного желания и самоотдачи одного человека для создания команды недостаточно.

Первоисточником этой цитаты является поэма Шекспира «Поругание Лукреции» (1594), в основу сюжета которой легла история об изнасиловании Лукреции, её самоубийстве и последующем бунте, поднятом Луцием Юнием Брутом, который привел к свержению власти в Риме.

Однако наибольшую известность она приобрела благодаря историко-приключенческому роману А. Дюма «Три мушкетёра», рассказывающем о дружбе и верности друг другу трех молодых людей, которые они пронесли через всю жизнь. Мы полагаем, что, цитируя данную фразу в своем романе, А. Иванов делает отсылку именно к этому произведению.

Также важно отметить, что фраза «все за одного и один за всех» прозвучала в речи Ленина на Всероссийском субботнике 1-го мая 1920 года: «Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: все за одного и один за всех». В первом издании китайского перевода «Полного собрания Сочинений В.И. Ленина» фраза «все за одного и один за всех» переведена как «人人为我，我为人人» (букв.: все за меня и я за всех). В последующих изданиях перевод был изменен и звучал как «大家为一人，一人为大家» (букв.: все за одного и один за всех). Принципиальная разница между ними

заключается в том, что «我» означает местоимение «я», а «一人» – «один человек».

Следует упомянуть, что эта фраза также достаточно популярна и в Китае: в 1980-х годах китайский лидер Дэн Сяопин также придерживался концепции «我为人人，人人为我» (букв.: я за всех, все за меня). А в феврале 2012 года в обнародованной Канцелярией Госсовета «Государственной программе о реформировании и развитии сферы культуры в ходе «12-й пятилетки»» в рамках укрепления морально-этического развития полагалось «поощрять самодисциплину, уважение к старшим и младшим, трудолюбие и честность, способствовать формированию социальной атмосферы, в которой ***один за всех, все за одного***». В результате в Китае эта фраза обрела широкую известность и до сих пор прочно ассоциируется с коммунистическим строем.

Способность читателя узнать в тексте отсылки к Шекспиру и Дюма, которые в новом контексте образуют новые ментальные пространства [Молчанова, 2021: 12], зависит от уровня знакомства с произведениями мировой литературы, написанными на английском и французском языках соответственно, и, соответственно, равнодоступными для читателей оригинала и перевода. При этом автор статьи полагает, что узнавание данных отсылок, несомненно обогащающих восприятие текста, не является строго необходимым для полноценного понимания данной фразы в контексте романа А. Иванова.

Таким образом, именно укорененность данной фразы и заложенного в ней смысла в сознании представителей обеих культур (исходной и принимающей), а также схожесть ее интерпретации и возникающего ассоциативного ряда является в данном случае основополагающей при выборе стратегии ее перевода на китайский язык.

Перевод 1:

总而言之，廖娃踢球踢得十分高尚——不是为了生，而是为了死。在场上可以说**他“一人为大家**(yīrénwèidàjiā)**”**，但是可惜了，可惜了，**“大家**(dàjiā)**”**可不见得是为他**“一人**(yīrén)**”**。

(букв. В общем, Лёва играл в футбол очень благородно – не на жизнь, а на смерть. На поле можно сказать, что он был «один за всех», но, жаль, жаль, «все» были необязательными для него «одного».)

Как уже упоминалось выше, в китайском языке закреплены два общепринятых перевода данной фразы: «人人为我，我为人人» и «大家为一人，一人为大家», которые могут служить основой для передачи ее видоизмененного варианта в романе «Пищеблок». Автор статьи делает выбор в пользу второго варианта («大家为一人，一人为大家»), так как используемое в первом варианте местоимение «я» имеет сильный референциальный характер, и местоимение «он» уже присутствует в оригинале, соответственно, одновременное присутствие местоимений «я» и «он» в переводе может вызвать недопонимание.

Данный пример иллюстрирует, что помимо поиска первоисточника необходимо производить анализ эволюции трактовки ИЭ, контекста его использования автором оригинала, а также его учитывать его распространенность и трактовку в принимающих культуре и языке. При наличии уже осуществленных переводов автор предлагает брать их за основу для лучшей узнаваемости ИЭ, однако приоритетом является воссоздание смысла и эстетического эффекта такого элемента в переводимом произведении, которые могут существенно отличаться от первоначальных.

2. Имена литературных персонажей (Данко)

Пример 2. Оригинал:

– Короче, отряд будет называться «**Данко**». Девиз – **«Гори так ярко, как сердце Данко!»**.

В данном примере А. Иванов даёт отсылку к рассказу Горького «Старуха Изергиль»: пионервожатая предлагает детям назвать отряд в честь главного героя, совершившего подвиг самопожертвования во имя своего народа. Таким образом, новый текст строится на элементах уже известного читателю литературного пространства [А.Б. Бушев, 2019: 80]. В переводе данного произведения на китайский язык («伊则吉尔老婆子»)

имя Данко уже переведено (丹坷(dānkē)), что делает возможным его использование в буквальном переводе.

Перевод 2а (буквальный):

– 总之，我们的队名是**“丹珂**(dānkē)**”** 。口号是**“像丹珂的心一样熊熊燃烧吧!”** 。

(букв. – В общем, название нашего отряда – **Данко**. Девиз – «**Гори, как пылающее сердце Данко!**»)

В этом переводе сохраняется форма и очевидный смысл оригинала «Данко», и девиз достаточно короток. Однако имеются основания для сомнений в том, что оно будет вызывать у китайского читателя тот же ассоциативный ряд (советская литература, самопожертвование, пример для подражания для пионеров и т.д.), что и у читателей оригинала из-за малоизвестности данного литературного персонажа в Китае. В связи с этим автор предлагает отказаться от буквального перевода и задействовать одну из техник коммуникативного перевода, то есть адаптацию или замену.

Перевод 2б (адаптация):

– 总之，我们的队名是**“丹心**(dānxīn)**”**。口号是**“丹心赠予苏维埃** (dānxīnzèngyǔsūwéiāi)**”**。

(букв. – В общем, название нашего отряда – **«Красное сердце»**. Девиз: **«Дари красное сердце Советскому Союзу»**.

В данном переводе имя Данко заменено на 丹心(dānxīn), что буквально означает «красное, верное и искреннее сердце». Этот образ также использовался в известном стихотвореним «过零丁洋» (Проходя Линдинъян) китайского поэта Вэнь Таньсяня. Несомненным плюсом такого подхода является воссоздание яркого, знакомого и понятного читателям образа. Тем не менее, образ из китайской литературы, может не в полной мере вписываться в атмосферу советского лагеря, что является его недостатком. В переводе мы стремимся компенсировать это добавлением слова «苏维埃» (sūwéiāi), которым на китайском сокращенно называют СССР. На наш взгляд, это соответствует контексту данной сцены и удачно сочетает советский колорит с китайским. Также важным условием, которое мы стремились соблюсти, является краткость и запоминаемость фразы-девиза.

Несмотря на то, что формально предложенный перевод довольно сильно отходит от оригинала в выборе лексических единиц, мы полагаем, что он соответствует основным критериям (контекст, образ, смысл, форма).

Перевод 2в (замена):

– 总之，我们的队名是**“保尔 (bǎo ěr) (**Павел)**”** 。口号是**“为人类的解放而奋斗 (**борьба за освобождение человечества)**”** 。

В данном переводе имя Данко заменено на имя другого литературного героя, Павла Корчагина, из романа Островского «Как закалялась сталь». Несмотря на то, что в отличие от Данко Павел Корчагин неоднозначный персонаж (как пишет Никольский, для одних он – идеал для подражания, для других же – антигерой, эксплуатирующий собственные мифы о былых подвигах для извлечения личной выгоды [С.А. Никольский, 2020: 161]), он гораздо более известен в Китае. Соответствующие изменения внесены также и в девиз: пламенное сердце (которое Данко вырвал у себя из груди, чтобы осветить путь) заменено на борьбу за освобождения человечества, которой посвятил свою жизнь Павел Корчагин. Несмотря на использование иного, отличного от оригинала, образа данный перевод сохраняет связь с советской литературой и позволяет воссоздать замысел автора: пионерам предлагают равняться на известного литературного героя и его подвиг.

3. Крылатые выражения и пословицы («Попался, который кусался»):

Пример 3. Оригинал:

– **Попался, который кусался!** – старшая вожатая вытолкнула его из куста.

«Попался, который кусался» – русская пословица, смысл которой сводится к тому, что кто-то делал что-то недозволенное, и другие это заметили. Эта пословица широко известна и используется в самых различных контекстах: от разговорной речи до языка художественной литературы [М.А. Бредис, 2019: 35]. Так, данная фраза настолько укоренилась в русскоязычной культуре, что даже дала название мультфильму (1983 г.). В романе А. Иванова эта реплика появляется в сцене, когда вожатая застаёт пионера там, где он не должен был находиться.

Буквальный перевод (–“**咬人的被抓住了**”–辅导员把他从灌木丛里赶了出来, букв.: *Я поймал кусачего*) будет непонятен китайским читателям, так как в соответствующей сцене романа никто никого не кусал, а переносное значение фразы практически недоступно вне русскоязычного культурного фона. Поэтому мы предлагаем отказаться от буквального перевода в пользу адаптации, то есть использования существующего в китайском языке крылатого выражения со схожим смыслом.

Перевод 3 (адаптация):

–“**看我老猫拿耗子**” 。– 辅导员把他从灌木丛后赶了出来。

(букв. – «**Посмотри, я, старый кот, ловлю крысу**».)

В данном переводе используется особый разряд китайских фразеологизмов «сехоуюй» (на рус. недоговорка-иносказание) [П.П. Ветров, 2007: 6]. Полностью данная фраза звучит как «老猫拿耗子——一物降一物 (букв.: старый кот ловит крысу, один покоряется другому). Взаимоотношения между котом и крысой хорошо известны и понятны представителям всех культур, поэтому читателям перевода будет довольно просто провести в контексте данной сцены параллель с взаимоотношениями пожилой вожатой пионерлагеря и мальчиком. Также следует отметить, что яркая образность, достигаемая за счет распространённости предлагаемого выражения в китайской культуре, не противоречит атмосфере советского пионерлагеря благодаря своей культурной и национальной нейтральности.

Так как главной целью использования крылатых выражений является создание яркого узнаваемого образа, а задействуемые в них лексические единицы часто используются в переносных значениях, при их переводе мы предлагаем использовать максимально национально-нейтральные эквиваленты в принимающем языке, а при отсутствии таковых – создавать свои собственные.

4. Названия песен, тесно связанных с культурным фоном оригинала («Край родной», «Костёр» и т.д.):

Пример 4. Оригинал:

– Пионерские песни **«Край родной», «Костёр», «Крейсер “Аврора”», «Орлята учатся летать», «Пусть всегда**

будет солнце», «С чего начинается Родина». Детские песни: **«Картошка», «Голубой вагон», «Чунга-Чанга», «Когда мои друзья со мной», «Бременские музыканты», «Колыбельная».** Выбирайте, какую песню будем репетировать.

В данном примере на кружке пения пионервожатая выбирает с ребятами песни, которые они будут петь на празднике. Следует отметить, что все перечисленные песни были чрезвычайно популярны в советские времена, до сих пор хорошо известны в русскоговорящей среде и прочно ассоциируются с эпохой СССР. Тем не менее, далеко не все эти песни известны в Китае, поэтому буквальный перевод их названий, который технически вполне может быть осуществим, перегружает текст малопонятной для читателя информацией, так как за большинство таких названий не будут вызывать никаких ассоциаций (мелодия, слова, исполнитель и т.п.), которые и представляют собой основную ценность, перенося читателя в эпоху 1980х.

Поэтому автор статьи предлагает использовать замену, то есть включить в перевод названия советских песен, известных китайскому читателю. При этом количество приводимых песен может быть сокращено, что не повлияет на основной замысел автора.

Перевод 4 (замена + опущение):

– 少先队歌曲**《阿芙乐尔号巡洋舰》《愿世界永远有太阳》、《共青团员之歌》**。儿歌：**《长颈鹿之歌》、《蓝色车厢》、《摇篮曲》**。都来选选吧，我们要唱哪一首。

(букв.: – Пионерские песни «Крейсер “Аврора”», «Пусть всегда будет солнце», «Комсомольская». Детские песни: «Песенка про жирафа», «Голубой вагон», «Колыбельная». Выбирайте, какую песню будем репетировать).

Как можно заметить, в данном переводе из двенадцати песен, перечисленных в оригинале, сохранена лишь половина («Крейсер “Аврора”», «Пусть всегда будет солнце», «Орлята учатся летать», «Картошка», «Голубой вагон», «Колыбельная»), а другие шесть названий опущены. Подобный выбор мотивирован тем, что три песни: «Крейсер “Аврора”», «Пусть всегда будет солнце» и «Голубой вагон» – хорошо известны в

Китае, поэтому их названия сохранены в переводе; песня «Колыбельная» достаточно универсальна и ее идея будет понятна в любой культуре; песни «Орлята учатся летать» и «Картошка» заменены на «Комсомольскую» и «Песенку про жирафа», которые более известны в Китае и лучше ассоциируются с СССР; остальные же песни опущены. Данный перевод, несмотря на существенное расхождение с оригиналом, позволяет избежать перегрузки читателей малопонятной им информацией.

Таким образом, за исключением случаев, когда ИЭ широко известны, понятны и имеют схожие коннотации в обеих культурах: языка оригинала и языка перевода (см. Пример 1), автор предлагает использовать для их передачи коммуникативные техники перевода, такие как замена, адаптация и опущение.

Заключение

В данной статье рассматривается вопрос передачи интертекстуальных элементов в литературном переводе с русского на китайский язык на основе романа А. Иванова «Пищеблок». В частности, приводятся различные виды ИЭ и показывается механизм поиска оптимальной техники перевода. Помимо этого, автор иллюстрирует описываемые переводческие техники при помощи собственных переводов с их применением. Так как главной задачей при переводе интертекстуальных элементов литературного произведения является воссоздание их смысла и ассоциативного ряда, автор приходит к выводу, что для выборы оптимальной техники перевода следует учитывать распространенность интертекстуального элемента в культуре языка перевода и его понятность для потенциального читателя, а также его смысл в контексте переводимого литературного произведения. Таким образом, при переводе цитат из широко известных литературных произведений или высказываний автор рекомендует руководствоваться уже существующими закрепившимися в принимающем языке переводами; при отсылке к малоизвестным в принимающей культуре литературным произведениям, персонажам или крылатым выражениям – прибегать к коммуникативным техникам перевода (адаптации, замене, опущению и т.п.), понятным читателям

перевода и одновременно выполняющим эквивалентные функции в переводном тексте.

Литература

1. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3, 2019, С. 34-43.
2. Бушев А.Б. Лингвистика интертекстуальности и интермедиальности. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал, № 2, 2019, С.76-95.
3. Ван Хунтао. Теория интертекстуальности в переводоведении: гносеологическая ценность и методологический смысл. Шанхайский перевод. 03(2010): С.6-11. DOI: CNKI: SUN: SHKF.0.2010-03-002.
4. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка. Синтаксис и стилистика. Москва: Восточная книга, 2007. – 368 с.
5. Кристева Ю., Бахтин М.М. Слово, диалог, роман. Вестник/МГУ. Серия 9. Филология, 1995. № 1. С. 97-124.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. - 3-е изд., без перемен. - С.-Петербург; Москва: издание Товарищества М. О. Вольф, 1904 (Санкт-Петербург:). – 276 с.
7. Молчанова Г.Г. Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1, 2021, С. 9-18.
8. Никольский С.А. Николай Островский: «Место в железной схватке за власть». Россия накануне и после Октября. Статья вторая. Верхневолжский филологический вестник, № 4 (23), 2020, С.161-168.
9. Свистунова Н.И., Кольчикова П.О. Приемы выражения интертекстуальности и их функции в художественном тексте (на материале романа А. Байетт «Обладать»). Мир науки, культуры, образования, № 4 (83), 2020, с. 369-371.

References

1. Bredis M.A, Lomakina O.V, and Mokienko V.M. Poslovitsa v sovremennoy lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie. Vestnik

Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, № 3, 2019, pp.34-43.
2. Bushev A.B. Lingvistika intertekstual'nosti i intermedial'nosti. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal, № 2, 2019, pp.76-95.
3. Van Huntao, Teorija intertekstual'nosti v perevodovedenii: gnoseologicheskaja cennost' i metodologicheskij smysl. Shanhajskij perevod. № 03(2010): pp.6-11. doi:CNKI:SUN:SHKF.0.2010-03-002.
4. Vetrov P.P. Frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka. Sintaksis i stilistika. Moskva: Vostochnaya kniga, 2007. – 368 p.
5. Kristeva Yu., Bakhtin M.M. Slovo, dialog, roman. Vestnik/MGU. Seriya 9. Filologiya, 1995. № 1. pp. 97-124.
6. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda: sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i pr. - 3-e izd., bez peremen. - S.-Peterburg; Moskva: izdanie Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1904 (Sankt-Peterburg:). - 276 p.
7. Molchanova G.G. Intertekstual'nost' i mifotekhnologii v postmodernistskom tekste. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, № 1, 2021, pp. 9-18.
8. Nikol'skiy S.A. Nikolay Ostrovskiy: «Mesto v zheleznoy skhvatke za vlast'». Rossiya nakanune i posle Oktyabrya. Stat'ya vtoraya. Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik, № 4 (23), 2020, pp.161-168.
9. Svistunova N.I., Kol'chikova P.O. Priemy vyrazheniya intertekstual'nosti i ikh funktsii v khudozhestvennom tekste (na materiale romana A. Bayett «Obladat'»). Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, №. 4 (83), 2020, pp.369-371.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023
Статья одобрена после рецензирования 27.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.581

Дубинина Мария Николаевна
Maria Dubinina

Проблемы перевода культурных реалий как элемента туристического ландшафта (в паре русский – китайский)

Problems of Translating Cultural Realities as an Element of the Tourist Landscape (Russian - Chinese)

Аннотация. *В России различные сферы услуг устремляют внимание на Восток. Туристическая сфера в ожидании иностранных гостей из КНР готовит информационные указатели и баннеры на китайском языке. Однако не всегда они помогают ориентироваться в новой среде и вызывают еще больше вопросов о культуре и быте местности. Цель работы заключается в рассмотрении перевода культурно-маркированных единиц. В нашем исследовании проанализированы трудности перевода в паре русский – китайский и предложены варианты перевода некоторых достопримечательностей подмосковного города Коломна. В ходе исследования нами обнаружены лакуны, которые требуют работы по поиску адекватного перевода. Мы приходим к выводу, что стратегии перевода определяются стремлением адаптироваться к культурному контексту. С практической точки зрения статья вносит вклад в развитие туристической сферы и коммуникации с иностранными гостями.*

Abstract. *In Russia, various service sectors are turning their attention to the East. The tourism sector, in anticipation of foreign guests from China, is preparing information signs and banners in Chinese. However, they do not always help to navigate a new environment and raise even more questions about the culture and life of the area. The purpose of the work is to examine the translation of culturally marked units. Our study analyzes the difficulties of translation in the Russian-Chinese pair and suggests translation options for some sights of the Moscow region city of Kolomna. During the study, we discovered gaps that require work to find an adequate translation. We conclude that translation strategies are determined by the desire to adapt to the cultural context. From a practical point of view, the article contributes to the development of the tourism sector and communication with foreign guests.*

Ключевые слова: *лингвистический ландшафт, перевод, китаизация ландшафта, китайский язык*

Keywords: *linguistic landscape, translation, landscape Sinicisation, Chinese*

Вопросы перевода культурно-маркированных единиц

Взаимодействие между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на данном этапе находится на уровне развития партнерских и дружеских отношений. Поэтому проблемы перевода в паре русский-китайский объективно

занимают важную нишу в рассмотрении вопросов межкультурной коммуникации.

Самобытность русской и китайской культур определяет требования к переводу и, конечно, переводчикам. Л.Ш. Рахимбекова отмечает, что «одним из непременных условий успешной переводческой деятельности являются фоновые знания культурно-исторического и прагматического характера, усваиваемые в вербальной форме» [Рахимбекова, 2008: 202]. Автор считает, что возможно выделить несколько базовых категорий, которые необходимы для формирования профессиональной компетентности переводчика, а именно, иероглифика, особенности восприятия китайцами окружающего мира, фразеологизмы, правила речевого этикета, эмоционально окрашенные, коннотативно маркированные слова [Рахимбекова, 2008: 203-205]. Профессор Гуань Лили также утверждает, что «при изучении культурологических аспектов текста перевода необходимо отметить роль переводчика как посредника межкультурного общения, а самого текста перевода – как важной составляющей национальной культуры страны, для которой он создается» [Гуань, 2021: 324]. Подобного мнения придерживаются и отечественные исследователи. А.А. Родичева и Т.А. Зайцева отмечают, что «перед переводчиком стоит сложнейшая задача – перевести ментальность одной культуры в термины и образы другой» [Родичева, Зайцева, 2023:110].

Важность знания русского и китайского культурного контекста отмечается при переводе разных текстов. Так, исследуя китайский перевод романа «Анна Каренина», Ши Пэй и Ху Гумин отмечают, что «различия в исторических традициях, ценностях, привычках и обычаях, религиозных верованиях, образе мышления и географической среде между двумя странами приведут к различным образным значениям одних и тех же слов, а эмоции, вызванные ими, часто различны в зависимости от разных культур» [Ши, Ху, 2021: 117]. Особую сложность, по мнению китайских исследователей, может вызвать конвенциональный контекст, к аспектам которого авторы относят вероисповедание, философскую концепцию, метрические стандарты, праздничные традиции, письменные нормы, привычки питания [Ши, Ху, 2021: 121]. Вопрос перевода

на китайский язык специфичных культурных компонентов занимает исследователей и в рамках изучения поэзии. Так, магистр Ван Нин под специфически-культурными компонентами русской поэзии понимает различные группы бытовых реалий, топонимы, антропонимы, а также территориальные диалектизмы, не употребляющиеся в общелитературном русском языке [Ван, 2017: 84].

По мнению, Сюцзюань Гуань, переводчик при столкновении двух культурных контекстов должен стремиться сбалансировать их. Автор приходит к идеи гармонизации, которая «служит равноправному диалогу культур через интерпретацию национальных обычаев, ослабление идеологии, объяснение религиозных концепций, описание исторических и географических условий» [Сюцзюань, 2022: 738]. Фу Вени считает, что в каждом языке есть много слов, содержащих особые культурные образы, которые не могут быть поняты другими этническими группами. Существуют пробелы в культурных образах, их конфликты или частичное совпадение. Автор проводит анализ двух факторов, по его мнению, влияющих на восприятие в Китае и России, а именно, анализ образа жизни и географической среды [Фу, 2022: 174].

Таким образом, перевод – это сложная межкультурная деятельность, когда важно, чтобы была правильно передана исходная культура, правильно был осуществлен перевод и правильно воспринят. Цель данной работы – провести анализ перевода достопримечательностей, которые часто отражают этнокультурные представления, и могут содержать культурно-маркированные единицы. Нами было зафиксировано 30 примеров вывесок достопримечательностей на китайском языке (Таблица 1). Аудитория, на которую рассчитаны подобные вывески, представляет собой туристов, которые приехали познакомиться с историей и культурой нашей страны. Поэтому важно продумать насколько корректно и понятно передается информация об уникальной культуре России.

Перевод туристических достопримечательностей

Исследование перевода туристических текстов является взаимным для исследователей обеих стран. Исследователями рассматривается перевод краеведческих текстов [Сумик, 2020],

туристических сайтов [Чжан, Чжан, 2019], вывесок и указателей [Ян, Чэнь, Ян, Сюй, 2019], способы и стратегии перевода [Чжан, 2015]. По мнению Чжан Фэнчжэнь, ошибки в переводе в паре китайский-русский представлены неправильным переводом предметов материальной культуры, неправильным переводом ценностных ориентиров, религиозных представлений [Чжан, 2012]. Китайские исследователи Ци Гоцзян и Инь Пин проводят исследование перевода общественных знаков с китайского языка на русский язык. Они замечают, что «китайские описания имеют тенденцию быть широкими, субъективными; предложения и слова стремятся к симметрии и равновесию, а русские описания проще, лаконичнее, объективнее и рациональнее» [Ци, Инь, 2022: 212]. Авторы также ссылаются на китайского ученого Цзинь Хуйкан, который утверждает, что «в переводе текстов традиционных китайских культур следует передавать максимально точную информацию о национальных фактах, а точнее, сохранять национальный колорит» [Цит. По Ци, Инь, 2022: 212]. Более того, Е.Н. Бакурова, говоря о качестве и уместности перевода в сфере туризма, пишет, что переводчик «должен не только владеть языком целевой аудитории, но и развивать чувство ожиданий посетителей из разных стран» [Бакурова, 2021: 992].

Практика показывает, что уровень перевода в паре русский-китайский находится лишь на этапе своего развития. Исследователь Лю Цзинпэн, рассматривая лингвистический ландшафт города Москва, приходит к выводу, что перевод табличек с обозначениями на китайский язык в Москве не соответствует нормам языка [Лю, 2020: 453]. Анализ ошибок перевода в паре русский-китайский лингвистического ландшафта крупных городов показал, что в ошибочном варианте перевода могут присутствовать схожие по начертанию иероглифы, ошибки перевода демонстрируют незнание семантики слова и устойчивых выражений, неуместное использование предлогов, бессознательное использование машинного перевода [Лю, 2019].

Перевод как отражение культуры России

Нами уже были рассмотрены некоторые проблемы перевода достопримечательностей в культурно-исторической части города Коломна. Мы подробно останавливались на

переводе достопримечательностей Музей «Калачная», Музей «Душистые радости», Музей «Кузнечная слобода», Музей-усадьба «Дом Самовара» [Дубинина, Колодяжная, 2021]. Однако развитие туристической инфраструктуры и стремление помочь иностранным гостям проникнуться русской культурой подталкивает нас еще раз обратить внимание на некоторые сложные моменты, связанные с устойчивым восприятиями в русской и китайской культурах. Например, достопримечательность Краеведческий музей, переведенный на вывесках как 当地历史博物馆, представляется возможным перевести как 地方志博物馆. Перевод локации Коломенский затейный двор также требует доработки. Предложенный перевод 科洛姆纳游乐园 представляет туристам данную достопримечательность как парк аттракционов. Однако, коломенский затейный двор – это историческая интерактивная стилизованная площадка, где посетители знакомятся с понятиями оружейная (коллекция средств защиты и нападения); ристалище (бой на безопасном оружии); арбалетно-лучный тир; костюмерная. Таким образом, представляется логичным интерпретировать перевод данной локации, обозначив, что это центр реконструкции старинной эпохи 中世纪历史重演活动中心.

Более того, хотя транслитерация является довольно распространенным способом перевода в парах русский-китайский и китайский-русский [Ху, 2019], однако, на наш взгляд, прием транслитерации не всегда оптимален при переводе с русского на китайский. Наше предположение можно проиллюстрировать двумя примерами. Первый 卡拉奇面包博物馆 может смутить китайского туриста, так как слово 卡拉奇 (kǎlāqí) переводится с китайского языка как Карачи (город в Пакистане) или Калач (город в Воронежской области, Россия). Ни первое, ни второе не имеет никакого отношения к тому хлебобулочному изделию, которое выставлено в музее в качестве экспоната. Во втором случае 帕特丰卡 не транслирует какие-либо знания, которыми обладает говорящий на русском языке. В таком случае необходимы пояснения, что арт-квартал Патефонка – это креативное пространство, на территории которого когда-то

располагались различные производство, в том числе и патефонный завод.

Перевод требует опыта и обширных знаний культуры России и Китая. Небольшие неточности и ошибки могут смутить иностранных гостей. Например, перевод достопримечательности Пряничная Арт-станция «10 Зайцев» выглядит как 前提艺术十根头发. В данном случае закрались ошибки. Во-первых, 十根头发 переводится как «десять волосков». В качестве перевода данной локации можно предложить 姜饼店十只兔子. Во-вторых, туристам предлагается не только узнать об особенностях пряничного дела, но и стать участниками театрализованной программы с мастер-классом и чаепитием. Представленный на вывесках перевод 前提艺术 не передает смыла. В связи с этим фактом можно предложить перевод 十只兔子——姜饼制作大师班.

Многие выражения требуют пояснений и знаний культуры. Интересен для размышления перевод названия Музей Бабьей доли. М.С. Досимова в своем исследовании указывает, что женщина и баба являются разными концептами русской концептосферы, при этом «концептуализации бабы преобладает негативная оценка», а в ядре и ближней периферии концепта содержатся негативно-оценочные признаки [Досимова, 2015: 12-13]. По утверждению Т.Е. Фоминых, «баба в структуре традиционного общества – это замужняя женщина любого возраста, в том числе и старуха [Фоминых, 2010]. Таким образом, туристы узнают не просто о женской доли 女性命运, а о бабьей доли (妇女命运). Также, слово «доля» локации Музей Бабьей доли на вывесках представлено как 俄罗斯妇女生活史博物馆. Однако доля и жизнь не представляются равнозначными. Перевод слова доля, чаще всего употребляемого в контексте тяжелой участи, представляется возможным как 俄罗斯妇女命运博物馆.

Более того, перевод требует фоновых знаний. Так, Лукоморье олицетворяет сказочный мир русской культуры, а название интерактивного музея Дом сказки «Лукоморье» подчеркивает направленность данной достопримечательности, а

именно традиции и фольклор. Однако китайский вариант 童话屋 (сказочный домик) не передает полностью особенности локации. В то же время прямой перевод Лукоморья 海湾 не даст гостям города достаточного представления, тем более что жители КНР может быть и слышали фамилию великого русского поэта А.С. Пушкина, но вряд ли так хорошо знакомы с его творчеством. Альтернативным вариантом перевода может быть 民间故事交互式展览.

Таблица 1. Перевод достопримечательностей на вывесках города

№	Оригинальный русский текст	Перевод достопримечательностей на вывесках
1	Культурный центр «Дом Озерова»	奥泽罗夫故居文化馆
2	Музей «Калачная»	卡拉奇面包博物馆
3	Кондитерская кухмейстера П.П. Шведова	什韦多夫糖果博物馆
4	Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и другие»	科穆纳尔卡、埃罗费耶夫等艺术博物馆
		苏联住宅博物馆
5	Музей Бабьей доли	俄罗斯妇女生活史博物馆
6	Арт-квартал «Патефонка»	帕特丰卡艺术区
7	Коломенский затейный двор	科洛姆纳游乐园
8	Медоварня Сергея Пупынина	谢尔盖 普宾宁蜂蜜酒厂
9	Музей-лаборатория «Шёлковая фабрика»	丝绸实验室-博物馆
10	Гончарная мастерская Завацких	扎瓦茨基陶器
11	Краеведческий музей	当地历史博物馆
12	Музей развития ЖКХ	住房和社区服务发展博物馆
13	Музей трамваев	电车博物馆
14	Сквер «Блюдечко»	茶碟广场
15	Музей Российской фотографии	俄罗斯摄影博物馆
16	Пряничная Арт-станция «10 Зайцев»	前提艺术十根头发
17	Богородице-Рождественский Бобренев мужской монастырь	博布列涅夫修道院

18	Музейная фабрика пастилы	软果糕工厂博物馆
20	Музей истории со вкусом «Коломенская пастила»	科洛姆纳软果糕博物馆
21	Музей любимой игрушки	玩具博物馆
22	Дом сказки «Лукоморье»	童话屋
23	Дом самовара	茶炊博物馆
24	Музей «Тайны Коломенской медовухи»	蜂蜜酒博物馆
25	Усадьба купцов Лажечниковых	拉热奇尼科夫庄园
26	Музей «Кузнечная слобода»	铁匠山村博物馆
27	Арт-галерея «Лига»	联盟画廊
28	Музей «Коломенский патефон»	科洛姆纳留声机博物馆
29	Туристско-информационный центр	科洛姆纳游客中心
30	Театральной дом на Москворецкой	莫斯科沃列茨卡亚街剧场

Выводы

Перевод представляет собой важное средство межкультурной коммуникации, попытку донести до иностранца уникальность культуры и национально-культурной колорит. Существуют различные способы перевода культурно-маркированных единиц на иностранный язык. В паре русский-китайский переводчику довольно часто приходится прибегать к пояснениям и интерпретациям, чтобы одновременно передать смысл оригинального текста и помочь понять содержание текста и культуру исходного языка.

Литература

1. Бакурова Е. Н. Перевод текстов для сферы туризма / Е. Н. Бакурова // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: Материалы I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции, Орел, 25 марта 2021 года / Под редаккцией О.Ю. Ивановой. – Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2021. – С. 990-994. – EDN FJDWWY.
2. Ван Н. О технике перевода на китайский язык специфических культурных компонентов русской поэзии на примере стихотворений С.А. Есенина / Н. Ван // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 1(40). – С. 83-89. – EDN ZDQPAP.

3. Гуань Л. Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в преподавании перевода / Л. Гуань // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11. – № 6-1. – С. 320-326. – DOI 10.34670/AR.2021.85.82.044. – EDN AMJAUH.
4. Досимова М. С. Сравнительно-сопоставительный анализ концептов "женщина" и "баба" / М. С. Досимова // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2(54). – С. 10-14. – EDN TZVEYB.
5. Дубинина М. Н., Колодяжная Д. А. Китайский компонент в лингвистическом ландшафте культурно-исторической части Коломны / М. Н. Дубинина, Д. А. Колодяжная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 1213-1217. – DOI 10.30853/phil210189. – EDN JDZZTO.
6. Лю Цзинпэн. Можно ли доверять нашим друзьям-сервисам автоматического перевода (на примере лингвистического ландшафта города Москвы) / Лю Цзинпэн // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 452-455. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00364. – EDN BFFZCE.
7. Лю Ц. Лингвистический ландшафт: исследование и анализ перевода с русского на китайский язык в крупных городах России / Ц. Лю // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2019. – № 2. – С. 121-129. – EDN OMIMFH.
8. Новикова А. С. Культурологический аспект перевода китайских народных сказок на русский язык / А. С. Новикова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 10-1. – С. 21-25. – EDN ZGBXBD.
9. Пэй Ш. Исследование китайского перевода романа "Анна Каренина" с точки зрения адаптации культурного контекста / Ш. Пэй, Х. Гумин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 5. – С. 115-125. – DOI 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125. – EDN NCZVFB.
10. Рахимбекова Л. Ш. Базовые знания о культуре страны изучаемого языка (Китая) как вопрос профессиональной компетентности переводчика / Л. Ш. Рахимбекова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 551. – С. 201-205. – EDN TDNDYB.
11. Родичева А. А. Перевод экзотизмов с русского языка на английский / А. А. Родичева, Т. А. Зайцева // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 95-2. – С. 110-112. – DOI 10.18411/trnio-03-2023-88. – EDN LUOBNR.

12. Сюцзюань Г. О гармонизации культурных контекстов перевода (на материале переводов с китайского и на китайский) / Г. Сюцзюань // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 728-741. – DOI 10.21638/spbu13.2022.411. – EDN XSWNZF.
13. Сумик Е. В. Способы перевода безэквивалентной лексики с русского языка на английский на примере краеведческих текстов / Е. В. Сумик // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2020. – С. 208-211. – EDN OXAFFU.
14. Фоминых Т. Е. Номинация баба в этнокультурном освещении / Т. Е. Фоминых // IV Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 28–29 октября 2010 года / Редколлегия: А.П. Солодков [и др.]. Том II. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2010. – С. 116-117. – EDN ZHUXPV.
15. Ху Е. Прием транслитерации в культурологическом аспекте (на примере русско-китайского и китайско-русского переводов) / Е. Ху // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 7. – С. 280-284. – DOI 10.30853/filnauki.2019.7.60. – EDN OVAXZA.
16. Ци Г. Исследование модели перевода общественных знаков с китайского языка на русский в туристических зонах / Г. Ци, П. Инь // Перспективы науки. – 2022. – № 8(155). – С. 211-214. – EDN CPFLXG.
17. Цинь М. Этнокультурные особенности перевода русского кинодискурса на китайский язык: на примере кинокомедии "Служебный роман" / М. Цинь // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 4. – С. 124-129. – DOI 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.124. – EDN EMXOGG.
18. 傅文沂. 中俄文化意象翻译研究 [J]. 文化创新比较研究, 2022, 第 22 期, 173-176.
19. 张锐, 张瑶. 旅游网站汉俄翻译教学策略 [J]. 传播力研究, 2019, 第 04 期, 176.

20. 张凤珍. 汉俄旅游资料翻译中的文化误译及策略研究 [J]. 鸡西大学学报, 2012, 第 12 卷,第 9 期, 99-100.
21. 张齐. 对跨文化交际视域下旅游景点名称俄语翻译的探究 [J]. 俄语学习, 2015, 5, 58-61.
22. 杨太金, 陈 壮, 杨雪莹, 徐智慧. 黑龙江省旅游景区公示语汉俄翻译研究[J].农村经济与科技, 2019, 第 30 卷第 22 期, 230-231.

References

1. Bakurova Ye. N. Perevod tekstov dlya sfery turizma [Translation of texts for the tourism sector]/ Ye. N. Bakurova // Aktual'nyye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii: Materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii, Orel, 25 marta 2021 goda / Pod redakktsiyey O.YU. Ivanovoy. – Orel: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.S. Turgeneva, 2021. – S. 990-994. – EDN FJDWWY.
2. Van N. O tekhnike perevoda na kitayskiy yazyk spetsificheskikh kul'turnykh komponentov russkoy poezii na primere stikhotvoreniy S.A. Yesenina [On the technique of translating specific cultural components of Russian poetry into Chinese using the example of poems by S.A. Yesenina] / N. Van // Inostrannyye yazyki v vysshey shkole. – 2017. – № 1(40). – S. 83-89. – EDN ZDQPAP.
3. Guan' L. Otrazheniye natsional'no-kul'turnoy spetsifiki yazykovogo soznaniya v prepodavanii perevoda [Reflection of the national and cultural specifics of linguistic consciousness in teaching translation]/ L. Guan' // Pedagogicheskiy zhurnal. – 2021. – T. 11. – № 6-1. – S. 320-326. – DOI 10.34670/AR.2021.85.82.044. – EDN AMJAUH.
4. Dosimova, M. S. Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz kontseptov "zhenshchina" i "baba" [Comparative analysis of the concepts “woman” and “woman”] / M. S. Dosimova // Gumanitarnyye issledovaniya. – 2015. – № 2(54). – S. 10-14. – EDN TZVEYB.
5. Dubinina M. N., Kolodyazhnaya D. A. Kitayskiy komponent v lingvisticheskom landshafte kul'turno-istoricheskoy chasti Kolomny [Chinese component in the linguistic landscape of the cultural and historical part of Kolomna] / M. N. Dubinina, D. A. Kolodyazhnaya // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T. 14. – № 4. – S. 1213-1217. – DOI 10.30853/phil210189. – EDN JDZZTO.
6. Lyu TSzinpen. Mozhno li doveryat' nashim druz'yam-servisam avtomaticheskogo perevoda (na primere lingvisticheskogo landshafta goroda Moskvy) [Can we trust our friends, automatic translation services (using the example of the linguistic landscape of Moscow)] / Lyu

TSzinpen // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2020. – № 2(81). – S. 452-455. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00364. – EDN BFFZCE.
7. Lyu TS. Lingvisticheskiy landshaft: issledovaniye i analiz perevoda s russkogo na kitayskiy yazyk v krupnykh gorodakh Rossii [Linguistic landscape: research and analysis of translation from Russian into Chinese in large cities of Russia] / TS. Lyu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. – 2019. – № 2. – S. 121-129. – EDN OMIMFH.
8. Novikova A. S. Kul'turologicheskiy aspekt perevoda kitayskikh narodnykh skazok na russkiy yazyk [Culturological aspect of translating Chinese folk tales into Russian] / A. S. Novikova // Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2017. – № 10-1. – S. 21-25. – EDN ZGBXBD.
9. Pey SH. Issledovaniye kitayskogo perevoda romana "Anna Karenina" s tochki zreniya adaptatsii kul'turnogo konteksta [Study of the Chinese translation of the novel "Anna Karenina" from the point of view of adaptation of the cultural context] / SH. Pey, KH. Gumin // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – № 5. – S. 115-125. – DOI 10.18384/2310-712X-2021-5-115-125. – EDN NCZVFB.
10. Rakhimbekova L. SH. Bazovyye znaniya o kul'ture strany izuchayemogo yazyka (Kitaya) kak vopros professional'noy kompetentnosti perevodchika [Basic knowledge about the culture of the country of the language being studied (China) as a matter of professional competence of the translator] / L. SH. Rakhimbekova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2008. – № 551. – S. 201-205. – EDN TDNDYB.
11. Rodicheva A. A. Perevod ekzotizmov s russkogo yazyka na angliyskiy [Translation of exoticisms from Russian into English] / A. A. Rodicheva, T. A. Zaytseva // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2023. – № 95-2. – S. 110-112. – DOI 10.18411/trnio-03-2023-88. – EDN LUOBNR.
12. Syutszyuan' G. O garmonizatsii kul'turnykh kontekstov perevoda (na materiale perevodov s kitayskogo i na kitayskiy) [On the harmonization of cultural contexts of translation (based on translations from and into Chinese)] / G. Syutszyuan' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika. – 2022. – T. 14, № 4. – S. 728-741. – DOI 10.21638/spbu13.2022.411. – EDN XSWNZF.
13. Sumik Ye. V. Sposoby perevoda bezekvivalentnoy leksiki s russkogo yazyka na angliyskiy na primere krayevedcheskikh tekstov [Methods of translating non-equivalent vocabulary from Russian into English using the example of local history texts] / Ye. V. Sumik // Aktual'nyye

issledovaniya yazyka i kul'tury: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty: Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 09–10 aprelya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.S. Pushkina, 2020. – S. 208-211. – EDN OXAFFU.

14. Fominykh T. Ye. Nominatsiya baba v etnokul'turnom osveshchenii [Nomination of a woman in ethnocultural coverage] / T. Ye. Fominykh // IV Masherovskiye chteniya : Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Vitebsk, 28–29 oktyabrya 2010 goda / Redkollegiya: A.P. Solodkov [i dr.]. Tom II. – Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy universitet im. P.M. Masherova, 2010. – S. 116-117. – EDN ZHUXPV.
15. Khu Ye. Priyem transliteratsii v kul'turologicheskom aspekte (na primere russko-kitayskogo i kitaysko-russkogo perevodov) [Reception of transliteration in the cultural aspect (on the example of Russian-Chinese and Chinese-Russian translations)] / Ye. Khu // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, № 7. – S. 280-284. – DOI 10.30853/filnauki.2019.7.60. – EDN OVAXZA.
16. Tsi G. Issledovaniye modeli perevoda obshchestvennykh znakov s kitayskogo yazyka na russkiy v turisticheskikh zonakh [Study of the model of translation of public signs from Chinese into Russian in tourist areas] / G. Tsi, P. In' // Perspektivy nauki. – 2022. – № 8(155). – S. 211-214. – EDN CPFLXG.
17. Tsin' M. Etnokul'turnyye osobennosti perevoda russkogo kinodiskursa na kitayskiy yazyk: na primere kinokomedii "Sluzhebnyy roman" [Ethnocultural features of translating Russian film discourse into Chinese: using the example of the comedy “Office Romance”] / M. Tsin' // Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. – 2021. – № 4. – S. 124-129. – DOI 10.25586/RNU.V925X.21.04.P.124. – EDN EMXOGG.
18. Fu Wenyi. Research on the translation of Chinese and Russian cultural images [J]. Comparative Research on Cultural Innovation, 2022, Issue 22, 173-176.
19. Zhang Rui, Zhang Yao. Teaching strategies for Chinese-Russian translation of tourism websites [J]. Communication Power Research, 2019, Issue 04, 176.
20. Zhang Fengzhen. Research on cultural mistranslation and strategies in the translation of Chinese and Russian tourism materials [J]. Journal of Jixi University, 2012, Volume 12, Issue 9, 99-100.

21. Zhang Qi. Research on the Russian translation of tourist attraction names from the perspective of cross-cultural communication [J]. Russian Language Learning, 2015, 5, 58-61.
22. Yang Taijin, Chen Zhuang, Yang Xueying, Xu Zhihui. Research on the Chinese-Russian translation of public notices in tourist attractions in Heilongjiang Province [J]. Rural Economy and Science and Technology, 2019, Volume 30, Issue 22, 230-231.

Статья поступила в редакцию 23.07.2023
Статья одобрена после рецензирования 15.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 81'373.45

Мигдаль Ирина Юрьевна
Irina Migdal

Русизмы как носители восприятия культуры в англоязычном художественном тексте

Russianisms as Culture Perception Carriers in an English-language Fiction Text

Аннотация. *Процесс межкультурного взаимодействия активно способствует заимствованию лексических единиц в языковую систему для номинации новых реалий материальной и духовной культуры. При этом анализ применения данных культурно-маркированных единиц в иноязычных текстах позволяет выделить некоторые общие тенденции восприятия социокультурных различий. В центре внимания данной статьи находится проблема изучения особенностей функционирования русизмов в текстах американских политических романов как инструмента отражения национальных стереотипов мышления. Актуальность исследования связана с акцентом на раскрытии лингвокогнитивных особенностей функционирования заимствований из русского языка, что позволяет вычленить культурологическую и стилистическую маркированность русизмов в художественных текстах современной англоязычной (американской) литературы на основе использования таких методов, как дескриптивный метод, метод контекстуального анализа значения лексических единиц, в также метод сопоставительного анализа. В ходе исследования практического материала (текстов оригинала и переводов 3 сатирических политических романов К. Бакли) было доказано, что русизмы в художественной литературе – это эффективное средство отражения социального опыта общения с русскими и уровня фоновых знаний о нашей стране представителей американской культуры. Полученные результаты показывают, что в даже в период постсоветской эпохи, вне условий политической конфронтации, русизмы функционируют не столько как средство описания иноязычной культуры (номинативная функция), сколько как способ оценочной характеристики (экспрессивная функция), чаще всего негативной, явлений американской действительности. Подобная актуализация отрицательной коннотации, закрепленной за русскоязычными элементами, препятствует коммуникативной доступности русизмов в языковой практике инофонов.*

Abstract. *The process of intercultural interaction actively promotes the borrowing of lexical units into the language system to nominate new realities of material and spiritual culture. At the same time, the analysis of the use of these culturally marked units in foreign-language texts allows us to identify some general trends in the perception of socio-cultural differences. The focus of this article is the problem of studying the peculiarities of the functioning of Russianisms in the texts of American political novels as a tool for reflecting national stereotypes of thinking. The relevance of the study is connected with the emphasis on the disclosure of linguocognitive features of the functioning of borrowings from the Russian language, which allows us to identify the cultural and stylistic marking of Russianisms in fiction texts of modern English-language (American) literature based on the use of such methods as the descriptive method, the method of contextual analysis of the meaning of lexical units, as well as the method of comparative analysis. In the course of the study of practical material (texts of the original and translations of 3 satirical political novels by Ch. Buckley) it was proved that Russianisms in fiction are an effective means of reflecting the social experience of communication with Russians*

and the level of background knowledge about our country among American culture representatives. The obtained results show that even in the post-Soviet era, outside the conditions of political confrontation, Russianisms function not so much as a means of describing foreign-language culture (the nominative function), but as a way of evaluative characterization (the expressive function), most often the negative one, of the phenomena of American reality. Such an actualization of negative connotation assigned to Russian-speaking elements prevents the communicative availability of Russianisms in the linguistic practice of foreign speakers.

Ключевые слова: *русизм, культурная маркированность, особенности восприятия*

Key words: *Russianism, cultural markedness, perception peculiarities*

Введение

В настоящее время, в эпоху политико-экономической конфронтации русских и западных ценностей, особый интерес приобретают работы, анализирующие специфику восприятия иноязычной лингвокультуры в условиях атмосферы вражды. Очевидно, что процесс межкультурного общения способствует знакомству с явлениями чужой культуры, что находит свое непосредственное отражение в языковой системе, активно заимствующей новые лексические единицы для номинации новых реалий. При этом прагматика применения иноязычной лексемы зависит от общего отношения к культуре-донору, что выражается в ее коннотативном потенциале. Именно акцент на раскрытии лингво-когнитивных особенностей функционирования заимствований из русского языка составляет **актуальность** данной работы. Необходимо отметить, что проблема изучения заимствования как продуктивного средства пополнения словарного состава английского языка была всесторонне исследована в работах Л. Блумфильда [Блумфильд, 1968], Э. Хаугена [Хауген, 1972], Б.А. Ильиша [Ильиш, 1948], В.В. Акуленко [Акуленко, 1955], В.П. Секирина [Секирин, 1964], И.В. Арнольд [Арнольд, 2012] и других. Русизмы как тип заимствований для описания иноязычной культуры находятся в центре внимания целого ряда отечественных исследователей, анализирующих разножанровые аутентичные тексты (от личных писем, путевых заметок до интернет-статей), а именно В.В. Кабакчи [Кабакчи, 2012], Н.А. Купиной [Купинина, 2009], Т.А. Тагановой [Таганова, 2010], Л.В. Толстиковой [Толстикова, 2012] и др. Научная **новизна** данной работы состоит в попытке вычленения культурологической и стилистической

маркированности русизмов в художественных текстах современной англоязычной (американской) литературы, чему способствовало применение следующих **методов** исследования: дескриптивный метод, метод контекстуального анализа значения лексических единиц, в также метод сопоставительного анализа русизмов и их перевода на английский язык. **Целью** данной работы становится изучение русскоязычных культурно-маркированных единиц, используемых в текстах англоязычной художественной литературы как средства отражения социального опыта общения с русскими и уровня фоновых знаний о нашей стране представителями американской культуры. **Практическим материалом** исследования послужили тексты оригиналов и переводов политических романов Кристофера Бакли «Здесь курят» (Thank You for Smoking), «Зеленые человечки» (Little Green Men), «Суматоха в Белом доме» (The White House Mess). Сопоставительный анализ выделенных русизмов позволил вычленить тенденции употребления автором ряда ономастических и этнографических нонемов русской культуры, что ставит вопрос о границах между универсальными и национально-специфическими знаниями.

Терминологические тонкости

Учитывая жанровую специфику анализируемых текстов (сатирические романы), а также политические взгляды самого автора (К. Бакли – активный республиканец, бывший главный спичрайтер вице-президента Дж. Буша-старшего), прежде всего, необходимо отметить создаваемый в романах стереотипный образ России как потенциального соперника-милитариста. Анализ русскоязычных заимствований, активно употребляемых на страницах романов и не требующих дополнительной экспликации (что предполагает вхождение данных единиц в национальную когнитивную базу), позволил отнести их к языковым реалиям, то есть лексемам, обозначающим предметы или явления материальной или духовной культуры, не имеющие эквивалентов в другом языке (С. Влахов и С. Флорин [Влахов, 1980], А.О. Иванов [Иванов, 2006]). Согласно подходу В.В. Кабакчи, разграничивающему «свои» и «чужие» реалии (идиокультуронимы), данный тип иноязычных заимствований получил название – ксеноним (от греческого xenos, «чужой» +

«оним»), что позволяет акцентировать внимание на факте функционирования в языке специфических элементов «чужой», иноязычной, внешней культуры [Кабакчи, 2012].

В этом случае под русизмами мы понимаем не только непосредственные заимствования из русской лексики (Potemkin, samovar, kulak) но и опосредованные заимствования, то есть лексические (Decembrist, pioneer camp) и семантические кальки (Thaw, purge), вошедшие в англоязычный обиход. В соответствии с критериями классификации болгарских ученых С. Власова и С. Флорина, можно выделить ономастические реалии/ксенонимы – топонимы: Moscow (Москва), Alma-Ata (Алма-Ата), Magnitogorsk (Магнитогорск), Chernobyl (Чернобыль), the Kremlin (Кремль), антропонимы: Joseph Stalin (Иосиф Сталин), Khrushchev (Хрущев), Brezhnev (Брежнев), Yuri Gagarin (Юрий Гагарин), военно-политические реалии/ксенонимы - the KGB (КГБ), the VVS (ВВС), MiG fighter (истребитель МиГ), Kalashnikov (автомат Калашникова АК-47), а также этнографические реалии/ксенонимы – vodka (водка), caftan (кафтан), samovar (самовар), borscht (борщ). Абсолютно очевидно, что помимо номинативной функции (обозначения единственного в своем роде предмета или явления) в тексте художественного произведения данные иноязычные заимствования выполняют стилистическую функцию, т.е. передают местный исторический колорит, придают аутентичность описываемым событиям.

Когнитивные совпадения образов

Анализ использованных русизмов демонстрирует случаи совпадения объемов значений (то есть их денотативного, коннотативного, прагматического аспектов) языковых единиц в обоих лингвокультурных сообществах. Например, и в русской, и в американской культурах знание о личности И.В. Сталина как исторического персонажа непосредственно связано с идеей тирании, запугивания, что демонстрируется в использовании эпитета «сталинский»: «…Do I get to say good-bye to people, or is this a Stalin thing, where I just disappear without a trace? - Могу я попрощаться с сотрудниками, или у нас теперь сталинский режим и мне надлежит сгинуть бесследно?».

Топоним «Кремль», путем метонимического переноса обозначающий советское / российское правительство, активно

включается в словообразовательные процессы английского языка для передачи стереотипного образа атмосферы в Кремле. Так, прилагательное Kremlinesque, образованное при помощи продуктивного аффикса -esque, придает дополнительное значение «как, подобно, в духе Кремля». В примере «…Jasper sent the President a Kremlinesque memo saying he deserved to be hailed as a Hero of American Agriculture…-…Джаспер изготовил для президента донесение в духе Кремля, из которого следовало, что вся страна превозносила его как радетеля американского сельского хозяйства….» акцентируются излишняя помпезность и отсутствие реалистичности в официальных сообщениях правительства СССР, которым подражают в своих отчетах герои романа – служащие Белого дома.

Общая терпимость художественной литературы к смешению стилей как некому художественному приему характеризации способствует широкому употреблению неформальных выражений, отражающих культурные, социальные, конфессиональные, профессиональные, возрастные стереотипы общества. Использование русских слов вместо имеющихся переводческих аналогов придает дополнительную стилистическую окраску художественному произведению. Так, описывая период шпионских войн между СССР и США, автор использует русизм «*rezident*» (резидент) вместо эмоционально нейтрального, лишенного национального колорита понятия «fixed-post spy, resident agent, fixed agent» (шпион, разведчик): …The KGB *rezident* in Washington had recently reported the existence of a secret, high-level group called MJ-12… - …Резидент КГБ в Вашингтоне недавно доложил: существует некая секретная организация МД-12…

Экспрессивные нюансы

Культурно-насыщенные языковые единицы могут активно включаться в состав различных стилистических приемов, основанных на сопоставлении, что позволяет использовать их в качестве источника формирования экспрессивных средств выражения. Нередко использованные в этих целях автором-американцем русские реалии создают сравнительные обороты, принципиально понятные по заложенному в них денотативному значению, но в своем коннотативном аспекте значения звучащие

тяжеловесно, не по-русски, поскольку базируются на иноязычных стереотипах восприятия русской действительности.

Так, при описании сильно накуренной комнаты, автор использует описание «окутанные чернобыльским облаком сигаретного дыма» (… enveloped in a Chernobyl cloud of their own cigarette smoke…). Данная гипербола (чернобыльское облако) становится более понятной в связи с последними тенденциями американского общества, борющегося за здоровый образ жизни и требующего запрет на курение в общественных местах. Угроза развития раковых заболеваний в результате пассивного курения приравнивается в данном контексте с угрозой ядерного заражения после чернобыльской катастрофы, ассоциирующейся с русской безалаберностью. В русском варианте переводчик заменил данный эпитет фразеологическим оборотом, базирующимся на эталонном сравнении «было накурено так, что хоть топор вешай».

Нередко стереотип восприятия исторического события русской лингвокультуры основан на когнитивной структуре «фрейм», способствующей достраиванию недостающей информации на основе собственного опыта, тем самым нередко вызывая ложные ассоциации. Так, акцентируя трудную жизнь одного из героев, К. Бакли использует историзм «кулак», в России означающий зажиточного крестьянина, пользующегося наёмным трудом, а также занятого в сфере перепродажи готового сельхозтовара, ростовщичества, посредничества. В русской лингвокультуре данный термин ассоциируется с зажиточностью, домовитостью, умением зарабатывать деньги и жить в достатке. Подобное же определение данному социальному явлению можно найти в Wikipedia: Kulaks (Russian: кула́к, kulak, "fist", by extension "tight-fisted"; kurkuls in Ukraine, also used in Russian texts in Ukrainian contexts) were a category of relatively affluent peasants in the later Russian Empire, Soviet Russia, and early Soviet Union. The word kulak originally referred to wealthy independent farmers in the Russian Empire who emerged en masse from peasantry as a result of the Stolypin reform which began in 1906. Однако в контексте художественного произведения становится понятно, что К. Бакли подразумевал тяжелый, неблагодарный труд: «…They worked like kulaks, day in, day out…», что говорит о ложных ассоциациях,

базирующихся на невладении фоновыми знаниями. Именно контекст подсказал А. Патрикеевой правильный вариант перевода данного отрывка: «… Они целыми днями работали как проклятые…».

Иногда использование названий русских реалий, традиционно ассоциирующихся у американцев с русской культурой, демонстрирует отсутствие элементарного представления о внешнем облике и функциях национальных предметов. Так, во время спора с советским послом герой романа – советник из Белого дома в ответ на угрозы военных действий гордо парирует «Oh, go stick it in your samovar…- Ох, да засунь ты это в свой самовар…». Бессмысленность подобного заявления ускользает от американского читателя.

Исторические события, обусловившие появление той или иной языковой единицы, могут быть неизвестными для иноязычных коммуникантов, что способствует семантическим изменениям в значении слова-реалии, используемой в инородной культуре. Одним из ярких примеров сужения значения русизма в английском языке служит слово beluga - «белуга». Означая в русском языке рыбу семейства осетровых, в английском языке это слово означает черную икру, добываемую из осетров: «…delicately spooning Caspian beluga onto her tongue… - …аккуратно подцепляющая ложечкой черную икру…». Слово «borscht» помимо своего первоначального значения «борщ – классическое первое блюдо в славянских культурах», в составе словосочетаний borscht belt, borscht circuit «пояс борща, борщевая цепь» обозначает «сеть курортных отелей в горах Катскилл, штат Нью-Йорк; кабаре и ночные клубы дачно-курортного района близ Нью-Йорка; летние театры», а также употребляется в качестве эмоционального междометия: «…Borscht! – I exclaimed. - Только этого мне не хватало! - воскликнул я…». Таким образом, данный русизм постепенно теряет ассоциативный образ отражения русскоязычной культуры и активно применяется вне функции отражения местного колорита.

Выводы

Приведенные примеры позволяют выделить определенные тенденции в прагматике применения русизмов в иноязычном художественном тексте. Будучи средствами

придания культурного колорита, данные типы заимствования отражают национальную специфику мировосприятия определенного лингвокультурного сообщества, что нередко приводит к предвзятым, стереотипным мнениям, а также культурным и семантическим недоразумениям. Нами было отмечено, что даже в период постсоветской эпохи, вне условий политической конфронтации, русизмы функционируют не столько как средство описания иноязычной культуры (номинативная функция), сколько как способ оценочной характеристики (экспрессивная функция), чаще всего негативной, явлений американской действительности. Подобная актуализация отрицательной коннотации, закрепленной за русскоязычными элементами, препятствует коммуникативной доступности русизмов в языковой практике инофонов, что является материалом для дальнейшего исследования.

Литература

1. Акуленко В.В. Влияние современного русского языка в связи с развитием его словарного состава на западноевропейские языки: Дис. … канд. филол. наук. – Харьков, 1955. – 654 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
3. Бакли К. Здесь курят: Роман / Кристофер Бакли; Пер. с англ. С. Ильина. – М.: Иностранка, 2007. – 559с.
4. Бакли К. Зеленые человечки: Роман / Кристофер Бакли; Пер. с англ. А. Патрикеевой. – М.: Б.С.Г. – ПРЕСС; СПб.: Азбука-классика, 2004. – 384с.
5. Бакли К. Суматоха в Белом доме: Роман / Кристофер Бакли; Пер. с англ. Л. Володарской. – М.: Б.С.Г. - ПРЕСС, 2004. – 478с.
6. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е.С. Кубряковой, В.П. Мурат; под ред. М.М. Гухман. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
7. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980. - 343 с.
8. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика : учебное пособие / А. О. Иванов. - Санкт-Петербург : Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 90с.
9. Ильиш Б.А. Современный английский язык: теорет. курс. – М.: Изд-во лит. на иностр.яз., 1948. – 347 с.

10. Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. –252 с.
11. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. - 2009. - №2. - С. 35–40.
12. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. - 152 с.
13. Таганова Т.А. Ксенонимы-русизмы XXI века в англоязычной периодике и лексикографии // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. - 2010. - № 4. - С. 736–738.
14. Толстикова Л.В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычном газетных дискурсах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Майкоп, 2012. – 24 с.
15. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. - С. 344-382.
16. Buckley, Christopher. Little Green Men: a novel / Christopher Buckley. - Random House Trade Paperback Edition, 1999. – 300p.
17. Buckley, Christopher. Thank You for Smoking: a novel / Christopher Buckley. - Random House Trade Paperback Edition, 2006. – 272p.
18. Buckley, Christopher. The White House Mess: a novel / Christopher Buckley. - Penguin Books, 1986. – 224p.

References

1. Akulenko V.V. Vlijanie sovremennogo russkogo jazyka v svjazi s razvitiem ego slovarnogo sostava na zapadnoevropejskie jazyki [Influence of modern Russian language in connection with the development of its vocabulary on Western European languages] : Dis. … kand. filol. nauk. – Har'kov, 1955. – 654 s. (in Russian).
2. Arnol'd I.V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka [Lexicology of Modern English] – M.: Flinta: Nauka, 2012. – 376 s. (in Russian).
3. Bloomfield L. Jazyk [Language] / Per. s angl. E.S. Kubrjakovoj, V.P. Murat; pod red. M.M. Guhman. – M.: Progress, 1968. – 608 s. (in Russian).
4. Buckley Ch. Zdes' kurjat [Thank You for Smoking] : Roman / Kristofer Bakli; Per. s angl. S. Il'ina. – M.: Inostranka, 2007. – 559s. (in Russian).
5. Buckley Ch. Zelenye chelovechki [Little Green Men]: Roman / Kristofer Bakli; Per. s angl. A. Patrikeevoj. – M.: B.S.G. – PRESS; SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – 384s. (in Russian).

6. Buckley Ch. Sumatoha v Belom dome [The White House Mess] : Roman / Kristofer Bakli; Per. s angl. L. Volodarskoj. – M.: B.S.G. - PRESS, 2004. – 478s. (in Russian).
7. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [The untranslatable in translation]. - M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1980. - 343 s. (in Russian).
8. Ivanov A.O. Bezjekvivalentnaja leksika [Unequivalent vocabulary]: uchebnoe posobie / A. O. Ivanov. - Sankt-Peterburg: Filol. fak. Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006. – 90s. (in Russian).
9. Il'ish B.A. Sovremennyj anglijskij jazyk: teoret. kurs. [Modern English: a theoretical course]– M.: Izd-vo lit. na inostr.jaz., 1948. – 347 s. (in Russian).
10. Kabakchi V.V. Vvedenie v interlingvokul'turologiju [Introduction to interlinguocultural studies]: ucheb. posobie / V.V. Kabakchi, E.V. Beloglazova. – CPb. : Izd-vo SPbGUJeF, 2012. –252 s. (in Russian).
11. Kupina N.A. Sovetizmy: k opredeleniju ponjatija [Sovietisms: towards a definition of the concept]// Politicheskaja lingvistika. - 2009. - №2. - S. 35–40. (in Russian).
12. Sekirin V.P. Zaimstvovanija v anglijskom jazyke [Borrowings in English]. – Kiev: Izd-vo Kiev. un-ta, 1964. - 152 s. (in Russian).
13. Taganova T.A. Ksenonimy-rusizmy XXI veka v anglojazychnoj periodike i leksikografii [Xenonyms-Russianisms of the XXI century in English-language periodicals and lexicography] // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. - 2010. - № 4. - S. 736–738. (in Russian).
14. Tolstikova L.V. Kognitivno-pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty funkcionirovanija rusizmov v anglojazychnom i anglicizmov v russkojazychnom gazetnyh diskursah [Cognitive-pragmatic and linguocultural aspects of functioning of Russianisms in English-language and Anglicisms in Russian-language newspaper discourses]: Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Majkop, 2012. – 24 s. (in Russian).
15. Haugen E. Process zaimstvovanija [Borrowing process]// Novoe v lingvistike. – 1972. – Vyp. 6. - S. 344-382. (in Russian).
16. Buckley, Christopher. Little Green Men: a novel / Christopher Buckley. - Random House Trade Paperback Edition, 1999. – 300p. (in English)
17. Buckley, Christopher. Thank You for Smoking: a novel / Christopher Buckley. - Random House Trade Paperback Edition, 2006. – 272p. (in English)

18. Buckley, Christopher. The White House Mess: a novel / Christopher Buckley. - Penguin Books, 1986. – 224p. (in English)

Статья поступила в редакцию 27.08.2023
Статья одобрена после рецензирования 10.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 930.85

Павловская Анна Валентиновна
Anna Pavlovskaya
Петрова Ольга Сергеевна
Olga Petrova

«Чтение – вот лучшее учение». Место и роль книги в русской жизни XIX века[1]

“Reading is the Best Teaching”. The Place and Role of Books in the Russian Life of the 19th Century

Аннотация. *В статье рассматривается то огромное место, которая книга и книжное чтение занимали в культуре России вообще и в XIX веке в частности. Книга являлась незаменимым источником знаний, важнейшей частью образования и просвещения. Целые поколения русской интеллигенции выросли на книгах, игравших не только образовательную роль, но и воспитательную. Особое место уделяется распространению книжности в народе. Традиционно русское крестьянство считалось неграмотным, эту идею настойчиво продвигали как в дореволюционной, так и в советской России. Однако факты говорят о другом: русская деревня была хорошо знакома с книгой, а те, кто не умел читать сам, участвовал в коллективных чтениях вслух. Исследование основывается на историко-типологическом методе, его источниковая база чрезвычайно широка. Она включает государственные документы, труды русских философов и педагогов, дневники и мемуары, художественную литературу, этнографические опросы, записки иностранцев о России. Проблемы образования сегодня актуальны, как никогда. Особенно остро стоит вопрос с чтением книг, которые сегодня вытесняются новыми источниками информации, в первую очередь интернет-ресурсами. Исторический опыт показывает, что книжное чтение является важнейшим средством образования, способом и методом передачи знания. Помимо образовательного значения, книга в России играла и социальную, и воспитательную, и духовную роль. Распространяясь в различных слоях общества, книга становится своеобразным «объединителем» русского мира. Конечно, в зависимости от социальной среды во многом разнился круг чтения, количество читаемой литературы, но общая основа — любовь и вера в книгу — была единой. Интересно, что чтение вслух, древнейшая русская традиция, было распространено не только среди крестьян и не только как способ просвещения неграмотных. В дворянской среде тоже читали вслух, здесь подобные чтения становились важным способом общения поколений, объединения семьи в единое целое, а также серьезнейшим воспитательным средством.*

Abstract. *The article considers the huge place that the book and book reading occupied in the culture of Russia in general and in the XIX century in particular. The book was an indispensable source of knowledge, the most important part of education and enlightenment.*

[1] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Whole generations of Russian intelligentsia grew up on books, which played not only an educational role, but also educational. A special place is given to the spread of books among the people. Traditionally, the Russian peasantry was considered illiterate, an idea that was persistently promoted both in pre-revolutionary and Soviet Russia. However, the facts tell a different story: the Russian village was well acquainted with books, and those who could not read themselves participated in collective read-alouds. The research is based on the historical-typological method, and its source base is extremely broad. It includes state documents, works of Russian philosophers and pedagogues, diaries and memoirs, fiction, ethnographic surveys, notes of foreigners about Russia. The problems of education today are more urgent than ever. Especially acute is the issue of reading books, which today are being displaced by new sources of information, primarily Internet resources. Historical experience shows that book reading is the most important means of education, a way and method of knowledge transmission. In addition to its educational value, the book in Russia played a social, educational and spiritual role. Spreading in different strata of society, the book becomes a kind of "unifier" of the Russian world. Of course, depending on the social environment, the reading circle and the amount of literature read varied, but the common basis - love and faith in the book - was the same. It is interesting that reading aloud, the oldest Russian tradition, was not only among peasants and not only as a way of educating illiterates. In the nobility also read aloud, and here such readings became an important way of communication between generations, uniting the family into a single whole, as well as a serious educational tool.

Ключевые слова*: книга, книжное дело, образование, грамотность, история России XIX века*

Keywords*: books, reading, education, literacy, Russian history of the 19th century*

Введение

Трудно переоценить роль книги и чтения в России. Пожалуй, нигде в мире книга не занимала столь значительное место в духовной культуре столь длительное время. «Чтение — вот лучшее учение», наставлял А.С. Пушкин своего легкомысленного младшего брата Льва [Пушкин, 1962: 43]. Сто лет спустя Максим Горький провозгласил: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». И далее: «Я люблю книги: каждая из них кажется мне чудом, а писатель — магом. Я не могу говорить о книгах иначе, как с глубочайшим волнением, с радостным энтузиазмом. …Книга проводит меня сквозь жизнь… и всегда учит чему-нибудь новому, чего я не знал и не замечал в человеке» [Сост. Бэлза, 1989: 25].

На протяжении многих веков на Руси были распространены, главным образом, книги духовные, по ним молились, учились читать, к ним обращались и в радости, и в трудную минуту, в них искали утешения и просветления. Не случайно, в России сложилось особое, благоговейное отношение к книге и безграничное доверие к ней. Ведь книжное слово было равнозначно слову Божьему.

Изменения, начавшиеся в России в XVIII веке, в первую очередь, появление светской литературы и проникновение западноевропейских романов, хотя и изменили ситуацию, но не уничтожили ни трепетного отношения к книжному слову, ни доверия, ни важной роли в жизни. Книга по-прежнему учила, книга помогала, а порой и вмешивалась в жизнь, коренным образом меняя ее.

Увлечение чтением книг в дворянской среде в конце XVIII - XIX вв.

Интересна и значительна роль книги в жизни знаменитого баснописца И. А. Крылова (1769–1844). Юность поэта прошла в бедности, и его семья не имела возможности дать ему серьезное систематическое образование. Все свои обширные познания, а уже в 1780-е гг. Крылов входит в петербургский светский и литературный круг, где считается человеком разносторонне образованным, прекрасно знавшим европейскую и античную литературу, историю, философию, он почерпнул из книг, которые жадно читал, как только представлялась возможность. Жизнь Крылова полна событий и загадок: он много странствовал, был вынужден писать за деньги, несколько раз увольнялся с государственной службы, нанимался домашним учителем в знатные семейства, основал закрывшуюся вскоре типографию и руководил провалившимся вскоре журналом, был известным профессиональным карточным игроком, которому некоторое время было даже запрещено жить в столицах, личным секретарем генерала С. Ф. Голицына и прошел с ним через опалу, ссылку и новое возвышение, выйдя в отставку и скитаясь между столичными городами и провинцией, вновь вел крупную карточную игру. Вся эта бурная и полная авантюр жизнь заканчивается с назначением И. А. Крылова библиотекарем в Публичную библиотеку в 1812 г., где он провел почти тридцать лет до ухода на пенсию. «С этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, — писал П. А. Плетнев, — тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная» [Голубева, 1988: 125]. Он полностью уходит в чтение, занятие переводами и сочинительство. Его жизнь теперь посвящена служению книгам — он составляет различные библиотечные каталоги, придумывая свою собственную систему, ему поручается

правительством ответственное задание — составить список книг, дурно влияющих на нравы молодежи, что он и делает, все это время он не расстается с книгой, читая, читая и читая.

Итак, книга с течением времени не только не теряла свое значение, но занимала все более важное место в жизни человека, расширяла и разнообразила свои функции. А. И. Кошелев (1806–1883), славянофил, государственный деятель и богатый помещик, выросший в образованной московской семье, вспоминал о своем раннем детстве: «Я сильно полюбил чтение; так к нему пристрастился, что матушка отнимала у меня книги» [Кошелев, 1991: 46]. Особенно захватила его воображение вышедшая в 1816 г. «История государства Российского» Карамзина, произведение нового для России жанра, написанное русским писателем просто, ярко и захватывающе, делавшее исторические события и образы зримыми и живыми. Чтение это было одновременно и поучительно, и интересно, и назидательно, и патриотично. Это была еще одна новая грань книжного чтения в новую эпоху. Повсеместное увлечение было подмечено Пушкиным: «Появление сей книги… наделало много шуму и произвело сильное впечатление… Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом» [Пушкин, 1949: 136].

В XIX в. по отношению к книге часто применяется слово «страсть». Керн писала, что в детстве, «несмотря на постоянные веселости, обеды, балы, на которых я присутствовала, мне удавалось удовлетворять своей страсти к чтению, развившейся во мне с пяти лет. Я все читала тайком книги моей матери…» [Керн, 1987: 113]. М. А. Дмитриев вспоминал, что «с малолетства был страстен к чтению» [Дмитриев, 1998: 42]. В испытываемом в детстве «чувстве благоговения» к книге признается и вышедшая из купеческой среды В. Н. Харузина (1866–1931), первая русская женщина, получившая звание профессора этнографии. В ее строгой патриархальной семье отношение к образованию, да еще и женскому, было неоднозначным, и книги стали для нее окном в мир: «Книг было так мало в нашем раннем детстве, что невольно с нежностью вспоминаешь каждую из них» [Харузина,

1999: 43]. В. Г. Белинский (1811–1848), крупнейший литературный критик своей эпохи, писал, что «книга есть жизнь нашего времени. В ней все нуждаются — и старые и молодые, и деловые и ничего не делающие; дети — также» [Белинский, 1987: 299].

Любовь к книге породила любовь к слову, отсюда и увлечение учебных заведений начала XIX в. словесностью. Отделение словесности в Московском университете имело больше студентов, чем другие, и, по свидетельству К. С. Аксакова, «словесники» питали «великое презрение» к «политикам», т. е. студентам юридического отделения. В Благородном пансионе при университете словесности также уделяли самое большое внимание. «Однако скажут после этого, что же хорошего было в этом пансионе? — задавался вопросом Дмитриев и сам себе отвечал. — Вот что: литературное образование, которое более всех других способствует не к специальным знаниям, а к общей образованности, которая, соответствуя потребности тогдашнего просвещенного общества, была действительно нужнее положительных знаний» [Аксаков, 1989: 326]. В конечном итоге увлечение общества словесностью привело к тому, что литература стала частью русской жизни, а русская жизнь неотъемлемой — составляющей литературы.

Трепетное отношение к книге вызывало протест против ее коммерциализации. Спрос на книжную продукцию, все возраставший с начала XIX в., вызвал резкое увеличение числа издаваемых книг. В обозрении книжной торговли за 1830–1840-е гг. отмечалось, что в книжных лавках «стали появляться аристократы и люди высшей администрации, до того времени в руки не бравшие русских книг; зимою появились, в значительном числе, помещики, покупавшие зараз на большую сумму книг… Все книгопродавцы стали издавать втрое, вчетверо более, чем прежде». Книга стала неплохим источником дохода, а здесь уже было не до высокого художественного качества или нравственных принципов. Издавалось то, что могло продаться. С горечью писал К. Н. Батюшков в 1810-е гг.: «Кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и проч., без всяких сведений о словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов,

фабрика романов и что книжные торгаши покупают ученый товар, то есть переводы и сочинения, на вес, приговаривая бедным авторам: не качество, а количество, не слог, а число листов» [Милюков, 1994: 351].

В XIX в. книга продолжала сохранять свое значение как источник образования и самообразования. В словаре Даля «просвещенный» человек — это «современный образованьем, книжный, читающий». Харузину с трех лет начала учить читать ее тетя, незамужняя сестра матери, сама в свое время самостоятельно выучившаяся читать. «Этот период закончился для меня знаменательным событием: я выучилась читать, — вспоминала уже в 1911 году Вера Николаевна. — <…> Надо вспомнить, как тетя научилась грамоте самоучкой, скрываясь, движимая ярко сознаваемой в душе потребностью знать, просвещаться, чтобы понять, как она относилась к учению, к его необходимости. Этого отношения уже не встретишь теперь, когда все это стало так доступно; но подобное отношение я видела позднее в сельской, в воскресной школе, благоговейное чувство к знанию, к “науке”. <…> Я, верите, восприняла в те годы это чувство благоговения к книге от тети. Я жила им, как она, может быть, уже в несколько ослабленном виде, потому что я с точностью могу определить, что я благоговейно относилась только к книге, а тетя и к перьям, и к карандашам, ко всем, так сказать, орудиям просвещения» [Харузина, 1999: 42]. Это свидетельствует о том, что книга отнюдь не была достоянием исключительно дворянской среды, ее роль в купеческой жизни также была значительна.

Книги в крестьянской среде

Вопреки распространенному представлению о неграмотности русского крестьянства читала и деревня. Русское крестьянство традиционно считается темным, неграмотным и забитым. Действительно, об этой стороне его жизни известно совсем немного. Существует достаточно давняя историческая традиция, изображающая русского крестьянина не просто неграмотным, но и активно сопротивляющимся проникновению знания в их среду. Причины такого рода представлений в значительной степени объясняются источниками информации о жизни крестьянства. Русские писатели-реалисты, ратуя за

улучшение жизни крестьянина, в частности за повсеместное распространение школ и образования, стремились привлечь внимание общественности к проблемам русской деревни, показывая все тяготы народной жизни. Именно русской литературе во многом обязаны мы распространению того образа замученного жизнью, бесправного, страдающего и невежественного крестьянина, который на многие годы закрепился в нашем сознании.

Внесли свой вклад в закрепление этого образа и русские народники. Эти молодые, революционно настроенные представители разночинской интеллигенции, задавшиеся целью внедрить социалистические идеи в крестьянское сознание, поднять их в конечном итоге на бунт, на борьбу, на государственный переворот, с весны 1873 г. организовали массовый поход в деревню, получивший название «хождение в народ». Движение это потерпело неудачу, после чего было предпринято второе «хождение». Теперь уже ставились постепенные и более обстоятельные задачи — поселиться в деревне в качестве учителей или врачей и вести планомерную пропаганду. То, о чем мечталось и спорилось в душных, прокуренных комнатах столичных городов, на практике оказалось совершенно иным. Деревня не признавала городских чужаков, сколько бы они ни одевались в простонародную одежду и ни употребляли просторечных выражений. Естественно, что доверять своих детей чужакам, да еще и с «идеями», крестьяне не стали. Разочарованные поражением, вернувшиеся в город народники принесли с собой идею об исконном сопротивлении крестьян распространению образования.

Наконец, советская историческая наука закрепила образ невежественного крестьянина, хотя и с другим идеологическим обоснованием. Не то что не хотел, а не мог крестьянин получить знания в деревне, потому что этот процесс искусственно тормозился сначала помещиками, а потом и государством, не желавшим просвещать народ, чтобы не вызвать революцию. На этом мрачном фоне особенно выигрышно смотрелись преобразования советской власти, направленные сначала на ликвидацию безграмотности, а в конце концов на введение всеобщего обязательного среднего образования.

Вместе с тем советские историки еще в 1960-е гг. (С. С. Дмитриев), а также позже американские (Б. Эклоф), писали о том, что крестьянство было отнюдь не чуждо духовным интересам и охотно при первой же возможности отдавало своих детей учиться. Свидетельств тому можно найти много. Исследовательница М. М. Громыко, изучив крестьянские челобитные конца XVIII в., пришла к выводу, что значительная их часть была написана самими крестьянами. Историк сибирского крестьянства Н. А. Миненко привлекла внимание ученых к крестьянской переписке конца XVIII — начала XIX вв. За последние годы вышел ряд трудов, посвященных распространению книжной культуры среди крестьян. Существует также концепция, что крестьяне нередко скрывали свою грамотность от официальных лиц, боясь преследования или каких-то неожиданных обязанностей, а чаще всего просто на всякий случай, следовательно, официальные данные о грамотности в деревнях могли быть сильно занижены.

Интересные результаты дают археографические экспедиции. Много лет ведется работа в области собирания, описания и изучения рукописных и печатных памятников Археографической комиссией при научной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова (руководитель — профессор И. В. Поздеева). Организуются регулярные экспедиции, основная цель которых — сбор материала в старообрядческой среде Москвы и Московской области, Пермской области, долгое время велись работы в русских селах на Украине, в Молдавии, Грузии. Работать со старообрядцами не всегда легко: отгородившиеся от жизни из-за нежелания слиться с государственной церковью, а сегодня еще часто и крайней удаленности их поселений, в которых нередко число жителей измеряется единицами, а средний возраст — 80 лет, они доброжелательно встречают непрошеных гостей, но неохотно открывают душу и показывают свои книги.

Современные старообрядцы во многом продолжают соблюдать традиции предков, именно поэтому их быт столь интересен для исследователя русской культуры. Они носят домотканую одежду, подпоясанную традиционными поясками-оберегами, готовят еду по рецептам, не менявшимся много веков

(их «квасок» осилит не всякий современный житель), не пьют чай и кофе, не пользуются никакими достижениями цивилизации, включая радио и телевизор, даже по-прежнему употребляют отдельную посуду, ибо та, из которой ели-пили нестарообрядцы, считается нечистой и должна быть уничтожена. Словом, существуют в своем особом мире. К книгам относятся с большим уважением. Часто отдают их в государственную библиотеку только потому, что получают гарантии сохранения их в особых условиях. Сами они такой уверенности не имеют: книги воруют, после смерти дети часто продают их по дешевке. А книги бывают редкие, среди них множество рукописных, уникальных, собиравшихся веками. Часто встречаются в деревнях своеобразные библиотеки: книги по очереди хранятся в том или ином доме, а пользоваться ими может каждый житель. Приходишь в один дом, переписываешь книги, счастливый богатой находкой, а на следующий год в этой семье нет ни одной, и хозяин загадочно молчит. Идешь в соседний, открываешь новую богатую коллекцию и, только переписав ее, понимаешь, что хозяин-то новый, а книги старые. Подобного рода «библиотеки» были распространены когда-то во многих деревнях и свидетельствуют об их востребованности в крестьянской среде.

Интересны свидетельства, собранные Этнографическим бюро князя Тенишева. Князь В. Н. Тенишев — человек разнообразнейших дарований, государственный деятель, удачливый предприниматель, музыкант-самоучка, археолог-любитель, этнограф, всегда служил своей родине и делу просвещения. Одним из важнейших начинаний он считал создание во второй половине 1890-х гг. Этнографического бюро, ставившего целью сбор сведений о крестьянстве, прежде всего о его быте, нравах, традициях, повседневной жизни. Этому делу было отдано много его сил, времени и средств. Данные собирались корреспондентами бюро, чаще всего отбиравшимися из местных жителей, иногда работавшими на добровольных началах, иногда за определенную плату. Ими могли быть чиновники, врачи, часто священники, дьяконы, иногда дворяне, студенты, разночинцы. Эта пестрая в социальном плане группа этнографов-любителей, всего работало около 365 корреспондентов, цифра весьма значительная, собирала

данные по деревням согласно тщательно составленному специалистами опроснику, включавшему более пятисот пунктов. В результате был собран обширный материал, составляющий большой архивный фонд, только незначительная его часть опубликована.

По данным, присланным в Этнографическое бюро, книга занимала важное место в духовной жизни крестьян. Корреспонденты сообщали: «…охота к чтению у крестьян развита. Причем неграмотные испытывают зависть к грамотеям»; «Грамотеи читают повсюду, и вслух и про себя, собирая любителей послушать. Зимой в местную сторожку или школу собираются любители чтения, по 20 человек и более…»; «Грамотные крестьяне относятся к чтению с любовью и охотой. Книги Божественного содержания считают “сурьозным чтением”». «Гражданское чтение вообще считается забавой»; «Поступив на фабрику забывают все (из школы), кроме любви к чтению. Поэтому многие, обзаведясь семьей, покупают для детей книги, которые читают и сами, и азбуки, по которым готовят своих детей к школе. Есть приходская библиотека… ею постоянно пользуются. В приходе открыта небольшая народная библиотека на средства общества трезвости…» [Тенишев, 1993: 163-167, 268].

Круг людей, знакомых с книгой, был гораздо шире, чем грамотных. Грамотные читали сами, неграмотные слушали. Чтения вслух были не редкостью и собирали большое количество слушателей. Читали вслух газеты, содержащие новости, читали письма родных с фронта, но больше всего читали книги. По свидетельству В. П. Вахтерова, объездившего в конце XIX в. многие сельские школы и библиотеки Смоленщины, результатом чего стал выход в свет книги «Внешкольное образование народа», «всякий, кто наблюдал за чтением в деревне, кто видел, с каким трепетом сердечным следят деревенские читатели за терзанием героя рассказа, с каким восторгом узнают они о его удачах, кто слышал этот искренний, неудержимый гомерический хохот деревенской аудитории, когда положение действующих лиц рассказа становится комичным, видел эти слезы наиболее впечатлительных слушателей, сопровождаемые вздохами и восклицаниями других при талантливом воспроизведении кем-

нибудь печального события, кто слышал суждения крестьян по поводу просто и толково прочитанного, тот знает, что при хорошем чтеце талантливая, интересная и доступная пониманию народа книга оставляет неизгладимый след в душе простолюдина, входит в его мировоззрение, становится заметным фактором в его духовной жизни» [Вахтеров, 1896: 4–23].

Круг чтения русского крестьянина

Книги покупали на базаре, у проезжих коробейников, прозываемых «офенями», брали почитать у соседа или в деревенской библиотеке, число которых резко возросло в пореформенной России. Правда, многие отмечают, что читали больше мужчины, девушки. «Чтением книг почти не интересуются, считая, что лучше песни петь с девками, если есть свободное время», а женщины меньше ругают «из-за пропитого рубля, чем из-за копеечных книг, ибо пьянство считается злом неизбежным, с которым и бороться бесполезно, книги же — блажь», — сообщает корреспондент из Владимирской губернии [Тенишев, 1993: 166].

Круг чтения русского крестьянина определялся его интересами и жизненными ценностями. Больше всего в деревне ценили книги духовного содержания, которые и были преобладающим видом деревенской литературы. Очень почитались различные жития святых, сочетавшие в себе элемент почтительно-религиозный и сказочно-чудесный. Любили также книги историко-героической тематики. Победы русского оружия, деяния различных исторических личностей, знаменитые сражения — все это вызывало большой интерес и возбуждало патриотические чувства крестьян, гордость за свое отечество. Классическую художественную литературу читали гораздо меньше. Самой большой популярностью из русских авторов пользовался, наверное, Пушкин, особенно историческая повесть «Капитанская дочка» и «Дубровский». Правда, один из крестьян заявил корреспонденту: «Смерть, люблю Гоголя», но он был скорее исключением, чем правилом. Интересное свидетельство оставил известный деятель на ниве народного просвещения Н. А. Рубакин, критически относившийся к изданию специальной упрощенной литературы для народа. Он писал, что

крестьяне отрицательно относятся к написанным Л. Н. Толстым рассказам для народа, т. к. в них много чертей. Один из крестьян писал ему в письме, что хотя ему очень понравилась сказка Толстого «Иван Дурак», но она «многими оберегается, потому что в ней — черти» [Громыко, 1991: 305]. Из зарубежных авторов наибольшее распространение получили приключенческие книги Майн Рида и изданный под названием «Потерянный и возвращенный рай» Дж. Мильтона. Не любили крестьяне стихи («Это баловство одно»), драматургию и книги про крестьянский быт («Это мы больно сами гожё все знаем») [Тенишев, 1993: 167].

Молодежь увлекалась светской литературой в лубочных изданиях, что осуждалось старшим поколением как баловство и даже вредное чтение, так как книги подобного рода были нередко весьма легкомысленного содержания. О лубочной литературе, представлявшей собой иллюстрированные издания, изготовляемые литографским способом и предназначенные преимущественно для крестьян, в конце XIX в. разгорелись жаркие споры. Противники лубка считали, что подобная книга, часто представлявшая собой иллюстрированное примитивное переложение дешевых романов — картинка, а внизу подпись, подобно современным комиксам, развращает деревню, не только не приносит пользу в деле образования народа, но и наносит непоправимый вред нравственности. Сторонники же считали, что любое знание, а среди лубочных книг было много исторических произведений и пересказы классики, приносит пользу. Подобно Карамзину, отстаивавшему право любовных романов на существование, они считали, что «пусть уж что-нибудь читают!» Как бы то ни было, но тенишевский опрос показал, что «романы и рассказы лубочного характера особенно нравятся молодежи — “страсть занятны”».

Заключение

Книга в XIX в., распространяясь в различных слоях общества, становится наряду со сказками своеобразным «объединителем» русского мира. Конечно, в зависимости от социальной среды во многом разнился круг чтения, количество читаемой литературы, но общая основа — любовь и вера в книгу — была единой. Интересно, что чтение вслух, древнейшая русская традиция, было распространено не только среди крестьян

и не только как способ просвещения неграмотных. В дворянской среде тоже читали вслух, здесь подобные чтения становились важным способом общения поколений, объединения семьи в единое целое, а также серьезнейшим воспитательным средством. Книги читали, затем обсуждали на семейных сборищах, затем вновь перечитывали понравившееся. Сильнейшее потрясение от подобного рода чтения описал князь Е. Н. Трубецкой (1863–1920), представитель старинного дворянского рода, выросший в образованной семье, воспитанный глубоко религиозной матерью, все три сына которой — Сергей, Евгений и Григорий — стали известными философами. Мать много читала вслух: Евангелие, духовную литературу, русскую классику. «Помню, как неотразимо могуче было, благодаря влиянию Мама, первое действие на наши души великих русских писателей, — вспоминал Трубецкой, — каким праздником для нас были ее чтения “Вечеров на хуторе” Гоголя и “Записок охотника” Тургенева. Помню, как я десятилетним мальчиком был до глубины души взволнован и потрясен рассказом “Муму”, как она сумела по поводу этого рассказа заставить нас сразу почувствовать весь ужас канувшей в воду эпохи крепостного права. Я и до сих пор не могу вспомнить “Муму”, чтобы не вспомнить о ней. Такие воспоминания не только врезаются в память, они остаются на всю жизнь духовными двигателями» [Трубецкой, 2000: 79].

Литература

1. Аксаков К. С. Воспоминание студентства 1832–1835 годов. Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. Университетская библиотека. М., 1989. – 448 с.
2. Белинский В. Г. О воспитании детей вообще и о детской книге. Антология педагогической мысли России первой половины XIX. М.1987. – 560 с.
3. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1993. – 472 с.
4. Вахтеров В. П. Внешкольное образование народа. М., 1896. – 380 с.
5. Голубева О. Д. Хранители книги М., 1988. – 271 с.
6. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. – 446 с.
7. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.1998. – 752 с.

8. Керн А. П. Воспоминания о Пушкине М.1987. – 416 с.
9. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. М. 1994. - 558 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 9. М. 1962.- 495 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 12. М.-Л., 1949. – 576 с.
12. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. Серия Университетская библиотека. – 237 с.
13. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Томск. 2000. – 350 с.
14. Харузина В. Н. Прошлое. Серия «Россия в мемуарах». М., 1999. – 558 с.
15. Человек читающий. Писатели XX века о роли книги. Сост. С. И. Бэлза, М., 1989 – 720 с.
16. Eklof, Ben. Russian peasant schools. Officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861 - 1914. University of California Press, 1990 - 651 с.

References

1. Aksakov K. S. Vospominanie studentstva 1832–1835 godov. Russkoe obshhestvo 30-h godov XIX v. Memuary sovremennikov. [Memoirs of Students of 1832-1835. Russian Society in the 1930s. Memoirs of Contemporaries] Universitetskaja biblioteka. M., 1989. – 448 pp. (in Russian).
2. Belinskij V. G. O vospitanii detej voobshhe i o detskoj knige. Antologija pedagogicheskoj mysli Rossii pervoj poloviny XIX. [On the Education of Children in General and on Children's Books. Anthology of Pedagogical Thought in Russia in the First Half of the 19th Century] M.1987. – 560 pp. (in Russian).
3. Byt velikorusskih krest'jan-zemlepashcev. Jetnograficheskoe bjuro knjazja V. N. Tenisheva. [The life of the Great Russian peasant farmers. Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev] SPb., 1993. – 472 pp. (in Russian).
4. Vahterov V. P. Vneshkol'noe obrazovanie naroda. [Extracurricular Education of the People.] M., 1896. – 380 pp. (in Russian).
5. Golubeva O. D. Hraniteli knigi [Keepers of the Book] M., 1988. – 271 pp. (in Russian).
6. Gromyko M. M. Mir russkoj derevni. [The World of Russian Village] M., 1991. – 446 pp. (in Russian).

7. Dmitriev M. A. Glavy iz vospominanij moej zhizni [Chapters from the memories of my life]. M.1998. – 752 pp. (in Russian).
8. Kern A. P. Vospominanija o Pushkine [Reminiscences of Pushkin] M.1987. – 416 pp. (in Russian).
9. Miljukov P. N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury [Essays on the History of Russian Culture]. V 3 t. T. 2. M. 1994. - 558 pp. (in Russian).
10. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij. [The Complete Works] V 10 t. T. 9. M. 1962.- 495 pp. (in Russian).
11. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij. [The Complete Works] V 16 t. T. 12. M.-L., 1949. – 576 pp. (in Russian).
12. Russkoe obshhestvo 40–50-h godov XIX v. Ch. I. Zapiski A. I. Kosheleva. [Russian society in the 40-50's of the 19th century. Notes of A. I. Koshelev.] M., 1991. Serija Universitetskaja biblioteka. – 237 pp. (in Russian).
13. Trubeckoj E. N. Iz proshlogo. [From the Past] Tomsk. 2000. – 350 pp. (in Russian).
14. Haruzina V. N. Proshloe. Serija «Rossija v memuarah» [The Past. Series "Russia in Memoirs.]. M., 1999. – 558 pp. (in Russian).
15. Chelovek chitajushhij. Pisateli XX veka o roli knigi. [The Man Who Reads. Writers of the 20th century on the role of books.] Sost. S. I. Bjelza, M., 1989 – 720 pp. (in Russian).
16. Eklof**,** Ben**.** Russian peasant schools. Officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861 - 1914. University of California Press, 1990 - 651 pp.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023
Статья одобрена после рецензирования 02.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

УДК 811

Филиппова Дарья Олеговна
Daria Filippova

Способы выражения национального «культурного кода» через варианты английского языка на материале британских и австралийских сказок

Ways of Expressing the National "Cultural Code" through World Englishes Based on British and Australian Fairy Tales

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия языкового сознания и заложенного в нем культурного кода индивида с вариантом языка, которым он владеет. Вопросы корреляции языковой нормы и вариантов данной нормы являются широко обсуждаемыми на протяжении многих десятилетий в таких разделах как лингвистика, вариантология, а также теории языка и языкознания. Взаимодействие языка и культуры, а также проявление языкового сознания и отражения культурного фона, в котором существует индивид, является предметом рассмотрения лингвокультурологии, вариантологии и теории межкультурной коммуникации. С точки зрения лингвокультурологии, проявление национальных черт любого языка связано с языковым сознанием и лингвистическим и культурным контекстом, в котором это сознание формируется. С точки зрения межкультурной коммуникации необходимым условием для ее осуществления является наличие общих знаний, включающих знание кода, то есть знаний, которые переходят за пределы языка и определяются конкретной культурой. Говоря о варианте необходимо сказать и о языковой норме. Смешиваясь с языковой нормой, вариант на нее влияет. Вариант языка установленного в обществе как норма интерферирует с национальным языком и видоизменяется под воздействием данного языка. Средство общения, которым пользуется индивид, вбирает элементы данных языков и культуру, коррелируя с языковой нормой, установленной в обществе в разных формах. Ментальная карта языковой личности является неотъемлемой частью языкового сознания индивида. На нее, безусловно, оказывают воздействие как культурной реалии и социально-исторический контекст, так и различные социальные группы, объединенные общими целями и задачами, использующие определенный язык социальной группы.*

Abstract. *This article examines the issues of interaction of linguistic consciousness and the cultural code of an individual embedded in it with a variant of the language that he owns. The issues of correlation of the linguistic norm and variants of this norm have been widely discussed for many decades in such sections as linguistics, variantology, as well as the theory of language and linguistics. The interaction of language and culture, as well as the manifestation of linguistic consciousness and reflection of the cultural background in which an individual exists, is the subject of consideration of linguoculturology, variantology and the theory of intercultural communication. From the point of view of linguoculturology, the manifestation of national features of any language is associated with linguistic consciousness and the linguistic and cultural context in which this consciousness is formed. From the point of view of intercultural communication, a prerequisite for its implementation is the presence of general knowledge, including knowledge of the code, that is, knowledge that goes beyond the language and is determined by a specific culture. Speaking about the variant, it is necessary to say about the language norm. Mixing with the language norm, the variant affects it. The variant of the*

language established in society as a norm interferes with the national language and is modified under the influence of this language. The means of communication used by an individual incorporates elements of these languages and culture, correlating with the linguistic norm established in society in various forms. The mental map of a linguistic personality is an integral part of an individual's linguistic consciousness. It is certainly influenced by both cultural realities and socio-historical context, as well as various social groups united by common goals and objectives, using a certain language of the social group.

Ключевые слова: *внешний и расширяющийся круг, культурный код, интерференция языков и культур*

Keywords: *external and expanding circle, cultural code, interference of languages and cultures*

Введение

Данная статья посвящена проблематике, связанной с использованием английского языка как языка межкультурного общения, а также интеграции языковых и культурных явлений, проявляющихся в языковой идентичности народа.

Внимание различных англоведов и вариантологов к социально-реалистическому подходу в исследовании вариантов английского языка позволяет описывать проблемы текста не только через парадигму контактной вариантологии, и модели «трех кругов английского языка», «билингвальной креативности», в русле лингвокультурологии и социолингвистики.

Основная часть

Следуя за пониманием Ю. М. Лотманом, культуры в широком смысле, мы в данной работе осознаем, что не всегда можно четко и однозначно разделить природу и культуру, ибо «граница размыта, и определение каждого конкретного факта как принадлежащего культурной или внекультурной сфере обладает высокой степенью относительности». Философ понимал культура «прежде всего, — понятие коллективное». Он считал, что отдельный человек может быть носителем культуры и может активно участвовать в ее развитии» [Lotman, 1992: 45]. Однако, и язык, и культуру ученый понимал как общественное и социальное явление. К. Леви-Строс указывал, что язык может рассматриваться как: «1) продукт культуры: употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа; 2) часть культуры: он представляет собой один из ее элементов; 3) условие культуры: именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы» [Levi-Stros, 1985]. При анализе понятия

культуры необходимо остановиться на антиномии ее социального и индивидуального характера. Различные исследователи в своих определениях делают акцент на первом или на втором, разграничивая два понятия, т. е. культуру, с одной стороны, рассматривают с точки зрения «философии культивирования индивидуальных сил и способностей человека» [Gudkov, 2022], а с другой — под культурой понимают определенные формы социального взаимодействия. Толкование понятий культурного кода мы находим также у выдающегося деятеля российского литературоведения – Г. Д. Гачева, который внес вклад в уточнение литературоведческого и культурологического значения концепта «культурный код» и в становление отдельного научного понятия «национальный культурный код». Он понимал «культурный код» национальной культуры в единстве «национальной природы, склада психики и мышления» [Gachev, 2007]. В своих работах Г. Д. Гачев проанализировал эти черты культурного кода на примерах множества культур. Как пишут последователи ученого, принимающие его позицию «культурный код» состоит в единстве природы, психики и мышления. Сегодня создается обширная литература, исследующая особенности национальных кодов культур, межкультурного общения и межкультурного перевода, уточняются определения обсуждаемого понятия. Так В. В. Красных понимает под кодом культуры «сетку», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, структурирует и оценивает его» [Krasnyh, 2006]. Коды культуры задают и предопределяют особенную сферу, участвуют в структурировании материального мира.

Связь языка и культурного кода всегда являлось предметом рассмотрения ученых, исследующих разные области знания. По мнению А.Е. Кибрика, язык в широком понимании является определенным специфическим классом знаковых систем, Д.Б. Гудков, характеризуя языковую личность, говорит о «структуре знания» такой личности. Согласно его теории, любой участник коммуникации, являясь языковой личностью, выступает как «индивидуум», носитель только присущих ему черт и признаков; член тех или иных социальных групп (семья, профессия и т.д.); представитель определенного национально-культурного

сообщества [Gudkov, 2022: 61]. Общеизвестно, что с начала 1980-х гг. исследования и публикации по проблемам контактных вариантов способствовали смене парадигмы в изучении английского языка. В английском языке термин «английский язык» получил распространение во множественном числе, в составе терминов varieties of English – «варианты английского языка», international Englishes – «международные варианты английского языка», new Englishes – «новые варианты английского языка» и world Englishes – «варианты мирового английского языка», или контактные варианты английского языка. В основных международных научных журналах (Asian Englishes, English Today) за последнюю декаду появилось большое количество работ по тематике, связанной с контактной вариантологией. Богатое литературное наследие, а также колоритный англо-шотландский эпос порождают огромное количество художественных произведений авторских и фольклорных художественных произведений, которые пытались следовать данным литературным традициям. Концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке. Это наглядно свидетельствует о невозможности оставаться в рамках только языковой системы, если хотим добиться от инофона адекватной коммуникации на русском языке, ибо само пользование этой системой и невозможно без овладения минимумом того комплекса знаний, который является общим практически для всех русских.

Таким образом, язык является непосредственной характеристикой языковой общности, отражающей всецело структуру этой личности. Взаимодействую в поликультурной мультиязыковой среде, структура языковой личности приобретает новое, обусловленное данным социумом характеристики.

В 80-х годах прошлого столетия известные ученые-вариантологи исследовали английский язык в контексте анализа глобальных языковых процессов. Одной из целей является рассмотрение характерных особенностей англоязычного художественного текста, написанного на материале британского и австралийского его вариантов – британских и австралийских художественных авторских сказок.

Специфика и национальный колорит, проявляющийся в британских сказках, рассматриваются на материале сказок: *“Nix Nought Nothing”*, *“Cap o’ Rushes”* [Jacobs, 1970] взятых из сборника *“English Fairy Tales”*. Что касается сказки, *“Nix Nought Nothing”*, британский национальный колорит передается через имена героев, которые связаны с этимологией английских слов и историческим контекстом: “…the boy had grown a fine, bonny *laddie*” – *мальчуган, паренек, парнишка, Малец;informal especially BrE, что говорит о неформальном употреблении имени, в отличие от общеупотребимого слова «*boy»; “Oh, give me *Nix, Nought, Nothing,* and I will carry you over the water on my back” – «*Никто, Ничто, Ничего*» в данном контексте нарицательные слова становятся именами собственными с целью усилить значение ничтожности, никчемности, отсутствия смысла и содержания героя; “the giant had *a bonny daughter*, and she and the lad grew very fond of each other” – *прелестная дочка*, pretty and healthy, adj. especially ScotE, clever or skillful, что на русский язык может быть передано как *красивая и цветущая, умница.* Слово «*bonny»* использовано в качестве описательного определения и привносит особое значение в контекст, исходя из шотландского происхождения слова. “Why, to near the castle of *Nix Nought Nothing’s* father and mother” – *Никто, Ничто, Ничего; Nix – old-fashioned “no”.* Устаревшая форма слова *«Nix»,* обозначающая *«no»,* используется, чтобы показать исторический контекст события, отнести читателя в другую эпоху через слово, что характерно для британской культурной традиции, ее особого отношения к собственной истории, своим корням и всей истории развития английского языка; “…on the way he came to the cottage of the *hen-wife* whose boy, you’ll remember, had been killed by the giant” – *птичница; жена-наседка*, данный способ словосложения, в результате, продуцирует новое слово, обозначающее вымышленный, сказочный персонаж, символизирующий заботливую мать, слишком опекающую своих детей; “If *I’m so bonny*, if I’m so brave, why do you send me to draw water?” – *я такая хорошенькая;* “*Waken, waken*, and speak to me!” – *просыпайся*! Формально по отношению к «wake up», что придает важности контексту, лишает контекст обыденности [Jacobs, 1970: 21-26].

"…and because she gave no name they called her *Cap o' Rushes*" – *Тростниковая шапка,* имя, данное сказочному персонажу, содержит описание его внешних атрибутов, характерных для Великобритании той эпохи; "*Howsoever*, when they were gone, she offed with her cap o' rushes and cleaned herself, and away she went to the dance" – *как бы ни*; "*The master's son had been reckoning on* seeing her, and he danced with no one else, and never took his eyes off her" – *Сын хозяина рассчитывал на*..[Jacobs, 1970: 28-29].

Данные контексты ярко демонстрируют проявление британского национального менталитета, отношение к собственной истории к проявлениям исторических особенностей эпохи, которую описывает автор, быта и жизни героев.

Развитием «социально-реалистического» подхода к исследованию вариантов английского языка послужило описание и анализ конкретных вариантов «Внутреннего» и «Расширяющегося» кругов. Вместе с тем, ученые продолжали создавать «недискриминационную» теорию контактных вариантов английского языка, включая «метасоциолингвистическое», опирающееся на конкретные языковые и национальные особенности языка определенного народа, средства общения. Серьезный пересмотр вариантологии английского языка сказался на многих разделах лингвистики, включая прикладную лингвистику и лингводидактику.

Работы ученых в этой области объединили исследование распространения английского языка с исследованиями многоязычия, смены языков и культур, а также их сохранения; изучались проблемы национальных языков и рас, и это стало социально-политической основой для социолингвистики. Пользуясь достижением социолингвистической науки, мы можем анализировать языки различных социальных групп, язык социума, метоязыки, а также языки «социального статуса». [Knapp, 2002; Jenkins, Modiano, Seidlhofer, 2001].

Проблематика приобрела настолько глобальный характер, что рассмотрение вопроса вышло за рамки «внутреннего и внешнего кругов». Появилась необходимость анализа языков «расширяющегося круга», что является свидетельством особой важности рассмотрения именно британского варианта английского языка как «языкового эталона», а также

австралийского варианта, как одного из базовых закрепленных вариантов английского языка. Наряду с британским английским, а также вариантами внутреннего и внешнего кругов активно развиваются варианты расширяющегося круга. Исследователями созданы многочисленные словари. К примеру, в странах Южной Азии, в терминологии Б.Б. Качру, во «Внешнем круге», прежде всего, развивались собственные языковые и лингвистические традиции, появлялись специальные словари: “An Anglo-Indian Dictionary” Уитворта [Whitworth, 1885] или “Hobson-Jobson: A Glossary of Anglo-Indian Words and Phrases” Юла и Бёрнелла [Yule, Burnell, 1969]. Среди более поздних лексикографических работ можно отметить Рао [Rao, 1954] и Хокинса [Hawkins, 1984]. В странах Карибского бассейна был создан словарь Кэссиди и Ле Пейдж “Dictionary of Jamaica English” [Cassidy, 1967], словарь Хольма и Шиллинга Dictionary of Bahamian English [Holm, 1982], а также “Dictionary of Caribbean English Usage” [Allsopp, 1996]. Среди популярных изданий можно отметить работы Дэвида Кристала: “The English Language” [Crystal, 1988], “English as a Global Language” [Crystal, 1997] и “The Stories of English” [Crystal, 2004].

Следуя парадигматике World Englishes, мы рассматриваем тексты австралийских художественных сказок с точки зрения языкового кода и его вариативности. Приступая к анализу исторического и культурного контекстов положенных в основу австралийских сказок необходимо помнить, что основными темами для создания образов для контекстов становились войны, походы, завоевания и борьба коренного народа с завоевателями. Яркие и образные имена собственные, названия орудий, представляют богатейший материал для семантического, компонентного и этимологического анализа художественного текста. Научная состоятельность парадигмы World Englishes заключается в ее последовательном плюрализме и инклюзивности. В рамках данного подхода оба этих понятия находят выражение на нескольких уровнях. По поводу «плюрализма» Б.Б. Качру пишет, что [Kachru, 1997] контактная вариантология английского языка отражает определенные лингвистические, культурные и прагматические реалии и существующий в реальной действительности плюрализм.

Плюрализм становится составной частью вариантов английского языка и художественной литературы, написанной на разных вариантах английского языка. Языковой и культурный плюрализм английского языка отражается в теоретических и практических подходах, определяемых для толкования этого языкового явления. Согласно Оксфордскому словарю, греческое слово, с которым этимологически связано слово «этос», означало «характер», «природу», «предрасположенность»; сегодня слово используется в значении «характерный дух, преобладающее настроение, ощущение людей или общества; «дух» общественного института или системы». В основе понятия лежат положения и убеждения, включая поддержку лингвистического и расового разнообразия, поддержку находящихся под угрозой вымирания языков и культур. Помимо этого, World Englishes подразумевает стремление к инклюзивности, которая продолжает оставаться ключевым принципом контактной вариантологии [Kachru, 1985]. Универсальный культурный код сегодня представляется необходимостью, несмотря на продолжающиеся этнические конфликты в мире. Растет понимание, что языковое и этническое разнообразие является реальностью, которая делает диалог необходимым, одновременно представляя собой основу для диалога [Annan, 2002]. Сопоставляя тексты британских сказок с австралийскими фольклорными текстами необходимо отметить яркие различия, прежде всего, в категориях лексических единиц для создания образов, передачи культурных реалий, которыми пользуются авторы сказок.

К примеру: **Koori** (an Australian aboriginal people) – аборигены Австралии, Австралийский сленг: коренной, кури, туземный; **ANZAC** (an Aussie or Kiwi soldier) – австралийский или новозеландский солдат; **Aussie** (an Australian person; in its widest sense this refers to any citizen of Australia, contextually it refers to a typical *white* Australian, as opposed to an Aboriginal Australian or a Torres Strait Islander, or other ethnic Australian) – житель Австралии, «белый» австралиец; **Boomerang** (a crescent-shaped wooden implement) – бумеранг; **Brumby** (a native Australian horse) – лошадь, выведенная в Австралии; **Bunyip** (a mythical man-eating amphibious beast) – мифический персонаж; **Desert art**

(a style of modern Australian Aboriginal art) – австралийский стиль в живописи; **Didgeridoo** (the oldest wind instrument on the planet) – самый древний духовой инструмент на планете; **Weatherboard** (a wooden house) – деревянная лошадь; **Yowie** (a mythical beast, an unidentified Australian hominid) – мифическое человекоподобное существо. Great Barrier Reef (Большой Барьерный риф) — гряда коралловых рифов, простирающаяся вдоль северо-восточного побережья Австралии; Great Sandy Desert (Большая Песчаная пустыня). К этой же группе относятся наименования и явления естественно-географической среды, такие как, например: build-up — период прямо перед сезоном дождей, характерный для северных регионов континента; black snow (он же Burdekin snow и Bundy snow) — пепел от сгоревшего тростника, который разносится ветром; Billabong — русло реки, которое наполняется водой только после дождя; oxbow — излучина реки, оставшаяся в качестве небольшого дугообразного озера; anabranch — ответвление реки, покидающее основной поток, а затем снова присоединяющееся к нему. Также наименования флоры и фауны: waratah (растение телопея), kurrajong (австралийский фрукт); wattle (общее наименование для пятисот видов австралийской акации); burrawang (австралийская низкорослая пальма); geebung (кустарник с плодами); echidna (ехидна); platypus (утконос); corella (носатый какаду), boobook (сова бубук), dingo или warrigal (собака породы динго), wallaby и wallaroo (an Australian animal like a small kangaroo; карликовый и горный кенгуру), wombat (вомбат), wollomai (порода австралийской лошади); wonga wonga (голубь) [Butler, Электронный ресурс].

В результате проведенного анализа выявлены две большие семантические группы, обозначающие принадлежность пользователей данного специального лексикона к особому национальному культурному коду уникального континента, на котором произрастают необычные растения, обитают редчайшие виды, населяющих эту землю животных. Отображается ментальность народа, предками которого были и остаются исконные обитатели этих земель — аборигены. Особый уклад их жизни, устои, традиции, исторические события, наложившие отпечаток на их национальном характере, не могут не быть

связаны с тематикой войны, сражения, победы, борьбы за независимость.

В британских сказках наблюдается проявление особой ментальности народа, которая просматривается через явления флоры и фауны и передается с использованием исключительно специфичной лексики, описывающей конкретные виды растений и животных, обитающих только в данной местности. В британских сказках также наблюдается присутствие культурных кодов на уровне лексической системы, транслируемых авторами этих сказок. В книге Джоан Роулинг «Фантастические звери и места их обитания» можно выделить огромное множество безэквивалентной лексики: имена собственные (имена персонажей, названия учреждений и организаций, клички), термины, реалии (заклинания, названия существ) [Rowling, URL]. Среди имен собственных можно отметить: Имена персонажей: *Newton (Newt) Artemis Fido Scamander*. Можно предположить, что имя персонажа произошло от английского слова *newt* – тритон, земноводное, небольшая саламандра, а фамилия созвучна с *salamander* – саламандра, что может являться скрытой характеристикой персонажа, указывающей на его любовь к волшебным существам. Еще одним возможным вариантом происхождения фамилии может быть английское слово *scam* – обман, афера. Мы можем найти и реалии из мира волшебников, которые также не имеют эквивалентов в русском языке: *Alihotsy* – дерево, листья которого вызывают истерику и неконтролируемый смех: *hot* – разгоряченный, оживленный, Заклинания: *Memory Charms – Заклятие Памяти, Заклинание Забывчивости*; *Thief's Curse – Проклятие Воришки, Воровское заклятье; Silencing Charm – Заклятие немоты, Заглушающее заклинание.* Большое количество безэквивалентной лексики составляют названия волшебных существ. Среди наиболее ярких примеров можно выделить: *Ashwinder* – маленькая змейка, рождающаяся из магического огня, оставляющая за собой пепельный след, а умирая, рассыпающаяся в пепел; этим и объясняется ее название: *ash* – пепел. *Billywig* – насекомое с крыльями на голове, которые вращаются с такой скоростью, что существо вращается вокруг своей оси.

Выводы. Сопоставляя два варианта языка, и два разных культурных кода в пространстве художественного текста мы приходим к выводу, о том, что, поскольку английский язык является мультикультурным средством общения, что обусловливает равенство всех его вариантов. Вместе с тем, в своем практическом функционировании английский язык стал транскультурным, что особенно ярко проявляется в пространстве художественного текста, создаваемого носителями вариантов английского языка, посредством выражения через план содержания, в который заложены как специфические черты определенной ментальной картой, так и культурный код языковой личности.

References

1. Allsopp R. The Dictionary of Caribbean English Usage. Oxford, 1996.
2. Annan K. A. Nobel lecture. Oslo, 2001. December 10. http://nobelprize.org/peace/laureates/2001/annan# lecture.html. Accessed: October 2002.
3. Butler Susan. Macquarie Dictionary [Электронный ресурс] / ed. Susan Butler. — Sydney : Macquarie University, 2014.
4. Cassidy F. G., Le Page, R. Dictionary of Jamaican English. Cambridge, 1967.
5. Crystal D. The English Language. London, 1988.
6. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge, 1997.
7. Crystal D. The Stories of English. London, 2004.
8. Gachev G. D. *Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira. Monografija* [Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world. monograph]. M.: Academic project, 2007. –511 pp. (in Russian).
9. Gudkov D.B. *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. M.: LENAND, 2022.– 200 pp. (in Russian).
10. Hawkins, R. E. Common Indian Words in English. Delhi, 1984.
11. Holm, J., Shilling, A. W. (eds.) Dictionary of Bahamian English. Cold Spring, NY, 1982.
12. Jacobs J. *English Fairy Tales.* GB.: Puffin Books, 1970. – 160 pp.
13. Jenkins, J., Modiano, M., Seidlhofer, B. Euro#English // English Today, 17(4), 2001.
14. Kachru B. B., Smith, L. E. Editorial // World Englishes, 4, 1985.
15. Kachru B. B. World Englishes 2000: resources for research and teaching // Smith, L. E., Forman, M. L. (ed.) World Englishes 2000. Honolulu, 1997 (b).

16. Knapp K., Meierkord, C. (eds.) Lingua Franca Communication. Frankfurt am Main, 2002.
17. Krasnyh V. V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija*. *Lekcionnyj kurs* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Lecture course.]. M.: Gnozis, 2006. p. 13–14. (in Russian).
18. Levi-Stros K. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. M.: The main editorial office of Oriental literature, 1985. – 536 pp. (in Russian).
19. Lotman Ju. M. *Kul'tura i vzryv*. [Culture and explosion]. M.: Gnozis; Publishing Group «Progress», 1992. – 272 pp. (in Russian).
20. Rao, G. S. Indian Words in English: A Study in Indo-British Cultural and Linguistic Relations. Oxford, 1954.
21. Rowling J.K. Fantastic Beasts and Where to Find Them. URL: https://bookfrom.net/j-k-rowling/31083-fantastic-beasts-and-where-to findthem.html.
22. Whitworth, G. C. An Anglo-Indian Dictionary: A Glossary of Indian Terms Used in English, and of such English or Other Non-Indian Terms as have obtained Special Meanings in India. London, 1885.
23. Yule H., Burnell, A. C. Hobson#Jobson. A Glossary of Anglo-Indian Words and Phrases. London, [1886] 1969.

Статья поступила в редакцию 05.08.2023
Статья одобрена после рецензирования 19.11.2023
Статья принята к публикации 18.12.2023

СПИСОК АВТОРОВ

Алиханова Инна Александровна – преподаватель кафедры английского языка для естественных языков факультета иностранных языков и регионоведения Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: inna-alikhanova@mail.ru

Буланкина Надежда Ефимовна – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иноязычного образования, Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Новосибирской области «Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»
E-mail: nebn@yandex.ru

Горбунова Елена Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: ev.svet@mail.ru

Донскова Ирина Ивановна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: donskova_irina@mail.ru

Евграфова Юлия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры Рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Гуманитарно-прикладной институт, Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: yu.evgrafova@mail.ru

Красоцкая Милана Денисовна – аспирант, кафедра Теории и практики иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: Milana19971@yandex.ru

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: mazirka_den@mail.ru

Мигдаль Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
E-mail: irinamigdal@gmail.com

Михеева Елена Васильевна – преподаватель кафедры английского языка для естественных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: lena.mikheeva@mail.ru

Осиновская Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный аграрный университет Северного Зауралья»

E–mail: osinovskayalm@gausz.ru

Осипова Ольга Сергеевна – аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Южный федеральный университет", Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
E-mail: muse245@mail.ru

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: annapavl@mail.ru

Петрова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: OlgaSPetrova@mail.ru

Попова Евгения Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков, Институт иностранных языков им. М. Тореза, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»
E-mail: o-genia@yandex.ru

Семенова Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: sepia21@yandex.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАЕ, профессор, кафедра иностранных языков профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых»

E-mail: fedulenkova@list.ru

Филиппова Дарья Олеговна – аспирант 2 курса, институт иностранных языков, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: dasik-fil@mail.ru

Чжан Тяньюань – аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков Института иностранных языков, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

E–mail: zhangtianyuan0823@163.com

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «**Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики**», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК** Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за

собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована:** давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Matherials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть структурирована (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с

ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте http://www.translit.ru.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. M.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (e–mail).

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 20.12.23. Формат 60x90/16